

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

№ 6 — июль 1981 г.

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6

1981

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6

1981

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гибянский Л. Я., Зеленин В. В.</i> Некоторые аспекты югославо-советских отношений в малоизвестных документах, выступлениях и статьях И. Броз Тито	3
<i>Волокитина Т.</i> Организационно-политическое развитие Отечественного фронта в период становления и укрепления народно-демократической власти в Болгарии (9 сентября 1944 — октябрь 1946 гг).	25
<i>Большакова К. В.</i> Советско-польские литературные связи в 1946—1949 гг. (по материалам ВОКС и ОПСД)	37
<i>Кишкин Л. С.</i> Чешско-русские литературные связи (вторая половина XIX века).	55
<i>Матковски А.</i> Из жизни и научной деятельности Полихрония Агапьевича Сырку (1855—1905)	67
<i>Виноградова Л. Н.</i> Первые польские этнографические программы	78
<i>Иванов Вяч. Вс.</i> Происхождение славянских глагольных форм на -l	91
<i>Буюклиев И.</i> (НРБ). Кирилло-мефодиевская традиция и возникновение старых западнославянских литературных языков	103
<i>Никулина М. В.</i> Й. Добровский и А. Х. Востоков (к 200-летию со дня рождения А. Х. Востокова)	109
<i>Матвеев Г. Ф.</i> Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. I—X	114

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Зеленин В. В. М. М. Сумарокова.</i> Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны (1929—1939 гг.)	125
--	-----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Саливон А. Н.</i> История средних веков, Учебник для студентов исторических факультетов педагогических институтов	127
<i>Фрейдзон В. И.</i> , <i>Василије Ђ. Крстић.</i> Историја српске штампе у Угарској 1791—1914	130
<i>Прокофьева Д. W.</i> <i>Wilczyński. Władysław Syrokomla i literatura gosyjska</i> . . .	132
<i>Досталь М. Ю.</i> , <i>Никулина М. В.</i> Русское и славянское языковедение в России середины XVIII—XIX вв. (в библиографических очерках и воспоминаниях современников). Учебное пособие. Составители: С. В. Смирнов, Г. И. Сафронов, П. А. Дмитриев	134
<i>Бесценная Е. Д.</i> <i>R. Grzegorzczkova, J. Puzynina. Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksálne rodzime</i>	137
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1981 г.	140

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ПИМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ГИБИАНСКИЙ Л. Я., ЗЕЛЕНИН В. В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЮГОСЛАВО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МАЛОИЗВЕСТНЫХ ДОКУМЕНТАХ, ВЫСТУПЛЕНИЯХ И СТАТЬЯХ И. БРОЗ ТИТО (1944—1946)

В 1977 г. в Югославии началось издание «Собрания сочинений» выдающегося руководителя югославских трудящихся, видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения Иосипа Броз Тито (1892—1980) [1]. В вышедших первых десяти томах¹ опубликованы его работы 1926—1942 гг. В предисловии ко всему изданию было отмечено, что при подготовке данной публикации югославские историки провели большую работу по розыску в различных архивах, прессе и периодике прежде неизвестных или не найденных статей, разного рода материалов, писем и других документов, написанных И. Броз Тито. В основном это относится к периоду до второй мировой войны, когда КПЮ и Тито как один из ее видных деятелей и руководителей, а затем Генеральный секретарь действовали в условиях подполья, и к периоду народно-освободительной войны 1941—1945 гг.: в суровых условиях борьбы с оккупантами документы КПЮ и народно-освободительного движения, в том числе написанные Тито, хранить было чрезвычайно трудно. Исследования проводились Институтом современной истории в Белграде почти десять лет во многих архивах Югославии и других стран, одновременно были просмотрены больше ста газет и журналов югославского и международного рабочего движения, в которых могли публиковаться статьи и корреспонденции Тито. Эти розыски оцениваются в предисловии как довольно успешные, однако констатируется, что по различным причинам «все же не все работы Тито найдены» и «нужно продолжить исследования» [1, т. 1, с. XL—XLI].

Значительную часть указанной работы югославские историки провели в Советском Союзе (в предисловии к «Собранию сочинений» выражается, в частности, особая благодарность ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС). Попав первый раз в Россию еще очень молодым, И. Броз Тито в 30-е годы неоднократно бывал в СССР, некоторое время работал в Коминтерне. Уже в предвоенный период его деятельность была неразрывно связана с интернациональным взаимодействием между КПЮ и КПСС в рядах международного коммунистического движения. Во время народно-освободительной войны 1941—1945 гг. Тито, возглавив народно-освободительное

¹ Первоначально планировалось выпустить «Собрание сочинений» в 40 томах, однако, уже в предисловии к изданию редакция указала, что число томов будет «значительно больше» [1, т. 1, с. XLIV].

движение (НОД) Югославии, находился непосредственно в центре тесного политического и затем военного сотрудничества между СССР и НОД Югославии. После войны деятельность Тито в качестве руководителя социалистической Югославии также имела прямое отношение к советско-югославским взаимосвязям и сотрудничеству. Всем этим было обусловлено то существенное обстоятельство, что в советских архивах отложился ряд документов И. Броз Тито, что некоторые его работы были впервые опубликованы в СССР.

Розыски, проведенные югославскими историками в Советском Союзе, дали значительные результаты: в вышедших томах «Собрания сочинений» помещен ряд новых документов и статей И. Броз Тито, отсутствовавших в прежних публикациях². Вместе с тем возможности выявления неизвестных или малоизвестных документов и материалов Тито, не введенных до сих пор в научный оборот, не исчерпаны еще до конца. Об этом свидетельствует, в частности, обнаруженная нами в ЦГАОР СССР переписка Тито с советскими общественными организациями в 1944—1946 гг. Другой пример — опубликованные в эти же годы в Советском Союзе некоторые выступления и статьи Тито, оказавшиеся затем малоизвестными и не вошедшие в выпущенные до сих пор издания его сочинений.

Если придерживаться хронологического порядка, то первым из документов И. Броз Тито, о которых идет речь, явилось письмо, написанное им во время народно-освободительной войны, в конце сентября 1944 г., председателю Антифашистского комитета советских женщин (АКСЖ) В. С. Гризодубовой. У письма была своя предыстория, которая выясняется из документов, также хранящихся в ЦГАОР СССР.

Одним из проявлений отношений солидарности и боевого содружества между СССР и НОД Югославии явилось взаимное стремление к установлению связей и сотрудничества между общественно-политическими организациями в Советском Союзе и югославскими, возникшими в годы войны в рамках НОД. В частности, это касалось женских организаций обеих стран — АКСЖ и Антифашистского фронта женщин Югославии (АФЖЮ). В мае 1944 г. руководство АКСЖ решило направить приветствие солидарности и вступить в прямой контакт и сотрудничество с АФЖЮ. Было написано письмо женщинам Югославии, в котором выражались боевая солидарность с ними и всем югославским НОД, высокая оценка их вклада в общую борьбу против фашизма, уверенность в совместной победе над врагом [9, оп. 2, д. 82, л. 6]. Одновременно был предназначен для отправки в Югославию в качестве подарка югославским женщинам альбом о бое-

² До «Собрания сочинений», выходящего теперь, в Югославии было предпринято в течение послевоенного периода два наиболее крупных издания сочинений И. Броз Тито. Одно из них, получившее название «Сочинения», было начато белградским издательством «Култура» еще в 1947 г. Оно состоит из двух частей: первая — «Борьба за освобождение Югославии 1941—1945 гг.» — издана как однотомник [2], вторая — «Строительство новой Югославии» — представляет собой многотомную серию, продолжавшуюся по мере того, как Тито в качестве государственного и партийного руководителя социалистической Югославии выступал с новыми речами, докладами, статьями и другими произведениями [3]. В 1959 г. загребское издательство «Наприед» начало многотомную публикацию работ И. Броз Тито «Речи и статьи», также пополнявшуюся на протяжении последующего времени дальнейшими томами, которые составлялись из новых выступлений Тито [4]. Все остальные публикации сочинений Тито, являвшиеся более краткими или тематическими, предпринимались в послевоенные годы в Югославии и за ее пределами главным образом на основе указанных двух изданий. Это относится, в частности, и к выпущенному в СССР однотомнику его избранных статей и речей [5]. Ряд работ и документов, написанных Тито во время войны и не вошедших в названные выше два издания, помещен в трехтомнике его военных произведений [6], а также в двух книгах первого тома документальной публикации «Исторический архив Коммунистической партии Югославии» [7] и в многотомной публикации документов о народно-освободительной войне [8].

вых подвигах советских женщин на фронте и их самоотверженном труде в тылу под названием «Мы победим». На альбоме была сделана надпись, под которой подписались руководители АКСЖ во главе с В. С. Гризодубовой: «Героическим женщинам Югославии: В знак восхищения Вашей самоотверженной борьбой за освобождение Родины» [9, оп. 2, д. 82, л. 9]. Поскольку между АКСЖ и АФЖЮ еще не было прямых связей, АКСЖ решил обратиться за помощью в передаче письма и альбома по назначению, а также за содействием в организации практического сотрудничества с АФЖЮ к И. Броз Тито. 24 мая 1944 г. руководство АКСЖ во главе с Гризодубовой написало ему письмо с просьбой «вместе с горячими приветствиями передать героическим женщинам Югославии наше послание и альбом „Мы победим“». АКСЖ просил Тито оказать помощь в скорейшем получении материалов о самоотверженной борьбе и трудовом героизме югославских патриотов, об антифашистских женских организациях и их работе. Письмо заканчивалось горячими пожеланиями скорейшей победы [9, оп. 2, ед. 82, л. 8]. Письмо, адресованное Тито, вместе с письмом и альбомом для женщин Югославии было направлено югославской военной миссии в Москве с просьбой переслать все указанные материалы по назначению [9, оп. 2, д. 82, л. 9].

В документах, хранящихся в ЦГАОР СССР, нет никаких сведений, было ли доставлено Тито это письмо и получил ли АКСЖ от него ответ. Следует иметь в виду, что буквально на другой день, 25 мая 1944 г. гитлеровцы сбросили на Дрвар, где в то время находились И. Броз Тито и другие руководители новой Югославии, воздушный десант с целью их захвата и одновременно предприняли наступление на расположенную вокруг свободную территорию. Руководство новой Югославии во главе с Тито было вынуждено уйти в горы, а в начале июня было переброшено воздушным путем, благодаря самоотверженности советских летчиков, в Бари в Италии, откуда затем доставлено на адриатический остров Вис, занятый с сентября 1943 г. частями Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) (о десанте на Дрвар см. подробнее [10]). Поэтому доставка Тито корреспонденции от АКСЖ в тот момент была значительно затруднена. Документы ЦГАОР СССР свидетельствуют, что АКСЖ продолжал шаги по установлению связей и практического сотрудничества с АФЖЮ. Так, 22 августа 1944 г. в адрес АФЖЮ была послана стенограмма IV Антифашистского митинга советских женщин, состоявшегося 20 августа в Москве [9, оп. 2, д. 82, л. 5]. А 16 сентября председатель АКСЖ В. С. Гризодубова написала письмо непосредственно председателю АФЖЮ К. Пейнович, в котором содержалось приветствие героическим народам Югославии и югославским женщинам и выдвигалось предложение АКСЖ о постоянном обмене с женскими организациями и органами печати новой Югославии материалами о жизни, труде и борьбе женщин обеих стран, что должно было содействовать тесным дружеским отношениям между ними [9, оп. 2, д. 82, л. 7]. Одновременно с этим письмом АКСЖ решил послать подарок И. Броз Тито — такой же альбом «Мы победим», как и тот, что уже был направлен 24 мая Тито с просьбой передать женской организации новой Югославии. На альбоме была сделана надпись: «От женщин Советского Союза. Маршалу Иосипу Броз Тито — организатору героических побед народов Югославии над гитлеровскими ордами. В. Гризодубова. 16.9.1944» [9, оп. 2, д. 82, л. 11].

Очевидно, подарок АКСЖ переслать на Вис не успели, поскольку через несколько дней И. Броз Тито сам прибыл в Москву. Приезд последовал за его обращением в начале сентября 1944 г. к Советскому правительству с просьбой, чтобы части Красной Армии, вышедшие в это время к югославской границе, перешли через границу в Восточную Сербию и помог-

ли НОАЮ освободить Сербию и Белград [3, кн. I, с. 144; 11, с. 420]. В Москве между советскими руководителями и Тито была достигнута полная договоренность о совместной операции советских войск и НОАЮ по освобождению Сербии и Белграда, одновременно решалась задача выхода советских войск через югославскую территорию в Венгрию [3, кн. I, с. 114; 12, с. 203; 13, с. 84—85]. О достигнутом соглашении было объявлено 29 сентября 1944 г. в сообщении ТАСС [14, с. 236]. В эти дни Тито и был, видимо, вручен подарок АКСЖ. Во всяком случае, именно в Москве 27 сентября 1944 г. руководитель новой Югославии написал ответное письмо Гризодубовой, хранящееся в ЦГАОР СССР [9, оп. 2, д. 82, л. 12 а]. Письмо отпечатано на машинке по-русски: зная русский язык, И. Броз Тито часто пользовался им в переписке и непосредственном общении с советскими товарищами. Приводим полный текст письма³.

«Товарищу полковнику⁴ В. С. Гризодубовой⁵

Позвольте мне поблагодарить вас за прекрасный альбом героических советских женщин, который вы подарили мне. Этот дорогой подарок меня очень обрадовал, потому что я в этом акте вижу выражение любви советских женщин к народно-освободительному движению Югославии, в котором участвуют сотни тысяч женщин нашей страны.

Героическая борьба советских женщин вдохновляла и вдохновляет женщин Югославии в борьбе против ненавистных врагов человечества — фашистских завоевателей. Женщины Югославии гордятся тем, что своим участием и жертвами, которые они дали в народно-освободительной борьбе, [они] завоевали симпатии и любовь советского народа.

Мой горячий привет славным женщинам великой социалистической страны.

Смерть фашизму — свобода народу!
27.9.1944 г.

Маршал Югославии
*J. B. Tito*⁶.

Целый комплекс неизвестных или малоизвестных документов И. Броз Тито, не введенных в научный оборот и не вошедших в вышедшие до сих пор издания его сочинений, связан с сотрудничеством в период войны и в первые послевоенные годы между Тито и другой действовавшей в СССР общественной организацией — Всеславянским комитетом в Москве.

Как известно, Всеславянский комитет, созданный в 1941 г. по инициативе советских общественных деятелей как международная организация солидарности славянских народов в борьбе с фашизмом, на протяжении

³ В написании некоторых слов и употреблении знаков препинания в тексте письма встречаются отдельные влияния сербскохорватского языка. Письмо публикуется нами в соответствии с правилами русской грамматики.

В переводе на сербскохорватский язык письмо было опубликовано в июле 1981 г. Л. Я. Гибанским [32], информировавшим об этой публикации главного редактора выходящего ныне «Собрания сочинений» Тито П. Дамяновича.

⁴ Знаменитая летчица Герой Советского Союза Валентина Гризодубова, прославившаяся еще перед войной рекордным беспосадочным перелетом из Москвы на Дальний Восток, во время войны была командиром бомбардировочного авиационного полка.

⁵ В тексте — В. Г. Гризодубовой.

⁶ Письмо было доставлено в АКСЖ, очевидно, курьерской связью, поскольку на конверте отсутствуют почтовые знаки [9, оп. 2, д. 82, л. 12]. К истории этого письма следует добавить, что три дня спустя, 30 сентября 1944, г., ЦК АФЖЮ направил в адрес АКСЖ приветствие советским женщинам [9, оп. 2, д. 82, л. 16]. А 30 декабря из уже освобожденного советскими войсками и НОАЮ Белграда ЦК АФЖЮ послал АКСЖ письмо, что он, как говорилось, «с радостью отзывался» на предложение АКСЖ об обмене материалами и практическом осуществлении сотрудничества между женскими организациями СССР и новой Югославии. В письме выражались чувства дружбы к советскому народу и советским женщинам [9, оп. 2, д. 82, л. 26—27].

войны систематически выступал в поддержку народно-освободительной борьбы в Югославии (подробнее см. [15; 16]).

В своей деятельности по популяризации НОД Югославии и разоблачению его противников Всеславянский комитет вступил в непосредственное сотрудничество с И. Броз Тито. Весной 1944 г. по договоренности с известным американским журналом «Фри Уорлд» Комитет обратился с просьбой к Тито написать статью о народно-освободительной борьбе для публикации в этом журнале. В результате Тито написал свою работу «Борьба народов поработенной Югославии», которая была прислана Всеславянскому комитету в мае 1944 г. Комитет передал ее в редакцию «Фри Уорлд» по телеграфу, так что она смогла быть напечатана уже в июньском номере журнала и вызвала большой общественный резонанс [17, оп. 1, д. 53, л. 14; д. 54, л. 11; 18, с. 38]. Одновременно статья была опубликована в СССР, где вышла отдельной брошюрой [19], выдержавшей множество изданий на русском и других языках народов СССР, на иностранных языках⁷. Широкое распространение указанной статьи Тито имело большое значение в борьбе за упрочение позиций НОД, за международное признание новой Югославии, саботировавшееся правительствами западных держав.

Сотрудничество между Всеславянским комитетом и И. Броз Тито продолжалось и дальше⁸. Важную роль в его дальнейшем развитии сыграло установление непосредственного личного контакта во время официального визита Тито в СССР во главе правительственной делегации Югославии в апреле 1945 г. Находясь в Москве, Тито 13 апреля посетил Всеславянский комитет, где в его честь был устроен прием.

Во время приема с приветствиями к И. Броз Тито обратились председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант А. С. Гундоров и ряд других членов Комитета, советские политические и общественные деятели, представители зарубежных славянских стран. Выступивший в ответ И. Броз Тито дал высокую оценку деятельности Всеславянского комитета и призвал к сплочению славянских народов в борьбе с фашизмом и строительстве новой жизни. В массовой печати как Советского Союза, так и Югославии была тогда опубликована информация ТАСС об этом приеме. В ней перечислялись присутствовавшие и выступавшие и кратко резюмировалось общее содержание речей, которыми обменялись Гундоров и Тито. Тексты выступлений не приводились [22; 23]. За исключением этого краткого резюме, выступление Тито во Всеславянском комитете не получило тогда распространения и впоследствии не вошло в издания его сочинений⁹. Между тем тогда же, весной 1945 г., в органе Комитета —

⁷ По данным Всеславянского комитета, статья была выпущена на десяти языках [17, оп. 1, д. 54, л. 11; 18, с. 38]. В самой Югославии она была опубликована в мае 1944 г. и затем многократно переиздавалась, в том числе в большинстве названных выше изданий сочинений Тито.

⁸ В частности, во второй половине 1944 г. Комитет обменялся рядом приветствий с Тито [18, с. 40; 20, с. 44, 46; 21, с. 44]. В ответ на поздравление Всеславянского комитета по случаю награждения И. Броз Тито и группы генералов и офицеров НОАЮ советскими орденами в сентябре 1944 г. Тито писал в телеграмме Комитету: «Глубокая вера в непобедимость нашей любимой Красной Армии и в великий братский Советский Союз вдохновляла нас всегда в тяжелые часы нашей освободительной борьбы». Подчеркнув, что бойцы и офицеры НОАЮ отдавали свои силы для разгрома фашизма и освобождения славянских народов, Тито далее писал, что «награждение Советским правительством наших офицеров обязует нас к новым победам. Мы гордимся любовью советских народов и отвечаем на нее новыми делами. По примеру нашего великого славянского брата и наша новая федеративная Югославия, строящая свою новую жизнь, отдаст все свои силы на укрепление братства славянских народов» [20, с. 46].

⁹ О выступлении Тито в названном сообщении ТАСС говорилось: «Председатель Совета Министров Югославии Маршал И. Броз Тито выступил с речью, посвященной боевому единству славян. С исключительным подъемом встретили присутствующие

журнале «Славяне» был опубликован полный текст речи Тито, точнее — двух речей, произнесенных им на приеме во Всеславянском комитете 13 апреля 1945 г. [24, с. 30—31, 33—34].

Первое из выступлений Тито было ответом на приветствие Гундорова и являлось той самой «речью, посвященной боевому единству славян», о которой говорилось в информации ТАСС. Выбор темы единства славянских народов определялся не только тем, что Тито выступал во Всеславянском комитете. Тема эта имела чрезвычайно большое общественно-политическое значение. Во-первых, в условиях, когда в ходе освобождения Европы происходили глубокие революционные перемены, установление народно-демократической власти, поворот на путь, ведущий в направлении социализма, лозунг единства славянских народов наполнялся определенным социальным содержанием, выражал стремление к сплочению утверждавшихся народно-демократических государств и Советского Союза, представлял собой по сути явление начального этапа зарождения будущей системы социалистических стран в Европе. Во-вторых, лозунг славянского сплочения имел особое значение для Югославии еще и потому, что был в тот момент одним из важных элементов укрепления единства югославских народов в рамках возникшего в ходе народно-освободительной войны и революции федеративного югославского государства. Оба эти аспекта были поставлены Тито в центр его выступления. Поскольку текст этого выступления не публиковался до сих пор в сочинениях Тито, приведем его здесь почти целиком.

Горячо поблагодарив за теплую встречу и отметив, что теперь, когда война идет к победному концу «благодаря непобедимой Красной Армии», «мы видим славянские народы не только освобожденными, но и сплоченными между собой», И. Броз Тито сказал:

«Сколько крови было пролито славянами в борьбе за свою независимость! Сколько было горячих стремлений, чтобы славянские народы жили в тесной дружбе и понимании друг друга! И вот, наконец, теперь мы имеем то, к чему так стремились все славяне, чего веками желали наши предки.

Югославские народы — сербы, хорваты, словенцы и другие, — хотя и жили на близком расстоянии друг от друга, всегда были разобщены. Они были инструментом в чужих руках. Для достижения своих захватнических целей отдельные завоеватели разжигали между ними междоусобную борьбу. Сейчас этому положен конец. И в этом большая заслуга Всеславянского комитета, которому я очень благодарен за его помощь и работу. Всеславянский комитет объединяет славянские народы духовно. Красная же Армия объединяет их кровью, пролитой в совместной борьбе с общим врагом. Кровь бойцов Красной Армии, лучших сынов Советского Союза, пролита на огромном пространстве Европы и для того, чтобы и маленькие славянские народы были свободны, могли свободно жить и свободно развиваться в союзе с великой славянской державой — Советской страной.

Это крупный исторический переворот. Он имеет огромное историческое значение. Возьмем Югославию. Это — многонациональная страна. Еще недавно ее народы жили в междоусобной вражде. Предатели натравливали их друг на друга — сербов на словенцев, мусульман на православ-

слова маршала о великой дружбе, навечно сплотившей славянские народы, и о великой миссии Красной Армии, которая вместе с армиями свободолюбивых стран освобождает народы Европы от гитлеровской тирании.

И. Броз Тито выразил глубокую благодарность Всеславянскому комитету, способствовавшему духовному сплочению славянства».

ных и т. д. А сейчас эти народы живут в тесной дружбе и братской любви. Они в течение четырех лет вместе проливали свою кровь против общего врага — немцев.

Здесь, в Москве, подписан договор о взаимопомощи между Югославией и великим Советским Союзом¹⁰. Этот документ означает осуществление вековых стремлений народов Югославии. Для народов Югославии этот день будет самым счастливым днем, ибо подписанный договор означает осуществление тех задач, ради которых они много пролили своей крови. И нельзя забывать, что достигли мы этого благодаря героизму Красной Армии, которая прошла огромное пространство от Сталинграда до Дуная и помогла освободить нашу родную страну — Югославию».

Подчеркнув, что Красной Армии «мы должны быть благодарны за то, что мы сейчас имеем», Тито далее заявил:

«Я надеюсь и глубоко уверен, что то, что сейчас достигнуто, навечно и крепко цементирует дружбу всех славянских народов. Болгарский народ, чехословацкий народ, югославские народы, польский народ — все они сейчас находятся на правильном пути для достижения своего блага и общего блага всех славянских народов. Их дружба закреплена победами Красной Армии. Близок день полного освобождения народов Чехословакии. И тогда настанет для всех славянских народов счастливое будущее, к которому мы так долго и так жадно стремились».

Еще раз благодарю всех, и вас, товарищ генерал Гундоров, и всех членов Всеславянского комитета, за эту горячую встречу. От имени народов Югославии, Югославской армии благодарю Всеславянский комитет за понимание наших нужд, за вашу активную помощь в нашей борьбе.

Да здравствует дружба славянских народов с Советским Союзом!»

Помимо этой речи, И. Броз Тито выступил на том же приеме во Всеславянском комитете еще раз, отвечая на приветствие представителя Болгарии в СССР Д. Михалчева, подчеркнувшего, что после того, как болгарский народ «взял руководство страной в свои руки», «народы Югославии и болгарский народ, в совместной борьбе против гитлеровцев крепят боевое единство и братство славян на Балканах» [24, с. 33]. Указанное выступление Тито было напечатано в том же журнале «Славяне», но не вошло затем в названные выше издания сочинений Тито.

Свой ответ Михалчеву Тито начал с констатации того, сколь «значительно, что сегодня здесь выступают два представителя народов Юга, от Югославии и Болгарии, члены великой славянской семьи. У нас сейчас нет никаких разногласий с Болгарией, нет никаких обид против болгарского народа». Напомнив о прошлых болгаро-югославских разногласиях, о том, что в годы войны монархо-фашистская Болгария участвовала вместе с гитлеровцами в оккупации Югославии, и сравнив враждебную политику прежнего режима Болгарии в отношении Югославии с антинародными действиями гитлеровских прислужников в самой Югославии — Недича, Павелича, Рупника и их приспешников, Тито заявил:

«Болгарский народ взял свою судьбу в свои руки, когда он ликвидировал этих Кобургов и их фашистских приспешников¹¹. С тех пор нет больше никаких препятствий для того, чтобы между народами Югославии и Болгарии установились самые тесные, дружеские отношения». Далее он сказал: «К нам опять пришла болгарская армия, и наш народ,

¹⁰ В результате переговоров, проведенных в Москве между Советским правительством и И. Броз Тито, 11 апреля 1945 г. был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией.

¹¹ Речь идет о монархо-фашистском режиме Болгарии во главе с династией Кобургов, свергнутом 9 сентября 1944 г., когда к власти пришло народно-демократическое правительство Отечественного фронта.

в том числе и сербский, их очень хорошо и тепло принял. И сейчас Югославская армия плечом к плечу с болгарской армией гонят немцев из Югославии. Это факт. Дальнейшее же развитие отношений между Югославией и Болгарией зависит уже от нас самих.

Всеславянский комитет, который поднял высокую идею объединения всех славян духовно, сыграл огромную роль. Но на руководителей отдельных славянских стран, тех руководителей, которые пришли сейчас к руководству, ложится большая ответственность. От них, и только от них, зависит, будет ли это организовано практически.

Народные массы Болгарии и Югославии — рабочие, крестьяне и честная интеллигенция — стремятся к единству и братскому сотрудничеству. Стремление к единству и братству я видел у сербских крестьян, я видел его и у болгарских крестьян и интеллигенции, и у югославской интеллигенции.

От имени югославского народа я обещаю сделать все, чтобы с Болгарией у нас была не только дружба, — она уже есть, — а чтобы в дальнейшем создались условия для еще более тесного сотрудничества.

Дорогие друзья и братья, славяне! Я предлагаю тост за вечную крепкую дружбу болгарского народа и народов Югославии!».

В апрельском номере журнала «Славяне» за 1945 г. была опубликована еще одна работа И. Броз Тито. Речь идет о статье «Дружба и тесное сотрудничество народов Югославии с народами Советского Союза — жизненная необходимость» [24, с. 12—14]. Работа эта отсутствовала в выходивших до сих пор и упоминавшихся нами выше изданиях сочинений Тито. Насколько нам известно, это третья по счету его статья, опубликованная в СССР в годы войны¹². Судя по всему, она была предназначена автором специально для журнала «Славяне», являясь, таким образом, второй по счету и первой за время войны работой, написанной Тито для публикации в Советском Союзе¹³. В фонде ЦГАОР СССР, где хранятся документы Всеславянского комитета, нам не удалось пока обнаружить материалов относительно подготовки этой статьи. Скорее всего, И. Броз Тито по просьбе Комитета написал ее прямо в Москве. В пользу этого свидетельствует и значительное ее совпадение с первым из приведенных выше выступлений Тито во Всеславянском комитете 13 апреля 1945 г., и упоминание в ней заключенного 11 апреля советско-югославского Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, из чего следует, что статья написана после его подписания, между тем как Тито вернулся в Югославию только 20 апреля и, принимая во внимание тогдашнее отсутствие регулярного сообщения между Москвой и Белградом, едва ли статью успели бы поместить в апрельском номере журнала, если бы Тито над ней работал лишь по возвращении из СССР. Вероятно данная статья была написана Тито во время пребывания в СССР и передана им в редакцию.

Подчеркнув в начале статьи, сколь пагубно было в истории славянских народов их разобщение, Тито писал:

¹² Первой была статья Тито «Значение решений Антифашистского веча народного освобождения Югославии для дальнейшего развития нашей борьбы и создания федеративного государственного объединения», перепечатанная в журнале «Славяне» (май 1944 г.) из начавшего издаваться на освобожденной территории Югославии в марте 1944 г. журнала «Нова Југославија» [25, с. 3—6]. Второй была упоминавшаяся выше статья «Борьба народов поработенной Югославии», выпущенная в СССР брошюрой летом 1944 г.

¹³ Первой работой для издания в СССР была статья к 10-летию гибели секретаря КПО Дж. Джаковича, написанная И. Броз Тито на русском языке по просьбе МОПР в октябре 1938 г. во время пребывания в Москве. Год спустя ее выпустило отдельной брошюрой издательство МОПР в Одессе, затем она вышла в 1939—1940 гг. в ряде других городов СССР [26; 1, т. 4, с. 283].

«Здесь я хотел бы в основном остановиться на южных славянах. На Балканском полуострове славяне составляют огромное большинство населения. И все же захватчикам веками удавалось разными методами разъединять славянские народы и даже восстанавливать их друг против друга. Примерно два с половиной столетия тому назад среди передовых людей южных славян зародилась мысль о необходимости сближения балканских славян не только между собой, но и с великой матерью Россией. Такими сторонниками сближения и братства славян были Юрий Крижанич, священник Ненадович, епископ Штроссмайер и другие. Правящие феодальные круги в прошлом и реакционные клки в позднейший период всемерно препятствовали проникновению этой идеи в широкие народные массы.

В конце прошлого столетия, после освобождения сербов и болгар при помощи русской армии от турецкого ярма, идея сближения славянских народов принимает конкретные формы и проникает в широкие народные массы славян на Балканах, у которых возникает сознание необходимости опереться на великую славянскую страну — Россию.

Югославия более 20 лет была совершенно обособлена от великой славянской державы — Советского Союза — только потому, что все антинародные, реакционные правительства Югославии были против сближения с Советским Союзом. Они вели реакционную политику династии, которая, будучи связана с бывшим домом Романовых, смертельно ненавидела великую социалистическую страну. Изоляция Югославии от Советского Союза оказалась роковой для угнетенных народов Югославии. Весь этот период народы Югославии вели упорную борьбу за восстановление нормальных отношений с великой славянской страной — Россией — Советским Союзом. Многие лучшие сыны Югославии были за это осуждены на каторжные работы, другие лишились жизни. Но когда страшная опасность нависла над народами Югославии, когда опьяненные победами немецкие захватчики стали у ворот Югославии, ее официальные представители были вынуждены восстановить дипломатические отношения с Советским Союзом. Вековые стремления народов Югославии нашли свое полное выражение лишь 27 марта 1941 года. В этот день народные массы встали против реакционного правительства Цветковича—Мачека, заключившего пакт с Германией. Огромные массы народа вышли на улицы Белграда и других городов и местечек Югославии, решительно сказав: „Нет! Лучше война, чем пакт!“, „Лучше смерть, чем рабство!“ Свергнув предательское правительство Цветковича—Мачека, народ потребовал быстрого заключения союза с Советской страной. Новое правительство Симовича было вынуждено уступить воле народа ¹⁴, хотя при этом оно пошло на хитрости, о которых народ узнал слишком поздно, чтобы предотвратить трагедию, постигшую Югославию.

По Югославии прошла немецкая фашистская машина, но народ Югославии не покорился врагу. Будучи уверены в том, что великая славянская страна СССР никогда не позволит уничтожить малую свободолюбивую славянскую страну, наши народы показали несравненный пример отпора захватчикам и дружно встали на защиту своей свободы и независимости. После нападения фашистской Германии на Советский Союз народы Югославии еще больше убедились в том, что их судьба неразрывно связана с судьбой советских народов, и поэтому они решили все отдать борьбе против общего врага.

¹⁴ Имеется в виду, что правительство генерала Д. Симовича, пришедшее к власти в результате переворота, который в обстановке народных выступлений против присоединения Югославии к Тройственному пакту был произведен 27 марта 1941 г. группой проанглийски настроенных офицеров, было вынуждено пойти на заключение 5 апреля 1941 г. Договора о дружбе и ненападении между СССР и Югославией.

Так выковывалось братство с народами Советского Союза, освященное кровью лучших сынов великой и малой славянских стран. Поэтому эта связь неразрывна, она вечна.

В процессе длительной и трудной борьбы создавалось и выковывалось единство самих народов Югославии. Это единство и братство явилось значительным фактором в деле укрепления дружбы с остальными славянскими народами. Оно представляет собой важнейшее условие мира на Балканах».

Отметив, что единство славянских народов, в частности единство славянских народов Балкан между собой и с Советским Союзом, не только имело значение в освободительной войне против фашизма, но и является залогом безопасности славянских стран в послевоенное время и могучим фактором обеспечения мира в Европе, И. Броз Тито писал далее в своей статье:

«Неисчислимы жертвы, понесенные Советским Союзом в борьбе против злейшего врага не только славян, но и всего человечества, породили безграничную любовь народов Югославии к народам Советского Союза. Приход героической Красной Армии и ее помощь в освобождении Югославии, ее борьба плечом к плечу с Народно-освободительной армией Югославии усилили и укрепили любовь к СССР. В этой великой и трудной борьбе, в тяжелых испытаниях, в сердцах широких народных масс возникло, как бурный поток, стремление к вечному и тесному сотрудничеству с народами Советского Союза, ибо в этом народы видят единственную гарантию того, что никогда больше не повторится такая страшная трагедия, какую они пережили в течение последних четырех лет».

Тито подчеркнул, что идея славянского братства «сегодня стала действительностью благодаря помощи Советского Союза», и продолжал:

«Народы Югославии в ходе этой освободительной борьбы свою судьбу взяли в свои руки. Они создали истинно народную власть, обеспечивающую полное, всестороннее развитие страны, проводящую такую внешнюю политику, которая гарантирует внутреннее развитие демократической, федеративной Югославии и ее защиту от врагов. Народы Югославии опираются в первую очередь на своего великого славянского союзника — СССР».

Заключенный 11 апреля между Советским Союзом и Югославией договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве выражает волю народа, осуществление его заветных чаяний, которые веками он лелеял в своих сердцах.

В великой освободительной войне против векового врага славян — немецких захватчиков — славянские народы понесли большие жертвы. Я уверен, что это последний урок в бурной и мучительной истории славян. Гарантией тому является помощь славянским народам со стороны великой и непобедимой братской страны — Советского Союза, который в Отечественной войне принес огромные жертвы за спасение всех поработанных, а особенно славянских народов».

Тесное сотрудничество между СССР и новой Югославией, значению которого была посвящена приведенная выше статья И. Броз Тито в журнале «Славяне», непосредственно проявлялось в самых разных сферах. Одним из проявлений было продолжавшееся и после окончания войны сотрудничество между самим Тито и Всеславянским комитетом в Москве, который, с возвращением его иностранных членов в свои страны и образованием там аналогичных комитетов, стал действовать уже в качестве советской общественной организации (позже, в начале 1947 г., он был переименован в Славянский комитет СССР). В новом своем качестве Комитет продолжил усилия как по ознакомлению советского народа с революцион

ными общественными переменами в Югославии, с ее политическим, экономическим, культурным развитием, так и по пропаганде этого среди международной общественности, в частности среди общественности западных держав, правительства которых проводили политику, враждебную новой Югославии. С этой целью Комитет стал систематически обращаться к видным югославским деятелям, общественным организациям, органам печати с просьбой о написании статей по различным вопросам развития Югославии для публикации в советской прессе и периодике и для рассылки Комитетом в газеты и журналы США, Англии, Канады и ряда других стран. В 1945—1946 гг. Всеславянский комитет неоднократно направлял такие просьбы И. Рибару, Э. Карделю и другим руководителям Югославии, видным государственным и общественным деятелям Б. Зихерлу, В. Рибникару, Б. Масларичу, генерал-лейтенанту В. Терзичу, известным литераторам В. Назору и Р. Зоновичу, Всеславянскому комитету в Белграде, редакциям ведущих югославских газет «Рад», «Глас», «Вьесник», «Наприед» и т. д. [17, оп. 1, д. 90, л. 14—18, 49, 70, 81, 92, 95, 138—139, 142, 192—193, 197; д. 122, л. 54, 61, 69; д. 124, л. 3, 27]. В апреле 1946 г. Комитет адресовался с такой же просьбой к И. Броз Тито.

14 апреля 1946 г. председатель Всеславянского комитета А. С. Гундоров и ответственный секретарь В. В. Мочалов направили И. Броз Тито телеграмму, в которой от имени президиума Комитета просили написать статью для журнала «Славяне», которая была бы опубликована к 1 мая и Дню Победы. В телеграмме говорилось о желательности получить статью к 26 апреля [17, оп. 1, д. 122, л. 42]. Очевидно, столь быстро статья не могла быть написана, принимая во внимание занятость Тито как главы правительства Югославии и Генерального секретаря КПЮ. Во всяком случае, вопрос о статье опять встал во время последовавшего вскоре (с 27 мая по 10 июня 1946 г.) нового визита Тито в СССР во главе югославской правительственной делегации, когда был продолжен непосредственный личный контакт между ним и руководством Всеславянского комитета.

В ходе визита, результатом которого было достижение договоренности и заключение соглашений между правительствами СССР и Югославии по широкому кругу вопросов советско-югославского политического, экономического, военного и культурного сотрудничества¹⁵, И. Броз Тито 1 июня вновь посетил Всеславянский комитет, где в его честь был дан прием. Отвечая на приветствие Гундорова, Тито еще раз подчеркнул значение дружбы и сотрудничества между СССР и Югославией. «Наши народы, — сказал он, — понимают, что без помощи Советского Союза мы бы никогда не достигли того, что сейчас имеем, т. е. свободной федеративной независимой республики Югославии, которая сейчас в экономическом и политическом сотрудничестве с Советским Союзом быстро восстанавливается» [28, с. 51—52]¹⁶. По-видимому, во время посещения Тито Всеславянского комитета между ними и Гундоровым обсуждался, помимо прочего, и вопрос о статье для журнала «Славяне». К этому выводу приводит письмо И. Броз Тито А. С. Гундорову, написанное 9 июня 1946 г., накануне

¹⁵ В советско-югославском коммюнике о визите указывалось, что «было достигнуто полное согласие по всем вопросам, касающимся экономического сотрудничества, торговли, материального снабжения Югославской армии и тесного культурного и политического сотрудничества». Были заключены соглашения об экономическом сотрудничестве и взаимных поставках товаров. Правительство СССР согласилось снабжать Югославскую Армию вооружением, боеприпасами и т. д. на условиях долгосрочного кредита, а также содействовать восстановлению военной промышленности Югославии [27, док. № 252, с. 320—321].

¹⁶ Эта речь Тито была опубликована в советской и югославской печати и впоследствии вошла в большинство изданий его сочинений.

отъезда Тито из СССР. Письмо, хранящееся в ЦГАОР СССР [17, оп. 1, д. 122, л. 51], написано по-русски¹⁷. Публикуем его полный текст.

«Председателю Всеславянского комитета
товарищу Гундорову¹⁸

Москва

Я должен перед Вами очень извиниться за то, что не мог написать статью для Вашего журнала. Я был действительно очень занят все время и должен быстро ехать обратно. Обещаю, что напишу обязательно эту статью у себя дома и через несколько дней пошлю самолетом в наше Посольство, которое Вам ее и вручит.

Благодарю Вас очень за книги.

С уважением к Вам

Ваш J. В. Тито

Москва, 9 июня 1946 г.».

Фраза в письме Тито, что он был «очень занят все время и должен быстро ехать обратно», свидетельствует, что перед этим, скорее всего, при посещении Тито Всеславянского комитета, между ним и Гундоровым обсуждалась возможность написания статьи прямо в Москве, до отъезда Тито из СССР.

Содержавшееся в письме обещание написать статью по возвращении в Югославию И. Броз Тито выполнил. В адресованной ему телеграмме А. С. Гундорова, датированной 9 июля 1946 г.¹⁹, сообщалось о получении статьи и выражалась горячая благодарность. В телеграмме говорилось, что статья будет помещена в очередном номере журнала «Славяне», а также передана в газеты, издаваемые в США организациями американцев югославского происхождения [17, оп. 1, д. 122, л. 64]. Было решено выпустить сдвоенный номер журнала за июнь—июль 1946 г. (№ 6—7), в котором и опубликовать статью Тито. Уже 15 июля ответственный секретарь югославской секции Всеславянского комитета А. Г. Назарова отправила в Белград гранки статьи и письмо, в котором, выражая еще раз благодарность за статью, просила, чтобы Тито просмотрел гранки и, если нужно, сделал свои замечания [17, оп. 1, д. 122, л. 68]. А 3 августа Комитет получил через Совинформбюро телефонограмму от посла СССР в Югославии А. И. Лаврентьева: «По поручению маршала Тито подполковник Влахов просил передать тов. Гундорову, что маршал Тито не возражает против публикации в журнале „Славяне“ статьи, известной т. Гундорову» [17, оп. 1, д. 122, л. 74].

В августе 1946 г. вышел сдвоенный номер журнала за июнь—июль, в котором и была напечатана статья Тито²⁰. Она называлась «Жизнеспособность новой Югославии». Эта статья, как и статья, написанная Тито для журнала «Славяне» в апреле 1945 г., не упоминалась впоследствии среди его работ и не публиковалась в выпущенных до сих пор изданиях его сочинений. Между тем статья представляет собой один из первых сделанных Тито суммарных обзоров развития Югославии от создания югославского государства в 1918 г. до утверждения новой Югославии и ее перехода к послевоенному восстановлению. Приводим здесь полный текст статьи [28, с. 13—15].

¹⁷ Письмо отпечатано на машинке на бланке, в левом верхнем углу которого изображен государственный герб Югославии и под ним типографская надпись «Влада Федеративне Народне Републике Југославије» («Правительство Федеративной Народной Республики Югославии»).

¹⁸ В тексте — Гундорову.

¹⁹ Телеграмма была отправлена 11 июля 1946 г. [17, оп. 1, д. 122, л. 63].

²⁰ Экземпляр журнала Всеславянский комитет послал Тито [17, оп. 1, д. 122, л. 96].

«Сразу после окончания первой мировой войны, в результате победы западных держав (так называемой Антанты) над Германией и Австро-венгерской монархией, была создана при помощи той же Антанты Югославия под названием „Государство Сербов, Хорватов и Словенцев (С. Х. С.)“²¹. Это новое государство образовалось из славянских стран, которые, за исключением Сербии, больше столетия находились под ярмом Австрии и Венгрии, а раньше, частично, Венеции. Югославия была создана на основе так называемой Видовданской конституции, утверждавшей принцип строгого централизма в построении государственной власти²². Это государство было создано и оформлено без участия и одобрения народа, при активной поддержке западных союзников, под угрозой жандармских прикладов. Идея единства южных славян, имевшая глубокие корни как раз у этих народов, веками изнывавших под игом чужестранцев, в самом начале была скомпрометирована. Созданием Югославии не были осуществлены стремления хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев к объединению в единую державу южных славян, где все южнославянские народы были бы равноправны.

Великосербская реакция, игравшая до второй мировой войны ведущую роль в государстве, пользовалась грубой жандармской силой не только против рабочего класса и прогрессивных сил всей Югославии, но и для того, чтобы задуть национальные стремления хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев. Обзана (декрет о роспуске коммунистической партии) и Закон о защите государства, изданные в 1921 году²³, были направлены против рабочего класса Югославии и самой передовой его части — коммунистов, — а также и против народов, которые боролись за свои права.

После избрания Учредительного собрания часть народных представителей, из них 58 коммунистических депутатов и 49 депутатов Хорватской крестьянской партии, были отстранены от участия в решении государственных вопросов. Коммунистические депутаты потеряли свои мандаты в 1921 году после запрещения коммунистической партии. Этот запрет никогда не был отменен теми, кто его вынес, и свыше двадцати лет коммунистическая партия подвергалась преследованиям. Его сняла сама коммунистическая партия в 1941 году, когда взялась за оружие, организовала и возглавила общенародное восстание против немецких, итальянских и других оккупантов, за свободу и независимость Югославии.

Под давлением великосербской реакции в 1925 году руководство Хорватской крестьянской партии полностью отказалось от региональной республиканской программы и приняло участие в работе парламента и правительства. Но уже убийство вожаков Хорватской крестьянской партии во главе со Степаном Радичем, совершенное в июне 1928 года в самом парламенте, ясно показало, что великосербская реакция и не думает делить с кем-либо власть и вовсе не собирается решать национальный вопрос.

В 1929 году антиконституционным актом короля Александра были отменены остатки демократии, запрещены все существовавшие до того времени политические партии, распущен парламент и введена военная диктатура²⁴. Террористическая военная диктатура короля Александра

²¹ Официально новое государство называлось Королевством сербов, хорватов и словенцев.

²² Видовданская конституция была принята 28 июня 1921 г.

²³ Декрет «Обзана», налагавший запрет на деятельность КПЮ, был издан 30 декабря 1920 г.; Закон о защите безопасности и порядка в государстве, объявлявший КПЮ вне закона, был принят 2 августа 1921 г.

²⁴ 6 января 1929 г. король Александр произвел государственный переворот, отменив действие конституции 1921 г.

была направлена против тех, кто мешал антинародному господству великосербской реакции. Правительство хотело окончательно расправиться в первую очередь с самой боевой частью рабочего класса — коммунистической партией, которая вопреки запрету существовала и работала нелегально, разоблачая политику жестокой эксплуатации беднейших трудящихся масс и национального угнетения со стороны великосербской реакции. Правительство стремилось массовым террором запугать все демократические силы Югославии, которые не одобряли антинародную национальную и социальную политику господствующей клики во главе с королем Александром.

Однако массовые убийства без суда, зверские пытки в пресловутой белградской Главняче и в других тюрьмах, ссылка на многолетнюю каторгу тысяч лучших сынов Югославии из рядов рабочего класса — не запугали ни рабочий класс, ни другие демократические силы Югославии, чей отпор, вопреки террору, становился все сильнее и шире. Вследствие массового отпора прогрессивных сил Югославии военная диктатура потерпела крах. После убийства короля Александра²⁵ господствующая реакционная клика, сначала во главе с Ефтичем, а позднее со Стоядиновичем, пыталась новыми маневрами, под маской так называемой „демократизации страны“ удержать власть в своих руках. Но это ей не удается. Тогда регентство, во главе с принцем Павлом, и правительство, во главе со Стоядиновичем, испугавшись растущего демократического движения в стране, боясь потерять свое господствующее положение, оставляют бывших союзников Югославии, берут курс на сближение с соседними фашистскими державами оси — с Германией и Италией, чьи тоталитарные фашистские методы терроризирования народа и его эксплуатации значительно больше соответствовали воззрениям господствовавшей реакционной клики в Югославии, чем западные.

Народ отнесся с величайшим негодованием к ориентации внешней политики Югославии на державы оси и, после победы оппозиции на выборах 1938 года, правительство Стоядиновича пало. Однако новое правительство, образованное после выборов, не изменило курса внешней политики. Новое правительство Цветковича — Мачека не отличалось от прежних режимов, так что регенту, принцу Павлу, нетрудно было оставаться верным своим друзьям Гитлеру и Муссолини.

Итак, с образованием правительства Цветковича — Мачека курс внешней политики Югославии не изменился, а господствующая реакционная клика продолжала еще более прочно связывать себя с державами оси, вопреки все нараставшему решительному отпору народов Югославии. Так называемое соглашение Цветковича — Мачека имело своей целью усмирить хорватов разделом власти между реакционерами великосербской клики и хорватской реакцией во главе с Мачеком²⁶, под чьим крылом сконцентрировались наиболее реакционные элементы в Хорватии — от клерикалов-фашистов до усташей. Конечно, это не было соглашением между хорватским и сербским народами, так как оно имело целью разбить все нараставшее единство прогрессивных сил всех народов Югославии

²⁵ В октябре 1934 г. Александр, являвшийся сторонником профранцузской ориентации внешней политики Югославии, был убит в Марселе террористами, действовавшими в сотрудничестве с Германией и Италией.

²⁶ 26 августа 1939 г. между премьер-министром Югославии Д. Цветковичем и лидером Хорватской крестьянской партии В. Мачеком, выступавшим от имени оппозиционной Крестьянско-демократической коалиции, было заключено соглашение, в результате которого установлена определенная административная автономия Хорватии, где власть сосредоточилась в руках сторонников Мачека, перешедшего от оппозиции к поддержке режима и занявшего пост заместителя югославского премьер-министра в новом правительстве Цветковича.

в борьбе против реакции, за демократические свободы для народа, за дружбу с великой братской страной — Советским Союзом — и т. д. Соглашение Цветковича — Мачека имело своей целью также притупить остроту борьбы хорватского народа за свои национальные права, и эта борьба хорватов была тесно связана с борьбой сербов против реакции. Реакционная клика в Хорватии во главе с Мачеком этим соглашением ослабила не только фронт антифашистских сил Югославии, но и борьбу за свои национальные права остальных угнетенных народов — македонцев, словенцев и других.

Этим соглашением, следовательно, не был решен хорватский вопрос, неотделимый от вопросов социального переустройства страны. Реакционное руководство Хорватской крестьянской партии усилило в Хорватии гонения на рабочий класс и на другие прогрессивные антифашистские силы. В тюрьмы и лагеря были брошены сотни лучших сынов хорватского народа, а усташи были освобождены, и им предоставлялись руководящие посты в стране. С приходом усташей к власти в Хорватии²⁷ все антифашисты, которых загнала в тюрьмы полиция Мачека, были перебиты самым зверским образом. Мачек и К^о расчистили путь для прихода усташей к власти в Хорватии. И не удивительно, что Мачек и кое-кто из его близких сотрудников в 1945 году перед приходом Народно-освободительной армии новой Югославии оставили родину и сбежали за границу.

Лишь поняв, какими были старая Югославия и ее правители, зная, что творилось в старой Югославии под маской демократии и что претерпел народ, можно полностью оценить не только величественную борьбу всех народов Югославии за свою свободу и независимость, но и их борьбу против старого, прогнившего внутреннего режима.

Народы Югославии с самого начала 1941 года поднялись на борьбу не только против оккупантов, но и против внутренних врагов народа, которые так руководили Югославией, что она легко была захвачена агрессором, и которые всеми средствами, все до единого, сотрудничали с оккупантами.

Происходящие сейчас в народных судах Федеративной Народной Республики Югославии процессы полностью раскрывают чудовищное предательство во время этой войны господствовавших ранее клик. Предательство этих кругов началось еще задолго до войны, с момента возникновения старой Югославии, еще тогда, когда великосербские и другие реакционеры уступили Италии Истрию, Словенское Приморье и многие наши острова. Предательством в отношении народа были Обзнана и Закон о защите государства, отнявшие у народа все политические права, ликвидация последних остатков политических свобод — парламентаризма — и введение военной диктатуры. Предательством было подчинение Югославии фашистской оси, двадцатилетняя политика вражды к Советскому Союзу, изоляция Югославии от истинно братской страны и мощного защитника, позорная капитуляция в апреле 1941 года. Вершиной предательства было сотрудничество с оккупантами в течение всей освободительной войны. В предательской деятельности объединились реакционеры всех национальностей. Это единение существует еще теперь, но оно больше не опасно для новой Югославии, которая зиждется на братстве, единстве и равноправии всех народов Югославии.

²⁷ Старая хорватская фашистская организация усташей была в апреле 1941 г. поставлена фашистскими захватчиками, оккупировавшими Югославию, у власти в заданном под эгидой Германии и Италии маршальством «Независимом государстве Хорватия» (НГХ). Мачек, которого гитлер (еще в первоначальном варианте) поставил во главе НГХ, отказался, но публично призвал население лояльно сотрудничать с квислинговским усташским режимом.

В процессе героической борьбы народов Югославии против оккупантов и предателей зародилась новая, лучшая Югославия — Федеративная Народная Республика Югославия. Этими четырьмя словами обозначается новое государство, заменившее бывшее «творение» Версаля, созданное без участия народа и направленное против народа. Так называется государство, решившее национальный вопрос, с новой, более справедливой социальной и политической структурой. Новая Югославия зиждется на братстве и единстве всех народов, на истинно народной власти, на народно-освободительных комитетах, которые от сельских комитетов вплоть до высшего органа — Народной скупщины избираются и лишаются своих прав народом, согласно его свободной воле. К такой Югославии издавна стремились населяющие ее народы, за нее боролись, и ее они создали.

За короткий период — за один только год после окончания войны — новая Федеративная Народная Республика Югославия показала свою жизнеспособность. Народы Югославии, объединенные в самые тяжелые дни своей истории в борьбе за свою свободу и независимость, в борьбе за новую Югославию, еще больше сплотились в мирное время, в мирном строительстве своей страны, в осуществлении того, к чему давно стремились. Огромный трудовой и творческий подъем широких народных масс и разительные результаты в деле восстановления страны, когда за год создано больше, чем за двадцать лет в старой Югославии, уже теперь сулят самые лучшие перспективы для будущего народов Федеративной Народной Республики Югославии».

Ни в одно из указанных выше собраний произведений Иосипа Броз Тито не вошла его статья «Наши друзья на Дунае», опубликованная в № 1 журнала «Краснофлотец» за 1946 г. В ней маршал Тито дал высокую оценку боевым действиям советской Дунайской флотилии, внесшей достойный вклад в Белградскую операцию осенью 1944 г., участвовавшей в ожесточенных боях в районе Илок—Опатавац—Вуковар в декабре того же года и осуществившей в апреле 1945 г. совместно с частями Югославской армии²⁸ крупную десантную операцию в районе Вуковара, а также самоотверженной работе советских минеров, разминировавших Дунай и обеспечивших безопасность перевозок грузов для армии и мирного населения Югославии.

Беседуя в конце октября 1944 г. с корреспондентом агентства Рейтер, Тито заявил: «Благодаря Советскому правительству и усилиям офицеров Красной Армии удалось с большим риском привезти в Югославию 50 000 тонн зерна, 17 000 тонн этого зерна было завезено в Белград. Это количество обеспечит хлебом жителей города более чем на 5—6 месяцев, из расчета по 400 граммов муки на человека в день. Предпринимаются меры для снабжения Белграда топливом. И опять Красная Армия пришла на помощь, предоставив транспорт для снабжения топливом населения и армии» [29].

В знак признательности за обеспечение безопасности перевозок грузов для Белграда и НОАЮ правительство Демократической Федеративной Югославии наградило ряд моряков Бригады траления боевыми орденами, а ее командиру капитану 2 ранга Г. Н. Охрименко присвоило звание Народного героя Югославии. Во время торжественной церемонии вручения ордена Председатель Президиума Антифашистского веча народного освобождения Югославии доктор И. Рибар сказал: «Товарищ Охрименко! В ноябре прошлого года Вы совершили подвиг, который вписан золотыми буквами в историю освобождения народов Югославии. Вы и руководимые

²⁸ 1 января 1945 г. Народно-освободительная армия была реорганизована в Югославскую армию.

Вами советские офицеры и матросы вернули нам то, что дороже всего югославу после свободы, реку жизни, наш Дунай. Вот знак благодарности югославского народа. Президиум Веча уполномочил меня вручить Вам высшую награду — орден Народного героя Югославии, которым награждаются у нас только югославы и русские» [30].

Судя по всему, именно тогда, в ноябре 1945 г., И. Броз Тито и написал статью «Наши друзья на Дунае», которая была опубликована в журнале «Краснофлотец» в январе 1946 г. Об этом свидетельствует упоминание о награждении Г. Н. Охрименко и то место из статьи, в котором И. Броз Тито говорит о том, что на плацдарме в районе Вуковара противнику удалось задержаться «с осени прошлого года» (т. е. с осени 1944 г.). Ниже приводим текст статьи И. Броз Тито с незначительными сокращениями [31].

«Югославский народ получил основание судить о Военно-Морском Флоте Советского Союза и его славных деяниях во время Великой Освободительной войны, — бок о бок с бойцами югославской и Красной Армий на протяжении всей борьбы за Белград сражались моряки советской Дунайской флотилии. Они с честью представляли и продолжают представлять на Дунае Военно-Морской Флот СССР.

Я рад возможности через журнал „Краснофлотец“ заявить о том, что в нашем представлении моряки-дунайцы неразрывно слиты с Красной Армией. Они разделили с ней весь труд, все опасности, а впоследствии и славу, выпавшие на долю освободителей Белграда. И подвиги советских военных моряков вошли в историю освободительной борьбы народов Югославии.

Говоря так, я имею в виду прежде всего десанты на подступах к Белграду, битву в самом Белграде, у стен турецкой крепости, затем самоотверженную работу советских минеров по очистке дунайских фарватеров для возрождения югославской столицы и, наконец, ликвидацию последнего плацдарма на Дунае, в районе Вуковара.

Мы наблюдали три блестящие операции по высадке десанта в придунайские города Радужевац, Прахово и Смедерево, проведенные под командованием Героя Советского Союза Державина²⁹. Помогая нам быстрее продвигаться к Белграду, советские военные моряки отважно прорывались с десантом в глубь немецкой обороны, распатывали ее изнутри, разрушали одну немецкую преграду на Дунае за другой.

В Праховском порту, например, немцы имели до 240 своих кораблей, в том числе две флотилии быстроходных десантных барж, которые вели прицельный артиллерийский огонь по наступающим от Неготина войскам 3-го Украинского фронта и Народно-освободительной армии Югославии.

Нужно было нанести удар по этому узлу обороны со стороны Дуная. Моряки нанесли удар. Прорыв в порт был осуществлен днем, так как на подходах к Прахово немцы затопили большое количество кораблей, и миновать это опасное место можно было только в светлое время суток. Среди бела дня бронекатера отважного Борботько ворвались в порт, ошеломив

²⁹ В ходе Белградской операции, тесно взаимодействуя с войсками 3-го Украинского фронта и частями и соединениями НОАЮ на приречных участках боевых действий Дунайская флотилия провела ряд десантных операций — в Радужеваце (29 сентября), в Прахово (30 сентября) и в Смедерево (15—17 октября); корабли флотилии активно участвовали в освобождении Белграда; руководство этими операциями возлагалось на командира Бригады бронекатеров Героя Советского Союза капитана 3 ранга П. И. Державина. Высадку десантов осуществляли бронекатера 1-го гвардейского дивизиона под командованием гвардии капитан-лейтенанта С. И. Борботько. За героические действия в боях за Белград 1-й гвардейский дивизион бронекатеров Дунайской флотилии был удостоен почетного наименования «Белградского». Многие моряки-дунайцы были награждены советскими и югославскими орденами.

врага неожиданностью своего появления, и высадили десант. Немцы оказали упорное сопротивление.

Тогда моряки последовали за десантниками на берег и, воодушевленные благородным стремлением поскорей пробиться на помощь к Белграду, дрались на берегу, пока в Прахово не вошли с другой стороны части Красной Армии и Народно-освободительной армии Югославии.

В результате десанта был преодолен важный рубеж на пути к Белграду. Мало того. Для немцев Прахово оказалось «придунайским котлом». Не успев вывести из порта все свои корабли, они были вынуждены затопить там свыше 200 кораблей и среди них 33 быстроходные десантные баржи. Это был урон, от которого вражеская дунайская флотилия не могла уже оправиться до самого своего конца.

Также доблестно сражались советские военные моряки непосредственно в Белграде.

Когда-то, по свидетельству наших историков, здесь укрепились запорожцы, поднявшиеся на своих челнах с Черного моря по Дунаю к самым стенам Белграда. Подунавье находилось тогда под игом турецкого султана. Сражаясь против него вместе с сербами, запорожцы превратили свой остров в неприступную крепость и выдержали в ней все атаки янычар.

Тем же путем к Белграду, спустя несколько столетий, пришли советские военные моряки, чтобы участвовать в его освобождении от ненавистного немецко-фашистского ига. Но на этот раз военный перевес был полностью на их стороне, они не защищались, а нападали.

Соединениям и частям Красной Армии, отличившимся при освобождении Белграда, приказом Верховного Главнокомандующего великого Сталина было присвоено наименование «Белградских». Наш народ гордится тем, что наименование это присвоено и подразделению Борботько.

Таким образом, в составе Военно-Морского Флота СССР есть корабли, носящие имя югославской столицы.

Наш народ гордится тем, что большинство этих кораблей пришли на Дунай с Волги³⁰.

Подчеркнув, что в битве под Сталинградом было положено начало разгрому фашизма, маршал Тито далее писал: «Незримые прочные узы связывали и связывают славянский город на Волге со славянским городом на Дунае. Белград никогда не был бы освобожден, если бы Сталинград не выстоял. Мы помнили об этом всегда и в слове „Сталинград“ в самое трудное время партизанской войны черпали бодрость духа и новые силы для своей борьбы. Вот почему бойцы народно-освободительной армии Югославии, впервые увидев на Дунае советские военные корабли и узнав, что они пришли из-под Сталинграда, восторженно встречали их, как вестников победы.

В дни освобождения Белграда мне довелось лично познакомиться с советскими военными моряками, так как в Белград я возвратился на борту советского бронекатера.

До сих пор я и сопровождавшие меня чины штаба знали моряков лишь по их делам, по Радуевацу, Прахово и Смедерево, что для каждого югослава является, конечно, наилучшей рекомендацией. Теперь нам представилась возможность взглянуть на этих удивительных людей вблизи, наблюдать их в боевом походе.

³⁰ Дунайская флотилия была создана в июне 1940 г., после отхода в ноябре 1941 г. советских войск с Керченского полуострова она была расформирована. В 1942 г. моряки-дунайцы составили костяк Волжской флотилии, героически сражавшейся в Сталинградской битве. В апреле 1944 г. была воссоздана Дунайская флотилия. С Волги на Дунай пришли многие экипажи и целые подразделения.

На нас глубокое впечатление произвели воинское умение моряков-дунайцев, их особая морская молодцеватость и неустойчивое, проглядывавшее во всем стремление к новым ратным подвигам.

Поэтическая картина этого перехода навсегда останется в памяти. Вокруг были родные берега, Дунай катил навстречу свои волны, а над головой развивался военно-морской флаг СССР, который, как нам объяснили, по морской традиции не спускается во время войны ни днем, ни ночью.

По возвращении в столицу югославскому правительству пришлось сразу же столкнуться с трудностями восстановления хозяйства Белграда.

Благополучие его населения было вконец подорвано немецкими фашистами и их прислужниками, которые заботились лишь о том, чтобы вывезти побольше добра из Белграда. Склады были разорены. Продовольствия не хватало — нависла угроза голода. Город был погружен во мрак — запасы угля на электростанции кончились.

Подвезти все необходимое по железным и шоссе дорогам было невозможно. Войска непрерывно двигались к фронту, который тогда находился еще очень близко от Белграда.

Оставался речной путь — Дунай. Но река была минирована на сотни километров от Молдова-Веке и до Белграда. В период немецкой оккупации мины сбрасывали с самолетов англичане и американцы. Потом, когда Красная Армия приблизилась к границам Югославии, Дунай стали преграждать минами немцы.

Жителей освобожденного Белграда нужно было накормить, снабдить топливом (для одной лишь городской электростанции требовалось ежедневно 400 тонн угля). Сделать это можно было, только открыв по Дунаю дорогу караванам.

В этих условиях советские военные моряки вторично оказали неоценимую помощь Белграду. На смену бронекатерам Борботько пришли тральщики Охрименко.

С большим искусством и мужеством был проложен новый, обходной фарватер по Дунаю.

Население прибрежных сел, зная о катастрофическом положении Белграда, восторженно встречало советские корабли, за которыми длинной вереницей тянулись груженные доверху баржи. Наряду с боеприпасами и военной техникой для фронта, там было 50 тысяч тонн хлеба, выделенного советским правительством, также соль и другие предметы первой необходимости, в которых так остро нуждались жители Белграда.

На пути советских моряков в Белград им деятельно помогали крестьяне, предупреждали о минных постановках, предлагали свои услуги в качестве лоцманов. За первым караваном следовали другие.

Фарватер был проложен Охрименко так хорошо, что наши моряки получили возможность производить перевозки даже в условиях ледохода.

Георгию Охрименко в воздание его исключительных заслуг перед югославским народом присвоено звание Народного Героя Югославии, которое носят только югославы и русские.

Народ Югославии увековечил подвиги советских минеров на Дунае, назвав фарватер, проложенный ими через сплошную минную банку, — „Русский пловный путь“. Из уст народа наименование это перешло теперь в наши карты и лоции Дуная.

Военные действия на Дунае еще продолжались, а тральщики уже начали планомерно и систематически расчищать от мин югославские территориальные воды. Восстановление судоходства по Дунаю имеет первоочередное значение для нашего народного хозяйства. Эту государственную задачу решают работники нашего речного пароходства в теснейшем сотрудничестве с советскими минерами и военными гидрографами.

В последние месяцы войны морякам советской Дунайской флотилии пришлось выполнить три дела сразу. Минеры очищали Дунай от мин. Бронекатера продолжали поддерживать наступающие войска Красной Армии на подступах к Братиславе и Вене. И, наконец, в апреле часть катеров вместе с мониторами была выделена командующим Дунайской флотилии вице-адмиралом Холостяковым³¹ для участия и ликвидации немецкого плацдарма севернее Белграда в районе югославского города Вуковар.

Немцам удалось задержаться здесь с осени прошлого года. Дунай на этом участке по-прежнему остался прегражденным. Сообщение между Белградом и Будапештом осуществлялось в обход Дуная по каналам, где могли пройти только маленькие корабли. Обнаженный меч был все время занесен над столицей Югославии. Немцы со своего плацдарма делали вылазки по Дунаю, спуская плавающие мины, нарушали переправы. В марте, по данным разведки, они начали готовиться к активным операциям, лелея планы реванша.

С этим надо было кончать. Для поддержки Народно-освободительной армии, которая держала фронт у Вуковара, требовалось высадить десант на правый берег Дуная, захваченный немцами. Для нас эта десантная операция, проведенная Героем Советского Союза Державиным, имеет особое значение, так как взаимодействие советских военных моряков с вооруженными силами югославского народа было здесь наиболее полным.

Главное заключалось даже не в том, что десант должен был помочь Народно-освободительной армии прорвать вражеский фронт — советские моряки выполняли подобные задачи и раньше. Главное заключалось в том, что в этом десанте впервые высаживались югославы, вторая бригада пехоты, а в переброске десанта участвовали наши моторные лодки.

Немцы тщательно укрепили крутой и обрывистый берег Дуная. На 60 с лишним километров протянулась цепь бетонированных дотов. Но Герой Советского Союза Державин, на боевом счету которого это была шестнадцатая десантная операция, сумел найти уязвимое место в немецкой обороне и последовательно, тремя бросками высадил там бригаду майора Иво Милевича.

Одновременно Народно-освободительная армия перешла в наступление по фронту и, воспользовавшись тем, что немецкие тылы были дезорганизованы десантниками, прорвала фронт.

В результате комбинированных действий Югославской армии и советской флотилии, немцы были вынуждены после отчаянной борьбы сложить оружие. Последний вражеский плацдарм на Дунае, угрожавший безопасности Белграда и препятствовавший восстановлению нормального судоходства на всем протяжении Дуная, был ликвидирован.

Так, от Радеваца до Вуковара, в совместных боях против общего злого врага крепла и развивалась боевая дружба между советскими военными моряками и нашими армией и флотом. Я уверен, что дружба эта должна еще больше окрепнуть и развиваться.

Хочу напомнить советским читателям о том, что Югославия является морской державой. Протяженность нашей морской границы на побережье Адриатики составляет свыше 1000 километров. Там в нашем распоряжении имеется ряд первоклассных военно-морских баз и судостроительных верфей.

Наши предки славились, как искусные мореходы.

³¹ С момента воссоздания Дунайской флотилии 13 апреля 1944 г. ею командовал контр-адмирал С. Г. Горшков; 12 декабря 1944 г. в командование Дунайской флотилией вступил контр-адмирал Г. Н. Холостяков.

В IX столетии, после морской битвы у мыса Мика, хорватские короли принудили гордую Венецию платить дань за право плаванья вдоль далматинского побережья. Спустя несколько веков на побережье расцвела свободная республика — город Дубровник, важный транзитный пункт на путях с востока на запад и центр славянской культуры в Средиземноморье. (Сейчас это одна из наших главнейших морских баз.)

Другой далматинский город Пераст славился при Петре Великом своей мореходной школой, где училось много русских. С чувством удовлетворения мы вспоминаем и о том, что Петром был приглашен в Россию, в числе других югославских моряков, капитан Змаевич, который служил в русском флоте в качестве инструктора и дошел до высоких чинов. Сын и внук его продолжали верой и правдой служить российскому государству.

Далматинское побережье было возвращено Югославии после первой мировой войны, но тогдашние продажные и слабые правители не уделяли должного внимания возрождению югославского флота и воспитанию патриотических чувств среди моряков.

В черную годину предательства национальных интересов Югославии в 1941 году нашлись, однако, и на флоте настоящие югославы. С благовоением мы повторяем имена старших поручиков югославского флота Спасича и Машера, которые взорвали эсминец „Загреб“, чтобы не отдать его фашистам и погибли вместе с ним.

В 1942 году условия все более развивавшейся партизанской войны заставили нас приступить к созданию флота Народно-освободительной армии Югославии. Несмотря на то, что в большинстве это были маленькие корабли, они сыграли свою роль, успешно действуя на вражеских морских коммуникациях, высаживая диверсионные десанты, а впоследствии обеспечивая переброску морем боезапаса и техники для партизан.

Остров Вис в архипелаге среднедалматинских островов был оплотом партизанского движения в прибрежной части Югославии. Одно время здесь находился даже штаб Народно-освободительной армии.

В 1945 году флот Народно-освободительной армии был переименован в Югославский флот.

Перед ним большое будущее. Мы обладаем всем, что нужно для восстановления и развития военно-морского флота, который Югославия вправе иметь, как средиземноморская держава. Но главное на этом пути — это возродить, воспитать подлинно боевой дух у молодых моряков, вдохнуть душу в военно-морской флот. Без этого самые хорошие корабли останутся только металлическими коробками с мертвым механизмом.

Вот почему будут крепнуть узы, связывающие военно-морской флот Югославии с Военно-Морским Флотом СССР. Наши моряки будут перенимать у советских военных моряков их драгоценный боевой опыт и их славные морские традиции. Мне думается, что это единение духа явится венцом нашей боевой дружбы, родившейся на Дунае в годы Великой Освободительной войны».

Статья «Наши друзья на Дунае» вносит ряд уточнений в историю взаимодействия советских войск и НОАЮ в боях за освобождение Югославии.

Так, во-первых, маршал Тито пишет, что он прибыл в Белград на советском бронекатере (по этому поводу в югославской литературе нет определенности).

Во-вторых, большое принципиальное значение имеет оценка маршалом Тито совместной советско-югославской десантной операции в районе Вуковара в апреле 1945 г. и ее роли при прорыве Сремского фронта войсками Югославской армии. Для ее проведения Герой Советского Союза

П. И. Державин был вызван из-под Вены. К высадке на правый берег Дуная была выделена бригада Югославской армии. Под руководством советских офицеров югославские воины провели необходимые тренировки. В ночь на 12 апреля корабли Дунайской флотилии высадили бригаду в намеченном районе. Одновременно войска 1-й Югославской армии начали наступление на Вуковар с суши. Совместными действиями моряков-дунайцев, югославских воинов-десантников и соединений 1-й армии ЮА Вуковарский плацдарм был ликвидирован, оборона гитлеровских войск была прорвана, войска Югославской армии развернули наступление по окончательному освобождению северо-западных районов страны.

Приведенные выше архивные материалы, выступления и статьи И. Броз Тито, остававшиеся до сих пор неизвестными или малоизвестными, представляют несомненный интерес и как неотъемлемая часть всего того, что написал Тито за свою многолетнюю политическую деятельность, и как документы советско-югославского сотрудничества в период совместной борьбы народов обеих стран против фашизма, в годы становления и утверждения новой Югославии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Broz Tito J.* Sabrana djela. Beograd (начало издания с 1977 г.).
2. *Broz Tito J.* [Дела], I. Борба за ослобођење Југославије 1941—1945. Београд, 1947.
3. *Broz Tito J.* [Дела], II. Изградња нове Југославије. Београд (начало издания с 1947 г.).
4. *Broz Tito J.* Говори и чланци. Загреб (начало издания с 1959 г.).
5. *Broz Tito И.* Избранные статьи и речи. М., 1973.
6. *Broz Tito J.* *Vojna djela*, t. 1—3. Beograd, 1961.
7. Историјски архив Комунистичке партије Југославије, т. I, књ. 1. Београд, 1949; Istorijski arhiv Komunističke partije Jugoslavije, t. I, knj. 2. Beograd, 1949.
8. Сборник докумената и података о народноослободилачком рату југословенских народа (часть томов издана латиницей), т. I—XIII. Београд (начало издания с 1949 г.).
9. ЦГАОР СССР, ф. 7928.
10. *Зеленин В. В.* Операция «Ход конем». — Советское славяноведение, 1974, № 3.
11. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. 4. М., 1962.
12. *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны, кн. 2. М., 1974.
13. Белградская операция. М., 1964.
14. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, т. II. М., 1946.
15. *Валев Л. Б., Марьина В. В., Славин Г. М.* Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период второй мировой войны. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.
16. *Slavin G. M.* Sveslovenski komitet i oslobodilački rat u Jugoslaviji 1941—1942 godine. — Prilozi za istoriju socijalizma, br. 9. Beograd, 1974.
17. ЦГАОР СССР, ф. 6646.
18. Славяне, 1944, № 9.
19. *Broz Tito И.* Борьба народов поработенной Югославии. М., 1944.
20. Славяне, 1944, № 11.
21. Славяне, 1944, № 12.
22. Правда, 1945, 14 апреля.
23. Борба, 15 IV 1945.
24. Славяне, 1945, № 4.
25. Славяне, 1944, № 5.
26. Дюро Дьякович (Биографическая справка). Составил т. Тито. Одесса, 1939.
27. Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. VI, М., 1947.
28. Славяне, 1946, № 6—7.
29. Цит. по: *Локтионов И. И.* Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне (1941—1945). М., 1962, с. 210.
30. Красный флот, 1946, 26 мая.
31. Краснофлотец, 1946, № 1, с. 7—10.
32. *Sovjetski horizonti*, 1981, № 7.

ВОЛОКИТИНА Т.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРОНТА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В БОЛГАРИИ (9 сентября 1944 — октябрь 1946 гг.)

Победа народного вооруженного восстания 9 сентября 1944 г. в Болгарии положила начало первому этапу переходного периода от капитализма к социализму, хронологически определяемому 1944—1948 гг. В эти годы в стране произошло укрепление и окончательное оформление системы народной демократии как одной из форм диктатуры пролетариата, важной составной частью которой явился Отечественный фронт (ОФ) [1]. В данной статье рассматриваются основные стороны организационно-политического развития ОФ с первых дней народной власти до выборов в Великое Народное Собрание (октябрь 1946 г.), отразивших наступление переломного момента в развитии революционного процесса в Болгарии и окончательно утвердивших Болгарскую коммунистическую партию в качестве руководящей и направляющей силы всей политической жизни страны.

Выросший из антифашистской освободительной борьбы народных масс под руководством Коммунистической партии Отечественный фронт в Болгарии оформился как блок левых политических сил. Помимо БРП, в его состав вошли деятели БЗНС «Пладне», политической группы «Звено», левого крыла БРСДП, представители прогрессивной интеллигенции.

Организующей и руководящей силой ОФ выступала БРП, пользовавшаяся огромным авторитетом и влиянием в массах. Это проявилось, в частности, в стремительном росте ее рядов: от 14 тыс. членов в канун восстания [2] до почти 300 тыс. к весне 1945 г. [3, с. 610].

Организационная консолидация партии шла параллельно разработке ее политической линии в новых условиях [4, с. 32—58]. Решающее значение имело при этом определение характера установленной 9 сентября власти. БРП рассматривала ее как несоциалистическую, как призванную решать сугубо демократические задачи без коренного экономического и общественно-политического переустройства [5]. Одновременно БРП проводила размежевание между властью ОФ и буржуазно-демократической, подчеркивая, что первая суть проявления демократии нового типа, установленной революционными методами, опирающейся на широкие народные массы и вовлекающей их в управление государством, облегчающей проведение в стране глубоких экономических и политических реформ.

Власть ОФ, писала газета «Работническо дело», не ведет к ликвидации капитализма как экономической системы, но способствует обузданию власти монополий, устранению хищнических проявлений капитала в народном хозяйстве, освобождению его от оков крупного финансового и акционерного капитала. Разумеется, это не означало, что рабочий класс и рабочая партия Болгарии отказываются от своей теории и программы-максимум. Стремясь напомнить о конечных целях партии, коммунисты дали ей в конце сентября новое название — Болгарская рабочая партия (коммунистов) — БРП(к).

БРП(к) после 9 сентября подтвердила верность своему прежнему курсу на всемерное укрепление ОФ, руководящей роли в нем рабочего класса, сотрудничество с союзниками, максимальное использование их сил и возможностей. Особое значение для реализации этого курса имело усиление основы ОФ — рабоче-крестьянского союза, воплощением которого являлось сотрудничество БРП(к) и БЗНС.

9 сентября 1944 г. застало БЗНС расколотым на несколько группировок, среди которых особо выделялись «Врабча» и «Пладне». В октябре 1944 г. произошло их объединение, но оно носило формальный характер, трения между этими группировками Союза изжиты не были.

Руководство БЗНС спешно приступило к восстановлению «дружб» — первичных организаций Союза. Опираясь на них, оно рассчитывало утвердить БЗНС в качестве основного фактора внутривластного развития страны. При быстром росте численности БЗНС (примерно 200 тыс. членов к концу 1944 г. и около 250 тыс. — весной 1945 г. [6]), имевшемся значительном политическом опыте, «аграристские» амбиции руководства этой партии могли иметь серьезные последствия для хода революционного процесса, тем более, что уже в октябре 1944 г. в БЗНС отчетливо проявились тенденции к соперничеству с коммунистами [7], к установлению своеобразных «сфер влияния» для каждой из партий ОФ [8, с. 15]. Все это требовало от БРП(к) внимательного и тактичного подхода к этому союзнику, постоянного внимания к процессам, развивавшимся внутри БЗНС.

После 9 сентября начал быстро меняться ранее сравнительно замкнутый и узкий характер политической группы «Звено»¹. I (Учредительная) конференция «Звена» (октябрь 1944 г.) приняла решение о превращении группы в партию Народный союз «Звено», ставившую перед собой задачу объединения под своим влиянием и приобщения к делу ОФ тех граждан, которые «не желают стать ни коммунистами, ни „земледельцами“» [10]. На практике это означало возникновение партии нефашистской буржуазии, входившей в ОФ. В сложной внешнеполитической обстановке (Болгария ожидала от антигитлеровской коалиции мер, которые способствовали бы стабилизации ее международного положения) наличие в ОФ партии нефашистской буржуазии имело большое значение, поскольку западным державам не могло не импонировать достаточно широкое участие буржуазии в правлении: в первом правительстве ОФ «Звено» получило одинаковое с БРП(к) и БЗНС число портфелей.

В середине сентября 1944 г. начался процесс организационного восстановления в БРСДП, сопровождавшийся борьбой за приоритет между левыми, правыми и центром в ее руководстве. Мелкобуржуазная по составу, стоявшая в идейно-теоретическом плане на позициях «австромарксизма» БРСДП пользовалась популярностью в весьма ограниченных кругах болгарского общества и была малочисленной. Сразу после 9 сентября болгарские социал-демократы перевели лозунг социализма из разряда

¹ В каун 9 сентября «Звено» представляло собой «антифашистски и антиимпериалистически настроенную интеллигентскую мелкобуржуазную политическую группу с демократической платформой» [9].

стратегических непосредственно в повестку дня, в связи с чем многим казались партией «более левой», чем БРП(к). С этим, видимо, были связаны и отдельные случаи перехода некоторых коммунистов в БРСДП [11].

Установление власти ОФ сразу же выдвинуло на передний план вопрос о допущении в него других партий и политических группировок. Поначалу он решался положительно при условии принятия вступающими программы ОФ и их готовности содействовать новому правительству [12]. Практически одновременно возникла тенденция к расширению состава ОФ прежде всего за счет привлечения массовых организаций и широких кругов беспартийных. Однако вскоре возник новый критерий членства в ОФ, отраженный в декларации руководств партий ОФ от 12 октября 1944 г. [13]. Непременным и главным условием включения в состав ОФ стало активное участие в борьбе против фашизма. Такой подход позволял парировать опасность известного «размывания» ОФ, снижения или даже потери им характера боевого союза демократических патриотических сил, превращения в коалицию партий и группировок различного классового состава и внешнеполитической ориентации и был связан, по-видимому, с попыткой некоторых буржуазных и мелкобуржуазных партий и группировок, ранее отказавшихся сотрудничать с коммунистами во Фронте, вступить в его ряды осенью 1944 г.² Стремясь не допустить существования вне ОФ других политических партий и группировок, союзники по ОФ в совместном документе констатировали их «недемократический» характер, что было по меньшей мере проблематичным. В связи с этим болгарский исследователь М. Исусов охарактеризовал декларацию от 12 октября как «чрезмерно революционную» [4, с. 179].

В декларации говорилось о том, что в ОФ не могут быть допущены Демократическая, Радикальная, Либеральная партии и БЗНС «Врабча». В составленной на основе декларации специальной директиве Национального комитета ОФ (НК ОФ) от 20 октября 1944 г. к числу фактически запрещенных партий было отнесено и крыло Пастухова в БРСДП³. Таким образом, на наш взгляд, декларация способствовала решению и определенных внутривнутрипартийных вопросов: «пладенцы» с ее помощью намеревались свести на нет влияние «врабчевистов», а левые социал-демократы рассчитывали поколебать позиции пастуховцев.

Итак, постепенно после 9 сентября 1944 г. многопартийная система в Болгарии приобрела закрытый характер: деятельность всех партий и группировок вне ОФ была запрещена. Разрешалось индивидуальное членство в ОФ, но определяющим моментом при этом являлось участие в борьбе против фашизма до 9 сентября и в восстании.

ОФ как элемент политической организации общества, не только испытывал на себе воздействие других «подсистем», но и сам оказывал на них значительное и в известном смысле даже определяющее влияние. Это проявилось уже непосредственно после 9 сентября в процессе формирования органов государственной власти, куда на паритетных началах вошли представители всех партий-участниц ОФ.

Правительство во главе с лидером «Звена» К. Георгиевым было сформировано в канун восстания и утверждено указом старого регентского совета 9 сентября 1944 г. Оно было образовано путем соглашения партий ОФ, а его персональный состав предварительно обсужден в НК ОФ.

² В частности, вопрос о вступлении в ОФ поднимали руководства Демократической и Либеральной партий, партии ремесленников, анархокоммунистической федерации Болгарии.

³ По некоторым сведениям, появление декларации и директивы НК ОФ вызвало сильное разочарование у тех партий и группировок, которые рассчитывали вступить в ОФ после 9 сентября.

В Совете министров был утвержден принцип единогласного принятия решений, т. е. введено своего рода право «вето». В случае возникновения разногласий вопрос мог быть передан на рассмотрение в НК ОФ расширенного состава, являвшегося, по определению болгарского исследователя В. Захарова, своеобразным «пленумом ОФ» [14, с. 276]. К работе НК ОФ в таких случаях привлекались видные представители руководства партий ОФ, руководители центральных государственных органов, общественных и массовых организаций. Такие заседания стали эффективным средством воздействия на деятельность коалиционного правительства и других центральных органов. Практически не было случаев игнорирования соответствующими органами предложений, пожеланий или рекомендаций расширенного состава НК ОФ [14, с. 295, 296].

Созыв НК ОФ расширенного состава вызывался непростой ситуацией в верховном органе ОФ, где так же, как и в правительстве, нередко были серьезные споры и разногласия, и находить общий язык порой не удавалось. Характерный пример: в конце августа 1944 г. в НК ОФ обсуждалась правительственная программа. Разногласия помешали ее принятию, и по предложению Политбюро ЦК БРП решение данного вопроса было временно отложено [15]. И только после 9 сентября с помощью НК ОФ расширенного состава, который окончательно решил вопрос о содержании и формулировках отдельных пунктов, программа правительства была подготовлена и 17 сентября 1944 г. обнародована ⁴.

НК ОФ не стал исполнительным органом власти, он оставался органом общественно-политическим, возглавлявшим все движение ОФ, но оказывал сильное и непосредственное влияние на деятельность правительства, выступал инициатором различных начинаний, фокусировал все пожелания и устремления народа. Этот факт определенной зависимости правительства от верховного органа ОФ начал приобретать все большее значение по мере углубления революционных преобразований в стране, когда политическая неоднородность правительства стала препятствовать их осуществлению [17].

Деятельность правительства санкционировалась регентским советом, в обновленный состав которого вошли представители либеральной буржуазии В. Ганев, Ц. Бобошевский и коммунист Т. Павлов. В сложных внешнеполитических условиях того времени регентский совет, тесно связанный с монархическим институтом, превращался в один из «важных регулирующих и балансирующих факторов управления страной» [8, с. 26]. Поэтому коммунисты, как подчеркивал В. Коларов, были далеки от того, чтобы считать регентство «пустой формальностью, фикцией, пережитком, не имеющим под собой никакой реальной опоры» [18].

Своеобразным стержнем всей политической и экономической структуры общества являлись комитеты ОФ на местах. К концу 1944 г. их было примерно до 7300 и объединяли они около 39 тыс. человек [19]. Сравнительно небольшая часть комитетов была образована в нелегальный период. В этих комитетах, вынесших на своих плечах основную тяжесть борьбы против фашизма, преобладали коммунисты, и партия заботливо относилась к тому, чтобы сохранить такой состав. Сменить своего представителя в «боевом» комитете могло лишь главное руководство партии, отозвав его. Пополнение таких комитетов, осуществлявшееся на основе равного представительства партий, предусматривало, таким образом, закрепление преобладающего участия членов БРП(к).

Большинство комитетов ОФ было сформировано после 9 сентября 1944 г. и получило название «творческих». При их создании предпола-

⁴ Анализ программы правительства ОФ от 17 сентября 1944 г. см. [16].

галось соблюдать паритет, но осуществлять его не механически, а с учетом конкретной ситуации на месте. «Право на равное представительство имеют лишь те организации, которые встали на ноги и полностью восстановились», — указывалось в декларации от 12 октября 1944 г. [20]. В первое время после 9 сентября такая постановка вопроса вела к преобладанию в «творческих» комитетах членов БРП(к), поскольку процесс консолидации в союзных партиях только развертывался и лишь БРП(к) оказалась в состоянии приступить к решению сложных задач по руководству революционным процессом в стране. Но по мере роста и организационного укрепления партий ОФ они все настоятельнее ставили вопрос о соблюдении паритета в комитетах ОФ. Вплоть до 1948 г. вопрос этот оставался одним из самых злободневных: коммунисты не хотели сдавать позиций, завоеванных в борьбе, нередко подчеркивали по всякому поводу руководящую роль БРП(к), «командовали» союзниками, что обостряло отношения между партиями [21]. Со своей стороны, союзники коммунистов по Фронту часто выдвигали необоснованные претензии и требования к компартии.

Принятие специального документа, отражавшего позицию партий по вопросу о паритете, завершило возникшую в октябре 1944 г. в НК ОФ дискуссию об уравнивании числа представителей союзных партий в комитетах ОФ. Для коммунистов согласие с принципом паритета объективно явилось уступкой союзникам с целью укрепления ОФ, сглаживания возникших разногласий. По словам Т. Костова, в основу декларации легло четкое осознание коммунистами необходимости существовавшей в лице ОФ «общественной силы» для обеспечения правильного и нормального развития Болгарии на том этапе [22]. Со своей стороны, БРП(к) требовала от союзников активного участия в решении сложных вопросов, выдвигаемых военным временем и разрухой. Такое требование было вызвано тем, что некоторые союзнические партии нередко демонстрировали незаинтересованность в решении отдельных задач [23, с. 531, 536] или даже отстранялись от позитивной деятельности, рассчитывая при этом на то, что коммунисты допустят те или иные ошибки [24—25].

Декларацию партий ОФ предполагалось рассматривать как своего рода «устав» ОФ. Однако существенно структура комитетов ОФ не изменилась: практически число комитетов, состав которых формировался в точном соответствии с декларацией, было незначительным. Причины этого крылись не только в упомянутой позиции коммунистов, но нередко и в организационной слабости союзников.

Комитеты ОФ на местах, добровольно принявшие на себя решение самых разнообразных неотложных вопросов, в сознании народа отождествлялись с органами строившегося народного государства. Видный деятель БЗНС С. Тончев вспоминает: «ОФ представлял тогда, можно сказать, все. По всем вопросам люди обращались к нам» [26]. Издававшиеся комитетами ОФ документы имели силу официальных, приравнивались к актам государственных органов. Особое место среди них принадлежало так называемым «справкам ОФ» — совершенно новому виду документа, являвшемуся своеобразным подтверждением политической благонадежности того или иного лица. Поступление на государственную службу или в учебное заведение, получение жилья, смена местожительства и пр. — все это осуществлялось на основе «справок ОФ». С их помощью стало возможно регулировать социальный и политический состав государственных, административных и хозяйственных учреждений, закрывать путь недоброжелательным или враждебно настроенным элементам к руководящим постам. Постепенно эти документы во все большей степени стали приобретать значение общественной рекомендации [27]. В этом виде «справки ОФ»

сохранились до конца 1946 г., когда X пленум ЦК БРП(к) рекомендовал НК ОФ приостановить их выдачу. Но на местах еще и год спустя, т. е. вплоть до конца 1947 г., «справки ОФ» оставались по-прежнему основным документом и не теряли былого значения [24].

Официально комитеты ОФ не стали органами власти. Уже 15 сентября 1944 г. Министерство внутренних дел специальным приказом назначило кметов, околийских и областных управляющих, фактически утвердив новый курс в отношении комитетов, — отказ от прежних планов превращения их в административные органы власти⁵. Как подчеркнул на VIII пленуме партии весной 1945 г. секретарь ЦК БРП(к) Т. Костов, перспектива превращения комитетов ОФ в органы власти оказалась неправильной «прежде всего с точки зрения международного положения» [3, с. 599].

12 сентября 1944 г. в директиве № 5 ЦК БРП(к) сформулировал задачу превращения комитетов ОФ в «опору новой народной власти на местах», оставляя за ними функции контроля и содействия работе государственных и общественных органов [29]. НК ОФ, со своей стороны, также разъяснил задачи и функции комитетов ОФ, сочтя необходимым при этом четко определить рамки «вмешательства» комитетов в работу государственных органов: в ведении комитетов оставался подбор кадров и контроль за их деятельностью, а также за осуществлением намеченных мероприятий в учреждениях. Комитетам было отказано в праве назначать и увольнять государственных и прочих служащих, оставив его за соответствующими министерствами [30]. В циркуляре НК ОФ закреплялось создание комитетов по территориальному и производственному признакам, но подчеркивалось, что нет необходимости в их создании в массовых организациях и учреждениях (в кооперативах, читалищах, синдикатах, обществах трезвости и пр.). Однако к роспуску комитетов там, где они уже имелись, НК ОФ не приступил.

Комитеты ОФ на предприятиях сыграли большую роль в деле восстановления экономики страны и политической консолидации болгарского рабочего класса. По составу они были, как правило, однородными [4, с. 28], т. е. включали рабочих и служащих данного предприятия.

Функции и задачи комитетов ОФ и профсоюзных групп на предприятиях закреплялись в специальном циркуляре № 6 НК ОФ, изданном в начале декабря 1944 г. Особое внимание в нем уделялось развертыванию комитетами и профгруппами массово-политической работы под главным лозунгом дня — «Все для фронта!» НК ОФ ставил перед ними задачу контролировать производство, следить за своевременным и точным выполнением производственных заданий и за качеством продукции, способствовать укреплению трудовой дисциплины, заботиться о повышении материального и культурного уровня рабочих и пр. Комитеты и профсоюзные группы имели право высказывать свои рекомендации по административным, техническим и финансовым вопросам, не вмешиваясь, однако, в действия собственников предприятий, а также вносить предложения относительно увольнения фашистских и иных нежелательных элементов. В случае возникновения конфликтной ситуации с предпринимателями арбитрами становились вышестоящие комитеты ОФ, вплоть до НК ОФ. В циркуляре специально подчеркивалось, что комитеты ОФ «не имеют права захватывать фабрики, вступать в управление ими» [31].

Содержание циркуляра свидетельствовало о том, что НК ОФ не делал различий между комитетами ОФ и профсоюзными группами на предприятиях, признавал существовавшее дублирование их функций. Ви-

⁵ Курс на превращение комитетов ОФ в органы народно-демократической власти был закреплен в директиве ЦК БРП 26 августа 1944 г.

димо, поэтому коммунисты допускали возможность передачи в будущем полномочий комитетов на предприятиях профсоюзным группам [8, с. 29]. Идя в этом вопросе навстречу союзникам, они несомненно учитывали, что профсоюзы в стране целиком воспринимали курс БРП (к).

В значительной степени именно через посредство комитетов ОФ партия осуществляла свое руководство в государственном аппарате. И именно поэтому вскоре после 9 сентября со стороны партнеров по Фронту стали раздаваться голоса с требованиями покончить с «двоевластием», пресечь «управленческие замашки» комитетов и пр. Характерно в этом плане заявление «звенаря» И. Харизанова на конференции Врачанского областного комитета ОФ в октябре 1944 г. о том, что «министры испытывают стремление к независимости» [32].

Это «стремление», выразившееся в попытках свести на нет работу комитетов ОФ в государственных учреждениях, было связано, по-видимому, с появлением в начале октября 1944 г. декрета-закона о временной отмене служебного ценза, что фактически открывало доступ трудящимся в государственный аппарат. Сам по себе этот революционный нормативный акт создавал юридическую возможность немедленно приступить к радикальной чистке государственного аппарата [33]. Главной пружиной всего механизма чистки стали комитеты ОФ. Однако произошло это не без борьбы.

Особенно острое сопротивление проведению чистки было оказано в министерствах, возглавлявшихся социал-демократами, «звенарями» и «независимыми».

Конфликт между руководством некоторых министерств и комитетами ОФ в них постепенно приобрел такую остроту, что вопрос о проведении чистки пришлось вынести на специальное заседание НК ОФ (6 декабря 1944 г.). Однако к единому мнению НК не пришел, и вопрос временно был снят с повестки дня [34]. Вернулись к нему на I съезде комитетов ОФ (март 1945 г.), принявшем решение о возможности постепенной замены комитетов ОФ на предприятиях и в учреждениях соответствующими комиссиями профсоюзов [35]. Практически же роспуск комитетов ОФ начался лишь после создания там крепких профсоюзных организаций и продолжался на протяжении 1945—1946 гг. [23, с. 527].

В дальнейшем дискуссия о чистке госаппарата и методах ее проведения закончилась в НК ОФ победой курса БРП (к) на решительное обновление аппарата, смелое привлечение в его органы трудящихся. «Чистка как политический акт,— подчеркнула в своем выступлении Ц. Драгойчева,— должна быть осуществлена комитетами ОФ» [36].

Бурные обсуждения в НК ОФ вопросов о роли и функциях комитетов ОФ, о чистке государственного аппарата вскрыли стремление правого крыла внутри ОФ изолировать коммунистов от правительственного большинства, нейтрализовать и впоследствии отстранить их от управления. Это крыло считало революцию законченной, а основные ее цели достигнутыми, противилось вовлечению широких масс в управление и, следовательно, стало превращаться в препятствие на пути революции [37]. Серьезные осложнения между партиями возникли в связи с определением характера отношений между НК ОФ и правительством: «совещательная» функция НК ОФ не вызывала в правительстве возражений, однако функция контроля и надзора встречала у части членов кабинета резкое отрицательное отношение.

Коммунисты всемерно поощряли контрольную функцию НК ОФ, стремясь превратить этот орган в средство эффективного воздействия на правительство, в котором не располагали большинством. В начале ноября Политбюро ЦК БРП (к) приняло решение об усилении роли НК ОФ

как «главного контролера и исполнителя постановлений ОФ». При этом обращало на себя внимание намерение усилить зависимость правительства от НК ОФ, заставить министров в обязательном порядке выполнять его решения. «В настоящих условиях, — подчеркивалось в документе, — Национальный комитет должен быть самым важным и авторитетным органом и институтом в нашей стране» [38]. Предполагалось усилить роль коммунистов в НК ОФ (председателем НК была Ц. Драгойчева), добиться, чтобы слово их было «авторитетно и весомо». Политбюро допускало возможность включения в НК В. Коларова и министра-коммуниста Д. Терпешева. Однако сравнительно скоро утвердилось мнение о нецелесообразности включения министров в состав НК ОФ⁶, что, учитывая взгляды отдельных членов кабинета, помогло избежать нежелательных осложнений.

Утверждение в массах мнения о необходимости функции контроля органов ОФ за деятельностью правительства способствовал декабрьский кризис 1944 г.⁷ Характерно, что участники созданного по инициативе комитета ОФ многотысячного митинга в Русе 6 декабря 1944 г. потребовали, чтобы правительство при решении всех наиболее крупных и важных вопросов предварительно выясняло мнение НК ОФ [39].

Важность контрольной функции НК ОФ была подчеркнута и на I съезде комитетов ОФ. Съезд вынес решение о расширении состава НК и местных комитетов ОФ путем включения в него с правом совещательного голоса представителей массовых организаций. Была подтверждена октябрьская (1944) декларация о переустройстве комитетов ОФ, поставлен вопрос о возможности постепенного устранения различий между «боевыми» и «творческими» комитетами ОФ и др. [40, с. 14].

Принятый съездом Манифест к болгарскому народу не оставил никаких сомнений относительно позиции ОФ по вопросу о единстве движения: «Каждый, кто попытается помешать ОФ, кто будет устраивать заговоры против него, пусть не ждет пощады», — говорилось в документе [40].

Съезд поставил вопрос о проведении в ближайшем будущем выборов в Народное собрание, которые должны были способствовать «окончательной стабилизации положения в стране и закреплению позиций, завоеванных после 9 сентября» [41], а также последовательному осуществлению программы ОФ. В случае победы прогрессивных сил выборы превращались в средство давления на те круги в правительстве и партиях ОФ, которые не прочь были оттянуть осуществление намеченных программ мероприятий.

Конкретная постановка вопроса о выборах привела к возникновению внутри многопартийной системы особо острых противоречий, приведших фактически к ее расколу [4, с. 140]. Из состава ОФ вышли группировки Н. Петкова в БЗНС, Г. Чешмеджиева в БРСДП и «независимые» во главе с П. Стояновым. Эти силы образовали так называемую «лояльную оппозицию». Таким образом, к середине 1945 г. в ОФ сложилась весьма сложная ситуация, которую Ц. Драгойчева, выступая в НК, сравнила с пожаром [42].

Оппозиционеры потребовали от правительства отсрочки выборов в Народное собрание, назначенных на август, и проведения их под контролем Союзной Контрольной Комиссии (СКК) в Болгарии. На отсрочке выборов

⁶ В письме Тр. Костову Г. Димитров 13 января 1945 г. специально остановился на этом вопросе.

⁷ Поводом к возникновению кризисной ситуации послужило принятие Советом министров постановления № 4, направленного против чистки и демократизации офицерского корпуса в армии и укрепления в ней боевой дисциплины.

настаивали и представители Англии и США в СКК. В условиях предстоящей разработки мирного договора с Болгарией и сразу после Потсдамской конференции советская сторона не видела оснований к тому, чтобы не посчитаться с позицией союзников. СКК сочла возможным «рекомендовать болгарскому правительству отложить выборы в парламент на более поздний срок» [43]. Правительство Болгарии последовало этой рекомендации.

В связи с отсрочкой выборов НК ОФ принял специальную декларацию, в которой одобрял решение правительства и предлагал расширить многопартийную систему, разрешив деятельность Радикальной и Демократической партий и легализовав оппозицию. Подобные уступки, как отмечалось на заседании НК ОФ коммунистами, были вызваны потребностью сохранить ОФ и его правительство и продолжить их политику [44].

НК ОФ решил также вопрос о расширении состава ОФ, заявив, что «двери ОФ открыты для каждого, кто на деле признает его программу и готов бороться за ее осуществление, а также всеми силами отстаивать национальную независимость и суверенитет Болгарии» [45]. Этот акцент был новым в определении критерия членства в ОФ. Тем самым НК ОФ ясно подчеркнул непосредственную связь раскольнических действий против ОФ с угрозой существованию Болгарии как суверенного государства.

Рекомендации НК ОФ были приняты: в ОФ вступила часть Радикальной партии во главе с С. Костурковым, была определена новая дата выборов в Народное собрание — 18 ноября 1945 г.

Таким образом, в конце августа — начале сентября 1945 г. ОФ и составившие его партии согласились с изменением характера многопартийной системы. Этот процесс развивался по нескольким направлениям, затронув группировки, ранее входившие в ОФ, а также и некоторые традиционные буржуазные и мелкобуржуазные партии, деятельность которых после 9 сентября была запрещена.

Изменение характера многопартийной системы в значительной степени осложнило развитие революционного процесса, создало больше возможностей для вмешательства империалистических сил во внутренние дела страны [4, с. 163].

Исход избирательной кампании, вопрос о массах, о политической армии революции упирался в значительной степени в результативность экономической политики. Понимая это, а также учитывая, что источником оппозиционных настроений и колебаний мелкой буржуазии в значительной степени явились слабые итоги практической деятельности правительства на экономическом фронте, руководство компартии выступило 28 сентября 1945 г. со специальной Декларацией по экономическим вопросам [46]. Отразив реалистическую позицию коммунистов по вопросам экономической политики, Декларация, по словам Т. Костова, явилась уступкой коммунистов той части их «естественных союзников» в лице крестьян, ремесленников, мелких торговцев, которые выражали недовольство экономической деятельностью правительства [3, с. 641], давала возможность привлечь максимум общественных групп населения к восстановлению народного хозяйства, использовать с этой целью капитал и организационный опыт частных предпринимателей.

В канун выборов, не сумев добиться изменений в составе правительства, «лояльная оппозиция» заявила об их бойкоте, что, однако, не повлияло на исход голосования. За ОФ было подано свыше 80% голосов. Это свидетельствовало о широкой поддержке ОФ народными массами.

Выборы выдвинули на повестку дня вопрос о взаимоотношениях между парламентом и комитетами ОФ, о том месте, которое предстоит в дальнейшем занять ОФ.

Среди части населения сложилось мнение о том, что деятельность парламента лишает смысла существование комитетов ОФ, которые, следовательно, должны быть распущены, что после выборов начнется переход от революционного периода к «нормальному» парламентскому режиму [47]. С другой стороны, некоторые коммунисты расценили успех ОФ на выборах как предпосылку создания «рабочего» правительства и соответствующего изменения составов комитетов или даже их роспуска [48]. Вопрос о взаимоотношениях между Народным собранием и ОФ рассматривался на IX пленуме ЦК БРП(к) в декабре 1945 г. В своей речи Г. Димитров подчеркнул, что ОФ выступает как подлинный вершитель судеб народа и его комитеты должны занять подобающее им место рядом с Народным собранием как «инициативные, мобилизующие и контролирующие народные органы, деятельность которых направлена на осуществление программы ОФ» [23, с. 535].

Вопрос о функциях и задачах комитетов ОФ был поставлен и на заседании НК ОФ в середине декабря 1945 г. Ц. Драгойчева подчеркнула, что ОФ и его организации по-прежнему остаются политическим руководителем болгарского народа, а НК ОФ — его вождем. Она образно сравнила комитеты ОФ с «нервной системой» всей политической жизни страны [49].

15 декабря начало работу Народное собрание. Депутатам предстояло решить наряду с другими вопрос о созыве Великого Народного Собрания (ВНС), призванного привести в соответствие статьи действующей конституции с демократическими преобразованиями, осуществленными после 9 сентября.

Но в сентябре 1946 г. после проведения референдума, решившего судьбу монархического института в стране, возникла необходимость разработки и принятия новой конституции Болгарии, ставшей отныне народной республикой.

Проект новой конституции, детально обсужденный представителями высшего руководства партий ОФ, стал общей платформой на выборах в ВНС для всех партий ОФ. В докладе комиссии ОФ по разработке проекта отмечалось, что «новая конституция, не являясь подобием советской, коренным образом отличается и от прежней: она — народная конституция» [50]. При обсуждении проекта был рассмотрен вопрос и об узаконивании в той или иной форме комитетов ОФ. Подчеркнув характер ОФ как общественного народного движения, Г. Димитров отметил, что комитеты «не могут быть непосредственно государственными органами. Они будут прочной, главной опорой народной республики и сейчас, и в далеком будущем, но не как конституционные органы.» [51]. Так была поставлена последняя точка в длительной дискуссии относительно роли и функций комитетов ОФ, начавшаяся еще осенью 1944 г.

Выборы в ВНС принесли несомненный успех ОФ: примерно 70% голосовавших высказались в его поддержку. Более 53% из них отдали свои голоса БРП(к), что свидетельствовало о силе и авторитете компартии. Однако коммунисты отчетливо понимали, что предстояло закрепить победу, расширить политические связи с другими партиями, укрепить сотрудничество с ними, развернуть политическую борьбу против оппозиционных сил, добившихся на выборах определенного успеха (около 20% голосов).

Итоги выборов были обсуждены в НК ОФ 5 ноября 1946 г. В принятом обращении к болгарскому народу НК ОФ сформулировал основные задачи, стоявшие перед страной, призвал к полному и окончательному осуществлению программы ОФ, к укреплению сотрудничества между партиями ОФ.

Выборы в ВНС завершили сложный, наполненный подчас драматическими событиями период политического развития Болгарии. Отечественный фронт с честью вышел из испытаний напряженной борьбы, став подлинной основой и стержнем всей жизни страны. Через него постоянно и непосредственно осуществлялась связь коммунистической партии с массами, воплощая растущее политическое и демократическое единство болгарского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Исусов М.* За периодизацията на най-новата българска история. Векове, 1973, № 1, с. 66.
2. *Аврамов П.* Организационното изграждане на БКП след излизането ѝ от нелегалност (9 септември 1944 — февруари 1945 г.).— Исторически преглед, 1965, № 2, с. 9.
3. *Костов Т.* Избрани статии, доклади, речи. София, 1964.
4. *Исусов М.* Политическите партии в България. 1944—1948. София, 1978.
5. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2. М., 1957, с. 70.
6. *Зарчев Й.* Болгарский земледельческий народный союз и социалистическая революция в Болгарии. Bulgarian Historical Review, 1975, № 1, p. 17.
7. Земедельско знаме, 1944, 18, 21 X.
8. Непубликувани радиограни на Георги Димитров до ЦК на БРП(к) (август — декември 1944).— Известия на института по история на БКП, 1972, т. 27.
9. *Георгиев В.* Предпоставки и фактори за идейно-политическата еволюция на «Звено».— Векове, 1972, № 4, с. 30.
10. *Димитров И.* Народен съюз «Звено». 1 октомври 1944—19 февруари 1949.— Исторически преглед, 1970, № 5, с. 5.
11. ЦПА при ЦК на БКП (далее: ЦПА), ф. 205, оп. 3, а. е. 488, л. 4.
12. Отечествен фронт, 1944, 20 IX.
13. Отечествен фронт, 1944, 13 X.
14. *Захаров В.* Националният комитет на Отечественния фронт и централните държавни органи (1944—1947).— В кн.: Роля на социалистическото право през двадесет и петте години социалистическо строителство в Н. Р. България. София, 1969.
15. *Драмалиев К.* В Националният комитет на ОФ през ония дни.— В кн.: Спасителният за България Отечествен фронт. Статии и речи. Спомени. София, 1975, с. 199.
16. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. М., 1977, с. 225—228.
17. *Гришина Р. П.* Политическая обстановка в Болгарии весной-летом 1945 г.— Советское славяноведение, 1974, № 5, с. 21.
18. ЦПА, ф. 147, оп. 2, а. е. 864, л. 2.
19. Българската комунистическа партия в борба за утвърждаване на народнодемократичната власт и за построяване основите на социализма (9 IX 1944—1952 г.).— София, 1957, с. 5.
20. Отечествен фронт, 1944, 13 X.
21. ОПА-Плевен, ф. 1, оп. 1, а. е. 8, л. 3.
22. Там же, а. е. 4, л. 18.
23. *Дамянова П.* Някои основни моменти в развитието на Отечественния фронт от масово антифашистко движение в единна обществено-политическа организация (1944—1948).— Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизъм при ВУЗ. Год V. София, 1966, кн. 3—4.
24. ЦДА на НРБ, ф. 68, оп. 1, а. е. 2, л. 16.
25. ЦПА, ф. 205, оп. 3, а. е. 183, л. 11; а. е. 275, л. 7; а. е. 288, л. 25.
26. *Тоичев Ст.* Рамо до рамо с комунистите.— В кн.: Спасителният за България Отечествен фронт. Статии и речи. Спомени. София, 1975, с. 217.
27. *Дамянова П.* Относно характера на някои функции на ОФ комитетите в България в началото на преход от капитализъм към социализъм.— Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизъм при ВУЗ. Год. IV. София, 1964, кн. 1—2, с. 387—388.
28. ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 524, л. 76.
29. Работническо дело, 1944, 18 IX.
30. Отечествен фронт, 1944, 20 IX.
31. Окръжни на Националният комитет на ОФ. Програма на правителство, декларация на 4-те ОФ партии и др. София, 1945, с. 24.
32. ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 78, л. 11.
33. *Славов П.* Изграждане и развитие на социалистическата държава в България.— В кн.: Социалистическата революция в България. Исторически студии. София, 1965, с. 288.

34. ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 24, л. 61—63, 83, 87.
35. Отечествен фронт, 1945, 14 III.
36. ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 28, л. 16.
37. *Заларов В.* Проблема чистки государственного аппарата в болгарской народно-демократической революции.— Годишник на Софийския университет. Юридически факултет, 1965, т. VI, кн. 2, с. 402.
38. Установяване и укрепване на народнодемократичната власт. Септември 1944 — май 1945. Сборник документи. София, 1969, с. 297.
39. ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 149, л. 42.
40. Манифеста и резолюциите на първия исторически конгрес на комитетите на Отечественния фронт. София, 1945.
41. *Радев Я.* Държавни представителни органи в България (1944—1947). София, 1965, с. 25.
42. ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 25, л. 121.
43. Работническо дело, 1945, 25 VIII.
44. ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 26, л. 88—89.
45. ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 26, л. 98.
46. Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и политбюро на ЦК. Т. IV. 1944—1955. София, 1955, с. 29—41.
47. Знаме, 1945, 26 XII.
48. ЦПА, ф. 1, оп. 15, а. е. 16, л. 14 об; а. е. 18, л. 28.
49. ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 26, л. 228—229.
50. Народна Република България. Президиум на Народното събрание. Материали по Конституцията на НРБ от 1947 г. Т. 3, л. 2, 7.
51. Народна Република България. Президиум на Народното събрание. Материали по Конституцията на НРБ от 1947 г. Т. 3, л. 28.

БОЛЬШАКОВА К. В.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ в 1946—1949 гг. (По материалам ВОКС и ОПСД)

Сотрудничество Советского Союза и Народной Польши в области литературы и искусства началось в конце 1944 г., когда в Москве находилась делегация представителей польской интеллигенции во главе с руководителем Отдела просвещения Польского комитета национального освобождения С. Скпешевским. Членов делегации принимали различные организации и учреждения Москвы, в том числе и Союз советских писателей (ССП) СССР. Между советскими и польскими литераторами, как сообщил Скпешевский в интервью корреспонденту ТАСС, был «установлен тесный творческий контакт», а также достигнута договоренность «о систематическом переводе и издании лучших произведений польской и советской литературы» [1, док. 177]. Во время одной из встреч членов польской делегации с советскими писателями звучали в русском переводе первые главы романа Е. Богушевской и Е. Корнацкого «Полонез» и стихи Ю. Пшибося [1, док. 177]. В начале октября 1945 г. «Бюллетень ПАП» поместил сообщение о том, что «организованное на территории Силезско-Домбровского воеводства и Нижней Силезии Общество польско-советской дружбы (ОПСД) готовит к изданию три тома советской и русской дореволюционной поэзии» [1, док. 332]; Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС) осенью 1945 г. была отослана в Польшу подборка книг 30 советских поэтов для составления антологии русской поэзии в переводе на польский язык под редакцией М. Яструна и С. Полляка [2, д. 229, л. 43].

В 1945 г. польские специалисты, изучающие творчество А. Мицкевича, обратились в ВОКС с просьбой прислать материалы, связанные с пребыванием польского поэта в Москве, Одессе и Киеве [2, д. 229, л. 8, 9, 79].

В 1946—1949 гг. все большее значение в советско-польских культурных и, в частности литературных, связях приобретает сотрудничество между ВОКС и организованным в конце 1944 г. ОПСД. В рассматриваемый период именно к этим общественным организациям начинает переходить (от государственных органов — посольств) роль посредника в культурных отношениях СССР и Польши. Между ВОКС и ОПСД шел довольно широкий обмен материалами о творчестве русских и польских писателей-классиков, в частности по запросам литературных музеев.

В мае 1949 г. ВОКС получило письмо ОПСД с ответом на запрос, сделанный Украинским обществом культурной связи с заграницей (УОКС), о библиографических сведениях, касающихся издания произведений Т. Шевченко на польском языке [2, д. 257, л. 199]. В начале

1950 г. УОКС, выполняя просьбу Польского радио, направил в Польшу через ВОКС трехтомник произведений Шевченко [2, д. 260, л. 81].

В сентябре 1949 г. Львовский литературно-мемориальный музей И. Франко через УОКС обратился к ОПСД с просьбой «приобрести для него издание произведений Франко на польском языке» [2, д. 259, л. 171], а в начале 1950 г. УОКС просил ОПСД выслать «произведения украинской литературы, изданные в Польше, в том числе произведения И. Франко, М. Коцюбинского для экспонирования их в соответствующих литературно-мемориальных музеях Львова и Чернигова» [2, д. 260, л. 82]. В октябре 1949 г. ВОКС поручил своему представителю в Польше ускорить ответ на запрос Ярославского мемориального музея Н. А. Некрасова относительно возможности получения из Польши изданных на польском языке произведений поэта [2, д. 259, л. 163]. В декабре Главное правление (ГП) ОПСД направило представителю ВОКС в Польше библиографию произведений Некрасова, в которой указывалось 13 названий сборников, опубликованных на польском языке в XIX—XX вв. (среди них вышедший в Народной Польше в 1947 г. первый том антологии русской поэзии, включающий 17 некрасовских переводов, выполненных в основном Ю. Тувимом) [2, д. 262, л. 18—20]. В письме ВОКС (XI 1949 г.) своему представителю в Польше содержалась просьба прислать для Литературного музея в Москве «все, что можно достать на польском языке о Радищеве» для выставки «Жизнь и творчество Радищева», в которой предполагался раздел об изданиях его произведений на иностранных языках [2, д. 259, л. 108, 116].

По случаю юбилейных дат, связанных с именами русских писателей А. Н. Островского и А. М. Горького, в 1946 г. ВОКС направило своему уполномоченному в Польше: к 60-летию со дня смерти Островского — фотоподборку и две статьи о его творчестве в дополнение к посланному ранее полному собранию сочинений писателя [2, д. 234, л. 178]; к 10-летию со дня смерти великого пролетарского писателя — фотоальбом, четыре статьи, материалы и исследования о горьковской драматургии [2, д. 234, л. 189, 191]. Позднее, к 80-летию со дня рождения Горького, ВОКС направило уполномоченному в Польше: новые статьи советских литературоведов и критиков для польской прессы, а также воспоминания литературоведов и писателей о Горьком, опубликованные в советской печати [2, д. 241, л. 99]. Накануне 135-летия со дня рождения Т. Шевченко ВОКС напоминало в письме своему уполномоченному об отправленной ранее для ОПСД статье А. Е. Корнейчука о великом украинском поэте и рекомендовало опубликовать ее в издаваемом Обществом журнале «Przyjaźń»; статья М. Рыльского о Т. Шевченко также была рекомендована ВОКС к опубликованию в Польше [2, д. 247, л. 210]. После окончания шевченковских юбилейных мероприятий, организованных ОПСД в Польше, материалы о них были направлены УОКС, который передал их для экспонирования в литературно-художественный музей Т. Шевченко [2, д. 258, л. 166]. Среди материалов о «праздновании в Польше знаменательных событий в жизни Советского Союза, в советской культуре», присланных в начале 1950 г. ГП ОПСД представителю ВОКС в Польше, был альбом со статьями об А. Н. Радищеве, опубликованными в польской печати по случаю 200-летия со дня рождения писателя; сообщалось также, что к юбилею готовится первый перевод на польский язык книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (переводчик С. Полляк) [2, д. 253, л. 3].

В Советском Союзе литературной общественностью были торжественно отмечены юбилей двух выдающихся польских поэтов. В конце декабря 1948 г. ВОКС направило в Польшу для ОПСД советские газеты

и журналы со статьями, посвященными 150-летию со дня рождения А. Мицкевича, и информации о проведении торжественного вечера, организованного в Москве ССП СССР, Славянским комитетом и ВОКС [2, д. 249, л. 7]. Позднее Правление УОКС направило ОПСД фотоснимки, сделанные на торжественном заседании в Киеве, которое провели ССП Украины и УОКС, а также юбилейные статьи и информации из украинских газет [2, д. 247, л. 213]. В марте 1949 г. по просьбе ССП СССР ВОКС передало Посольству Польши в СССР сочинения Мицкевича, изданные в Советском Союзе к юбилею польского поэта: 1-й том собрания сочинений Мицкевича и отдельные издания его произведений [2, д. 263, л. 13—15]. Своему уполномоченному в Польше ВОКС направило текст лекции М. Живова «Великий польский поэт Мицкевич» и в свою очередь просило прислать юбилейные польские издания произведений Мицкевича [2, д. 247, л. 104, 131]. ОПСД в сентябре 1949 г. отправило ВОКС четыре тома произведений поэта [2, д. 257, л. 56]. В связи с юбилеем Мицкевича в Польше ВОКС направило своему уполномоченному письмо с перечнем «материалов, относящихся к вопросу популяризации творчества Мицкевича в СССР», переланных в 1947—1949 гг. ВОКС ОПСД, которые не были использованы при организации раздела «Мицкевич в СССР» юбилейной выставки в Варшаве. В письме говорилось о том, что «в настоящее время подбор всех вышеуказанных материалов представляется затруднительным», но содержалось обещание «приложить все усилия к тому, чтобы собрать максимальное количество материалов, необходимых для пополнения варшавской выставки» [2, д. 258, л. 153].

В 1949 г. ВОКС направило в Польшу материалы, относящиеся к проведению в Советском Союзе Дня памяти Ю. Словацкого (100 лет со дня смерти), — номер «Литературной газеты» и журнал «Огонек» со статьей С. П. Щипачева о польском поэте, образец пригласительного билета на торжественное заседание в Москве, среди организаторов которого было и ВОКС [2, д. 247, л. 131, 143].

Широкий обмен материалами между ВОКС и ОПСД проходил в связи с празднованием в СССР и Польше 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина. ВОКС оказало большую помощь ОПСД, Славянскому комитету Польши, Комитету по празднованию в Польше 150-й годовщины со дня рождения Пушкина, направляя им материалы, связанные с жизнью и творчеством великого русского поэта.

В марте 1949 г. Славянский комитет Польши передал ВОКС подробнейший и развернутый перечень материалов, необходимых для проведения юбилейных торжеств. Были переданы приглашения в Польшу на пушкинские торжества актера-чтеца, певца с репертуаром песен и арий на пушкинские тексты, профессора-пушкиниста, балетмейстера, режиссера театра, руководимого С. В. Образцовым, для постановки сказок Пушкина в польских кукольных театрах; на съезд переводчиков произведений Мицкевича приглашались советские поэты-переводчики [2, д. 251, л. 21—22].

В письме (3 V) ВОКС сообщало своему представителю в Польше об отправке плакатов, выпущенных советскими издательствами к юбилею Пушкина, шести статей для передачи их ОПСД и организациям, занимающимся проведением торжеств в Польше; отдельно для журнала «Przyjaźń» направлялась статья М. Живова «Пушкин и Мицкевич» [2, д. 247, л. 104]. В одном из майских писем своему уполномоченному ВОКС поручало передать по одному экземпляру фотографий, статей и плакатов о Пушкине Комитету по празднованию [2, д. 247, л. 94]. 12 мая 1949 г. заместитель председателя Правления ВОКС писал председателю Славянского комитета Польши о том, что «ВОКС в адрес ОПСД, с которым у нас

установлены постоянная связь и сотрудничество», уже направило материалы к 150-летию со дня рождения Пушкина; сообщалось и об отправке в адрес ОПСД новых материалов: нот произведений русских и советских композиторов на пушкинские темы, 35 экземпляров выставки «А. С. Пушкин», подготовленной ВОКС [2, д. 247, л. 93]. В другом письме (от этого же числа) заместителя председателя Правления ВОКС председателю Комитета по празднованию (он же — председатель ОПСД), перечислялись материалы к пушкинскому юбилею, которые были отправлены ранее в адрес ОПСД (9 статей, фотоиллюстрации к некоторым из них, 16 комплектов пушкинских плакатов, партитура оперы «Золотой петушок»), сообщалось о дополнительной отправке материалов (2 статьи о роли творчества Пушкина для развития советской литературы, фотоподборки о пушкинских местах, ноты романсов на стихи Пушкина и материалы к постановкам опер «Алеко» и «Евгений Онегин»), в заключение было обещано присылать все книги, которые выйдут в Советском Союзе к юбилею Пушкина [2, д. 247, л. 96]. По акту от 8 VI 1949 г. ОПСД получило от представителя ВОКС в Польше, в числе прочих материалов, литературу к пушкинскому юбилею — отдельные издания произведений поэта и книгу известного советского пушкиниста Д. Д. Благого «Пушкин — великий национальный поэт» [2, д. 257, л. 192]. В середине мая представитель ВОКС в Польше просил ВОКС «ускорить присылку пушкинской выставки и посодействовать в осуществлении ряда мероприятий, предусмотренных программой пушкинских торжеств в Польше» [2, д. 257, л. 208]; позднее он писал о просьбе Комитета по празднованию прислать большой цветной портрет Пушкина (для переиздания его в Польше большим тиражом) [2, д. 257, л. 186]. Письмом (11 VI 1949 г.) ВОКС просило своего представителя в Польше передать портрет А. С. Пушкина, посланный ВОКС, Комитету по празднованию [2, д. 247, л. 28] и уведомлял его об отправке для комитета книг [2, д. 247, л. 39]. В отчете ОПСД об использовании материалов, полученных от ВОКС в период с 1 I 1949 г. по 8 VI 1949 г., в частности говорилось о материалах, присланных для проведения пушкинских торжеств в Польше — ОПСД передал Комитету по празднованию статьи, которые были переведены и использованы редакциями польских журналов; кроме того ОПСД издало конспект доклада «Александр Пушкин — к 150-летию со дня рождения» и передало его текст всем кружкам ОПСД [2, д. 257, л. 40]. В ноябре 1949 г. ВОКС уведомило своего представителя в Польше об отправке 12 писем генерального секретаря ССП СССР А. А. Фадеева, адресованных польским организациям и учреждениям, приславшим приветствия по случаю юбилея Пушкина [2, д. 259, л. 108, 117]. «В благодарность за большую работу, сделанную ... в связи с празднованием в Польше 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина» ВОКС направило в конце 1949 г. генеральному секретарю Комитета по празднованию Я. Квятковской юбилейное издание сочинений Пушкина [2, д. 259, л. 54; д. 260, л. 112]. Десять комплектов этого же издания ВОКС отправило позднее от имени Академии наук СССР Пушкинскому юбилейному комитету в Польше [2, д. 260, л. 77].

В связи со 150-летием со дня рождения Пушкина ВОКС получило немало материалов из Польши. В январе 1949 г. оно писало своему представителю в Польше о готовящихся юбилейных мероприятиях в СССР. В письме сообщалось, что ВОКС подготавливает специальную выставку, один из разделов которой будет называться «Пушкин и славянские страны», и перечислялись материалы, которые хотелось бы получить из Польши: фотографии торжественных заседаний, посвященных юбилею, фотографии памятников поэта, сочинений Пушкина, изданных на польском языке и другие материалы [2, д. 247, л. 244]. Весной ВОКС просило своего

представителя ускорить присылку материалов к юбилею для ВОКС и Московской государственной филармонии [2, д. 247, л. 104].

Редакция советского литературно-художественного журнала «Знамя» посвящала № 6 пушкинскому юбилею, для которого ей «хотелось бы получить от лучших прогрессивных поэтов Польши... стихи о Пушкине...», в связи с чем ВОКС просило своего представителя «помочь редакции журнала...» [2, д. 247, л. 94]. Представитель ВОКС письмом (4 VI) уведомил ВОКС об отправке статей Ю. Тувима, Я. Ивашкевича, С. Р. Добровольского, В. Сокорского [2, д. 257, л. 185], а позднее он по просьбе авторов интересовался, были ли использованы эти статьи [2, д. 257, л. 178] (редакция получила их с опозданием, поэтому они не были опубликованы в юбилейном номере журнала «Знамя» [2, д. 258, л. 142]).

В конце июня 1949 г. заместитель председателя Правления ВОКС благодарил Комитет по празднованию за присланные материалы для организуемой в Советском Союзе пушкинской выставки. В его письме сообщалось, что все материалы, представляющие по отзывам советских пушкинистов, большую ценность, ВОКС направило во Всесоюзный пушкинский музей в г. Пушкине и Литературный музей в Москве. Среди полученных из Польши материалов были переводы произведений Пушкина на польский язык, опубликованные в XIX—XX вв., фотографии польских переводчиков Пушкина (А. Мицкевича, Л. Бельмонта, Ю. Тувима, С. Полляка, А. Важика, К. А. Яворского, М. Яструна, С. Струмповой-Войткевича, С. Р. Добровольского, В. Броневского) и первых польских пушкинистов (Мицкевича, М. Грабовского, В. Спасовича, Ю. Третьяка, М. Здеховского) [2, д. 247, л. 38; д. 250, л. 117—121]. В дни пушкинского юбилея в СССР «Литературная газета» опубликовала 8 июня 1949 г. статью известного польского писателя Л. Кручковского «Пушкин с нами»; в конце июня ВОКС отправило экземпляр газеты автору [2, д. 258, л. 165]. В июле ВОКС получило письмо Я. Квятковской с материалами о юбилейных мероприятиях в Польше [2, д. 257, л. 134]. С другим своим письмом (15 VII) Квятковская пересылала в ВОКС несколько комплектов фотографий и сообщений из прессы о пушкинских акциях в Польше, текст сценического монтажа по произведениям Пушкина, подготовленный режиссером Я. Парницким и исполненный актерами Государственного Польского театра в художественной части торжественного заседания, состоявшегося в Варшаве 11 июня 1949 г. В письме сообщалось, что позднее монтаж был показан в Варшаве еще несколько раз [2, д. 258, л. 78]. Заместитель председателя Правления ВОКС В. Г. Яковлев благодарил Я. Квятковскую за присланные материалы и информировал об их использовании: материалы были переданы в Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), для которого представляют большой интерес [2, д. 258, л. 77]; дирекция Института извещала позднее Общество друзей СССР в Польше (так названо ОПСД в письме Института. — *К. Б.*) о получении всех присланных материалов и сообщила, что часть их экспонируется в музее А. С. Пушкина (другая часть будет храниться в его фондах), остальное передавалось в Пушкинский кабинет библиотеки Института [2, д. 258, л. 81]. В августе председатель Союза польских писателей Л. Кручковский писал в ВОКС о посылке номера журнала «Odrodzenie» с его статьей о пушкинских торжествах [2, д. 251, л. 17], а ВОКС направило ему № 6 журнала «Звезда» [2, д. 258, л. 82]. В ноябре 1949 г. представитель ВОКС в Польше направил в ВОКС фотографии и бюллетени о пушкинских торжествах в Польше (программа пушкинского юбилея там была рассчитана до января 1950 г. [2, д. 257, л. 27]), в начале 1950 г. он прислал в ВОКС каталог пушкинской выставки, изданный Комитетом по празднованию [2, д. 261, л. 38]. В ОПСД было смонтировано семь альбомов вырезок материалов.

прессе о праздновании пушкинского юбилея в Польше [2, д. 253, л. 5], а отчет Комитета по празднованию, фотоснимки, брошюры ОПСД направило представителю ВОКС в Польше в марте 1950 г. [2, д. 253, л. 3].

Ознакомлению польской литературной общественности, читательских кругов с текущими событиями литературной жизни в СССР в значительной степени способствовали литературно-художественные журналы. С просьбами о присылке необходимых им материалов редакции этих журналов неоднократно обращались в Посольство СССР в Польше, ССП СССР и ВОКС.

В начале 1946 г. редакция журнала «*Kuźnica*» обратилась в Посольство СССР в Польше с просьбой «о высылке ей русских изданий, которыми располагает Посольство». В письме редакция интересовалась условиями, на которых она могла бы постоянно получать эти издания. В качестве образца использования журналом советских изданий к письму были приложены отдельные номера журнала, содержащие обзоры советской прессы и статьи об СССР [2, д. 236, л. 46]. В другом своем письме редакция уведомила, что планирует опубликование номера, посвященного культуре СССР; и просила прислать соответствующие материалы: произведения Б. Пастернака, П. Антокольского, Л. Леонова, А. Ахматовой, В. Гроссмана, М. Шолохова, С. Сергеева-Ценского, И. Эренбурга, М. Рыльского, Е. Усевич, В. Пичеты и др. [2, д. 238, л. 48]. В феврале 1946 г. главному редактору «*Kuźnica*» С. Жулкевскому ВОКС писало: «Мы с удовлетворением будем направлять по Вашему заказу все интересующие Вас материалы». С письмом было отправлено 10 книг, а также статьи о советской музыке, литературе, театре в годы войны [2, д. 234, л. 262, 263]. В начале мая 1946 г. редакционный комитет журнала «*Kuźnica*» обратился в ВОКС с просьбой «высылать все издательские новинки и некоторые более ранние публикации, а равным образом и журналы из области поэзии, изящных искусств, теории литературы, беллетристики и гуманистических дисциплин, так как отсутствие вышеназванных материалов не позволяет должным образом информировать польских читателей о культурной жизни в СССР» [2, д. 237, л. 1]. Весной 1946 г. в адрес С. Жулкевского ВОКС направило отдельные номера журнала «*Знамя*», «*Литературной газеты*» и «*Избранное*» Л. Леонова [2, д. 234, л. 211, 216], и затем на протяжении 1946—1949 гг. неоднократно посылало разнообразную литературу для редакции: выходящие из печати книги советских писателей и литературоведов, статьи о литературе и искусстве, рецензии на новые книги, хроники секций ВОКС, отдельные номера журналов «*Новое время*», «*Знамя*», «*Театр*», «*Психология и философия*», «*Советская литература*» на немецком языке [2, д. 233, л. 97, 102, 138, 152, 155, 157, 158, 171, 175, 183, 188, 196, 197, 207; д. 234, л. 39, 117, 125, 182, 221, 247, 262; д. 241, л. 124; д. 242, л. 85, 88, 104, 110, 141, 146, 174; д. 247, л. 143].

В начале января 1946 г. главный редактор литературного ежемесячника «*Камена*» К. А. Яворский направил в ССП СССР письмо, в котором рассказал о профиле своего журнала и предложил редакциям «*Октября*», «*Нового мира*», «*Знамени*» и «*Литературной газеты*» обмениваться номерами журналов. В письме была также просьба «обратиться к издательствам и поэтам прислать... книги, если можно, бесплатно». К. Яворский рассказал о планах редакции посвятить специальный номер журнала 25-й годовщине со дня смерти А. Блока и просил прислать новейшие монографии о поэте, его «*Дневник*», а также предложил, чтобы «кто-нибудь из русских поэтов написал для польских читателей синтетическую статью о творчестве Блока» (на документе есть помета о том, что 18 I послана подборка книг советских поэтов и «*Дневник*» Блока, а 5 II — статья с письмом) [2, д. 236, л. 153]. В письме, которое К. Яворскому направило ВОКС, горячо под-

держивалась «инициатива в постановке вопроса обмена журналами, литературными новинками и статьями между Вашей редакцией и редакциями советских журналов» и сообщалось, что в его адрес будут регулярно высылаться журналы «Октябрь», «Новый мир» и «Литературная газета». С письмом пришло уведомление, что подбираются монографии о творчестве Блока, что статья о нем для журнала «Камена» заказана поэту Е. Долматовскому. Как главному редактору журнала и переводчику русской и советской поэзии К. Яворскому обещали «регулярно посылать отдельные книжки наших поэтов» [2, д. 234, л. 274, 280]. В период с января 1946 г. по март 1947 г. ВОКС направило ему 47 сборников произведений советских поэтов, избранные произведения Ю. Словацкого и А. Мицкевича на русском языке, книги литературоведов о поэзии [2, д. 233, л. 157, 163; д. 234, л. 90, 92, 101, 117, 126, 178, 181, 221, 226, 242, 246, 250, 252, 287, 290]. В письме (23 II 1946 г.) К. Яворский благодарил ВОКС за присланные книги и за «обещание дальнейшей помощи в разрешении поставленных вопросов». Журнал «Камена» для редакций «Октябрь», «Нового мира» и «Литературной газеты» присылался в ВОКС в феврале и мае 1946 г. [2, д. 234, л. 130; д. 236, л. 60; д. 237, л. 80]. Позднее К. Яворский сообщал о сдаче в печать номера, посвященного А. Блоку, и о намерении посвятить один из выпусков журнала советской военной поэзии [2, д. 238, л. 103].

Об обещании прислать «статьи и последние материалы о советской литературе для польских журналов „Kuźnica“ и „Odrodzenie“» напоминала в письме ВОКС (XII 1946 г.) аташе Посольства Польши в СССР по вопросам культуры З. Лисса [2, д. 235, л. 39]. С одной из своих почт в феврале 1947 г. ВОКС направляло редактору журнала «Odrodzenie» писателю Т. Холую отдельные номера «Нового времени» за 1946—1947 гг. и «Советская литература» на немецком языке [2, д. 233, л. 176, 182].

Позднее (в 1949 г.) задачу ознакомления польских читателей с лучшими произведениями советской литературы и с важнейшими событиями культурной жизни в СССР стал выполнять также журнал «Советская литература», инициативу издания которого на польском языке полностью поддерживало в свое время ГП ОПСД [3, док. 221, 287].

В дело взаимознакомления читательских кругов СССР и Польши с лучшими произведениями национальных литератур немалый вклад внесли ВОКС и ОПСД, посредничая в осуществлении переводов.

В Советском Союзе в послевоенные годы отчетливо намечалась тенденция знакомить советского читателя с произведениями новой польской литературы (при этом продолжала интенсивно переводиться и польская классика [4]). Литература о новой жизни в Народной Польше делала в эти годы первые шаги, поэтому объем переводимой в СССР современной польской литературы был тогда небольшим. В ВОКС, в его литературную секцию уже в 1945 г. поступали из Польши рукописи и книги. В ноябре 1945 г. известный советский писатель и литературовед В. Шкловский представил в литературную секцию отзыв на рукопись В. Б. Оболевича «Из блокнота польского солдата», в котором, в частности, писал: «Мне лично очерки не нравятся, и я бы с них не начинал знакомить советского читателя с польской революционной армией» [2, д. 234, л. 298]. Позднее (I 1946 г.) В. Шкловский по поручению секции писал автору о том, что присланные им материалы (авторские переводы трех рассказов из «Блокнота» и стихотворения «Землянка») «интересны новизною тем», но по переводам «трудно судить о художественных достоинствах произведений»; рецензент обратился к автору с просьбой прислать его опубликованные в польской печати рассказы и стихи [2, д. 234, л. 296]. В 1946 г. в СССР вышла из печати книга стихов «Избранное» А. Мицкевича. ВОКС в одном

из писем (V 1947 г.) своему уполномоченному в Польше писало о том, что «хотелось бы знать мнение поляков об этом первом солидном издании произведений Мицкевича на русском языке» [2, д. 233, л. 97]. Литературная секция ВОКС запрашивала из Польши новейшие издания польских писателей, чтобы стобрать некоторые из них для перевода на русский язык. В апреле 1947 г., «охотно выполняя желание» секции, ОПСД направило ей последние книги С. Дыгата, Е. Анджеевского, М. Русинека [2, д. 243, л. 130]. Книга М. Русинека «С баррикады в долину голода» была переведена на русский язык и издана в 1948 г. Издательством иностранной литературы [2, д. 252, л. 14]. В феврале 1948 г. Посольство Польши в СССР переслало в литературную секцию ВОКС присланную ОПСД книгу Т. Брезы «Иерихонские стены» (на документе имеется помета председателя Правления ВОКС: «Может быть интересно для перевода») [2, д. 244, л. 14]. В мае — июле 1949 г. через Посольство Польши в СССР ВОКС получило присланные из Польши новые книги К. Брандыса, Ю. Тувима, П. Гертца, Ю. Галая, А. Рудницкого, А. Важика, Е. Богушевой, М. Яструна [2, д. 263, л. 5, 6, 8—10]. В августе 1949 г. в ответ на запрос ВОКС были получены из Польши биографические данные С. Шмаглевской, автора книги «Думы над Биркенау», при этом сообщалось, что относительно «издания ее книги на украинском языке польские друзья не возражают» [2, д. 257, л. 141]. Представитель ВОКС в Польше в 1949 г. прислал в ВОКС стихотворение Я. Чехинской-Левицкой «Песнь бессмертности» с просьбой сообщить «о пригодности для печатания в Советском Союзе». ВОКС и ОПСД обменивались выходящими из печати переводами: в ноябре 1949 г., например, ВОКС направило Посольству Польши в СССР по просьбе ССР СССР 10 экземпляров книги Б. Пруса «Кукла» на русском языке [2, д. 263, л. 1, 2].

Сравнительно широко для первых послевоенных лет переводились в Народной Польше лучшие произведения русской и советской литературы. В январе 1946 г. уполномоченный ВОКС в Польше обратился в ВОКС с просьбой «прислать для перевода и дальнейшего издания педагогические труды Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, К. Д. Ушинского и А. С. Макаренко» [2, д. 237, л. 50]. Летом 1946 г. ВОКС послало рукопись на польском языке «Педагогической поэмы» для издания в Польше [2, д. 234, л. 178]. Летом же вице-министр культуры и искусства Польши Л. Кручковский обратился в ВОКС с просьбой оказать всестороннее содействие Ю. Помяновскому, который командирован Союзом польских писателей «для продолжения работы над редактируемой им антологией польской поэзии в переводах русских поэтов и для изучения современного советского литературного творчества...» [2, д. 236, л. 37]. Главный редактор «Камелу» К. Яворский активно занимался переводами славянской, преимущественно русской поэзии (до войны вышло несколько книг произведений С. Есенина и А. Блока в его переводах, а также опубликованные в ряде журналов стихи других русских поэтов) [2, д. 236, л. 153]. В одном из писем (II 1946 г.) в ВОКС К. Яворский сообщал, что уже перевел кое-что из недавно присланных ему сборников С. Щипачева и Е. Долматовского, и просил прислать для работы вышедший в СССР в годы войны русско-польский словарь (под ред. проф. Чернобаева) [2, д. 236, л. 60]. Позднее он писал о подготовке программы для Польского радио под названием «Integralna современная русская поэзия» [2, д. 238, л. 104]. Переводчик писал, что «его интересуют крупные писатели, особенно поэты» и перечислял последние советские издания А. Блока и В. Брюсова, а также называл имена таких советских поэтов, как Э. Багрицкий, П. Антокольский, Н. Тихонов, Б. Пастернак, Н. Асеев, И. Сельвинский, А. Ахматова, А. Безыменский, С. Есенин, В. Маяковский, а из молодых: С. Щипачев,

А. Твардовский, С. Гудзенко, О. Берггольц, К. Симонов, П. Васильев, подчеркнув, что их книги представляют «действительно высокий уровень русской поэзии» [2, д. 238, л. 103]. К апрелю 1947 г., кроме 13 переводов для готовящейся антологии «Два века русской поэзии», он закончил переводы повестей И. С. Тургенева «Вешние воды» и «Первая любовь» для издательства «Wiedza» и приступил к переводу «Колхиды» К. Паустовского [2, д. 238, л. 5].

В феврале 1947 г. ВОКС «в дополнение к ранее присланным материалам для издания в Польше советской литературы» направило в Посольство Польши в СССР подборку из 18 книг — это были произведения А. Фадеева, Б. Горбатова, В. Инбер, Ф. Гладкова, Л. Леонова, В. Шипкова, В. Овечкина, В. Пановой, М. Пришвина, В. Кожевникова, А. Поповского, В. Величко, А. Довженко, А. Чаковского, А. Кононова, Б. Житкова, И. Эренбурга [2, д. 235, л. 66, 67]. А в апреле были направлены «предназначенные для издания в Польше» еще 9 книг (И. Эренбурга, В. Гроссмана, А. Виноградова, И. Василенко, М. Ильина и пьесы А. Корнейчука и Л. Рахманова) [2, д. 235, л. 33, 34].

В одном из писем (VI 1947 г.) ОПСД в ВОКС в связи с предстоящим в Польше Месячником польско-советского культурного обмена рассказывалось о планируемых мероприятиях Месячника, в частности сообщалось о подготовке к печати переводов произведений советской художественной литературы [2, д. 239, л. 1]. О том, какое большое значение ОПСД придавало популяризации советской литературы в Польше, свидетельствует резолюция I Всепольского съезда ОПСД (X 1947 г.), в которой подчеркивалось, что, несмотря на постоянный рост изданий переводов советской литературы и книг о Советском Союзе, еще не удовлетворен огромный интерес к советской литературе, культуре, научной мысли. Съезд обратился ко всем издательским учреждениям Польши включать в свои планы больше переводов советской художественной и научной литературы; кроме того, съезд высказался за организацию при ГП ОПСД издательства, которое специально занималось бы изданием переводов советской литературы и работ, посвященных польско-советским отношениям [5].

В 1947 г. в Польше вышли из печати, в частности, переводы драм А. С. Пушкина [2, д. 238, л. 4], книга П. П. Вершигоры «Люди с чистой совестью», предисловие к которой написал С. Вроньский, генеральный секретарь ГП ОПСД, участник партизанского движения в годы войны [2, д. 242, л. 156]. Поэт Ю. Тувим планировал приступить к переводу Ш. Руставели (в одном из писем в ВОКС польский литературовед Л. Гомолицкий передавал просьбу Ю. Тувима прислать подстрочные переводы и русские транскрипции грузинского текста «Витязя в тигровой шкуре»). Необходимые материалы были в мае 1949 г. отправлены Ю. Тувиму [2, д. 243, л. 147; д. 247, л. 94].

В 1947 г. польские поэты и литературоведы заканчивали начатую в 1945 г. работу по подготовке издания на польском языке первого тома антологии «Два века русской поэзии» и приступали к подготовке второго тома. Л. Гомолицкий в январе и феврале 1947 г. информировал ВОКС о ходе работы над антологией, неоднократно напоминая о просьбе прислать материалы для работы над вторым томом — «ждем от Вас текстов и плана» [2, д. 243, л. 146, 147]. В апреле 1947 г. Л. Гомолицкий благодарил ВОКС за присланные книги, сообщал, что первый том антологии подготовлен для печати и после опубликования «будет немедленно выслан в ВОКС» [2, д. 238, л. 4]. Второй том антологии был опубликован в 1948 г. В мае 1948 г. ВОКС получило антологию от Посольства Польши в СССР и от своего уполномоченного в Польше [2, д. 243, л. 2; д. 248, л. 71].

В октябре 1948 г. известный литовский писатель А. Венцлова написал

в ВОКС о том, что в Польше есть переводчики, знающие литовский язык, есть интерес к литовской советской литературе, что две переводчицы обратились к нему (Венцлова был в Польше на Международном конгрессе деятелей культуры в защиту мира) с просьбой прислать новые книги литовских писателей для перевода [2, д. 244, л. 22]. Подборка книг классической и современной литовской литературы от ССП Литвы для переводчиц А. Гнядовской-Лау и Ч. Военской с письмом А. Венцловы была направлена ВОКС в декабре 1948 г. [2, д. 249, л. 9, 10].

В 1949 г. ВОКС направило в Польшу стихи П. Тычины с подстрочником для издания их на польском языке в переводе и под редакцией поэта А. Важика [2, д. 247, л. 94]; пьесу К. Паустовского о Пушкине «Наш современник» для Бюро сотрудничества с заграницей Министерства культуры и искусства Польши, которое просило пьесу для ознакомления и, возможно, издания на польском языке [2, д. 257, л. 142; д. 258, л. 142]. В ответ на запрос ОПСД от 20 VI 1949 г. председатель Правления УОКС И. Кундюба писал в начале января 1950 г. ОПСД о том, что ему направлены произведения украинской литературы, рекомендуемые УОКС для издания на польском языке (среди авторов: Л. Украинка, О. Кобылянская, Н. Рыбак, А. Малышко, О. Гончар и другие современные украинские писатели и поэты); в письме была также просьба выслать в УОКС художественную литературу, которую ОПСД рекомендовало бы для издания на украинском языке [2, д. 260, л. 82]. В письме переводчику И. Бояру УОКС сообщало, что по его запросу подбираются произведения украинских советских писателей для планируемого им к опубликованию в 1950 г. сборника повестей украинских писателей на польском языке [2, д. 260, л. 34, 36—37].

ВОКС информировало советских писателей о переводах их произведений в Польше, через ВОКС они получали свои книги на польском языке: в мае 1949 г. писатель К. Федин просил ВОКС выписать польский перевод романа «Первые радости», вышедший отдельным изданием [2, д. 247, л. 94; д. 257, л. 186]; в ноябре 1949 г. представитель ВОКС в Польше просил ВОКС сообщить И. Эренбургу о том, что его роман «Буря» закончил печататься в газете «Trybuna Ludu» и готовится к изданию отдельной книгой [2, д. 257, л. 7]; в декабре 1949 г. ВОКС просило своих представителей в Польше прислать несколько экземпляров перевода повести Г. Гуля «Весна в Сакене», выпущенного в 1949 г. издательством «Czytelnik» [2, д. 259, л. 27, 31].

По запросам ВОКС в 1949 г. были получены из Польши опубликованные в одном из номеров журнала «Książka» переводы произведений В. Маяковского, а также перевод его поэмы «Хорошо», выполненный А. Сандауэром [2, д. 257, л. 7, 66]; перевод «Дубровского» Пушкина [2, д. 261, л. 38].

В 1948—1949 гг. ОПСД издавало переводную советскую литературу, опираясь на собственную полиграфическую базу (издательство «Współpraca»): в 1948 г. в этом издательстве вышел перевод пьесы Н. А. Некрасова «Осенняя скука» [2, д. 262, л. 20]; в мае 1949 г. представитель ВОКС в Польше переслал ВОКС книги советских авторов, переизданные на польском языке этим издательством [2, д. 257, л. 187]; книга советского писателя Ю. Германа о Ф. Э. Дзержинском упомянута среди последних переводов, опубликованных издательством ОПСД, в материалах ТАСС из Варшавы за август 1949 г. [6]; один из осенних выпусков «Информационного бюллетеня» ОПСД (1949, № 7) сообщал, что редакция журнала «Przyjaźń» приступила к изданию малой библиотеки советской беллетристики массовым тиражом и по низкой цене, что первая книжка этой библиотеки включает два рассказа — Б. Горбатова и К. Паустовского [2, д. 255,

л. 81]. В издании переводов советской литературы принимали участие другие польские издательства: «Książka i Wiedza» выпустило в 1949 г. книги И. Ефремова «Затонувшие корабли» и С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды»; издательство «Prasa Wojskowa» приступило к печатанию серии произведений советской фантастики (к осени 1949 г. вышли две книги в этой серии) [2, д. 255, л. 87]. Дальнейшему росту популяризации советской художественной литературы в Польше должен был способствовать объявленный ОПСД в начале 1949 г. конкурс на лучший перевод советских литературных произведений [2, д. 255, л. 12].

Что касается общих цифр о количестве переводов советской художественной литературы, опубликованных в Польше в первые послевоенные годы, то приведем такие, видимо, не совсем полные данные: с одним из писем (III 1949 г.) ГП ОПСД в ВОКС препровождалась «книги советских авторов в переводе на польский язык согласно прилагаемого списка» — в списке указано 61 название, из которых 45 — произведения художественной литературы, опубликованные в Польше в 1945—1948 гг. [2, д. 262, л. 56—58]; в одной из информаций (VI 1949 г.) представителя ВОКС в Польше сообщалось, что в Народной Польше, начиная с 1944 г., издано 59 романов и повестей русских и советских писателей [2, д. 255, л. 12]; в литературе известна цифра названий произведений советской и русской художественной литературы, переведенных и опубликованных в Польше в 1945—1950 гг. — 592 названия [7, s. 185].

ВОКС выступало посредником в установлении и осуществлении контактов переводчиков. В марте 1947 г. советская переводчица С. Мар обратилась к польскому поэту и переводчику С. Полляку, высказывавшему ранее в журнале «Kuźnica» мнение о ее переводах А. Мицкевича, с письмом, в котором просила написать ей в связи с выходом нового собрания сочинений А. Мицкевича относительно избранной ею ритмики стиха [2, д. 238, л. 131]. Украинский поэт М. Рыльский отправил через ВОКС книгу стихов А. Мицкевича на украинском языке проф. С. Мазуркевичу [2, д. 247, л. 94]. В августе 1949 г. ВОКС уведомило своего представителя в Польше об отправке поэту Тувиму 10 экземпляров сборника его стихов на русском языке, посылаемых автору переводчиком М. Живовым [2, д. 258, л. 82].

ВОКС направляло переводчикам советской литературы в Польше необходимые для работы книги: в начале 1947 г. ВОКС сообщало своему уполномоченному о том, что «нами собрана небольшая подборка книг для поэта Ю. Тувима»; в подборке были стихотворные сборники Н. Асеева, И. Сельвинского, А. Твардовского, М. Исаковского, С. Маршака, А. Жарова, А. Суркова, А. Софронова, Джамбула, О. Туманяна, сборник недавно переведенных на русский стихов Ю. Тувима, а также литературоведческие работы о поэтах Азербайджана, Киргизии и о туркменской литературе [2, д. 233, л. 210, 213]. И в дальнейшем известный польский переводчик русской и советской поэзии получал книжные посылки из СССР — в августе 1949 г. ГП ОПСД уведомляло ВОКС о том, что оно получило письмо Ю. Тувима, благодарившего ВОКС за присланные ему книги [2, д. 262, л. 71]. Ю. Тувиму, замечательному переводчику Пушкина на польский язык, было направлено юбилейное пушкинское собрание сочинений (в 10-ти томах), в связи с чем он писал ВОКС, что до сих пор пользовался в работе старыми неполными изданиями, что «иметь полное академическое издание произведений Пушкина было моей мечтой издавна» [2, д. 260, л. 77; д. 261, л. 62].

Советские переводчики польской литературы также через ВОКС получали книги из Польши: в частности в августе 1948 г. в адрес ВОКС для М. Живова пересылались книги Ю. Тувима [2, д. 248, л. 52].

Наряду с расширяющимся изданием переводов русской и советской художественной литературы в Польше существовал спрос и на литературу на русском языке. В ВОКС (и другие организации в СССР) поступали из Польши запросы на книги, письма с вопросами о том, как можно выписывать литературу из СССР. В феврале 1946 г. в ВОКС с подобным вопросом обратился житель г. Радома Б. Бжеский, интересовавшийся тем, как получить каталоги советских издательств [2, д. 236, л. 136]; студент Гданьской медицинской академии В. Вермут написал в ВОКС о безуспешности своих попыток выписать книги из Советского Союза, о желании покупать книги издательств «Советский писатель», «Academia» и др. [2, д. 238, л. 88]. ВОКС направило польскому студенту «несколько новинок», среди которых были: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Разгром» и «Молодая гвардия» А. Фадеева, «В Америке» И. Эренбурга; в адресованном ему письме говорилось о возможности ознакомиться с советской литературой в библиотеке ОПСД, «которую мы регулярно снабжаем книгами и периодикой» [2, д. 233, л. 155, 118; д. 242, л. 32, 33]. В 1949 г., в ответ на просьбу «прислать сочинения замечательных русских писателей и поэтов» А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Н. Толстого, М. А. Шолохова, с которой обратилась в редакцию газеты «Правда» преподаватель русского языка в гимназии г. Ополе и «большая любительница русской художественной литературы» В. Корнецкая, ВОКС направило ей 26 книг — произведений русской и советской художественной литературы [2, д. 247, л. 139—142]. Житель г. Бельск-Подляский П. Токажевич также писал в редакцию «Правды» (откуда подобные письма пересылались в ВОКС), спрашивая, может ли он выписать из Москвы книги русских писателей из «Библиотеки русского романа» (перечислены произведения И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого, М. Горького, М. А. Шолохова); автор письма хотел также приобрести юбилейный однотомник А. С. Пушкина, «как бы дорого эта книга ни стоила» [2, д. 251, л. 52]. В мае 1949 г. УОКС пересылало в ВОКС для отправки в Польшу жителю г. Гура Раговскому книгу Т. Г. Шевченко «Кобзарь» [2, д. 247, л. 47].

При посредстве ВОКС и ОПСД осуществлялись контакты ученых, занимающихся историей русской и польской литератур, изучением творчества отдельных писателей. В июле 1948 г. с почтой ВОКС его уполномоченному в Польше было отправлено письмо проф. Ленинградского университета П. Н. Беркова, адресованное в Люблин польскому литературоведу Ю. Кляйнеру, «автору прекрасной монографии об Адаме Мицкевиче». В письме советского исследователя творчества А. Мицкевича сообщалось о результатах его работы над историей создания «Аккерманских степей», которыми польский литературовед хотел бы воспользоваться для подготавливаемой им новой книги о А. Мицкевиче [2, д. 249, л. 133а, 135, 136]. В конце 1948 г. проф. ИМЛИ АН СССР Д. Д. Благой благодарил польского коллегу вроцлавского проф. М. Якубца за присылку оттиска его работы «Над автографом воспоминаний Мицкевича о Пушкине», представляющей, по словам советского литературоведа, «большой научный интерес» [2, д. 249, л. 17].

Большую помощь оказывало ВОКС в первые послевоенные годы польским литературоведам, выполняя их многочисленные запросы о необходимых для работы материалах. В начале января 1946 г. ВОКС обратилось к известному знатоку истории Москвы проф. П. В. Сытину с просьбой помочь польскому литературоведу С. Фишману «в установлении местонахождения ряда исторических домов, в которых бывал Мицкевич» [2, д. 236, л. 176]. Справка, составленная проф. Сытиным, была 17 января переслана ВОКС в Посольство Польши в СССР — Фишман был его сот-

рудником [2, д. 234, л. 284], а в марте ВОКС направило ему присланные из архивного фонда Союза советских архитекторов семь фотографий зданий в Москве, Архангельском и Остафьево, связанных с именем Мицкевича [2, д. 236, л. 115]. Материалы о нем интересовали также Л. Подгорского-Околова. Ему литературная секция ВОКС направила подробное письмо о результатах поисков запрашиваемых им материалов, а также статью о Мицкевиче и три фотографии его автографов [2, д. 234, л. 189, 199—200]. В январе 1947 г. Л. Гомолицкий писал в ВОКС о планах своей работы: «Приступаю теперь к большой работе, пишу книгу об эволюции реализма в русской литературе..., сдал в Министерство просвещения план программы русской литературы для лицеев..., весьма возможно, что буду писать (для них) пособия по русской литературе». Далее в его письме говорилось о материалах, необходимых для этой работы и обещанных ему в ССР СССР, когда Л. Гомолицкий находился в Москве в составе делегации ОПСД в конце 1946 г. [2, д. 243, л. 146]. В другом письме (18 II 1947 г.) в ВОКС он писал о своих недавно опубликованных в журнале «Książca» работах по русской литературе (предисловия к переводу драм А. С. Пушкина и к антологии русской поэзии), просил напомнить В. М. Инбер о материалах для него [2, д. 243, л. 147]. В письме (31 III 1947 г.) ВОКС, адресованном Л. Гомолицкому, сообщалось о том, что скоро ему будут направлены биографические справки о советских поэтах, которые, «мы надеемся, удовлетворят в значительной мере Ваши нужды в подобных материалах для работы над созданием учебника русской литературы»; сообщалось также, что пока нет возможности выслать ему учебник русской литературы для X класса средней школы, так как новый учебник еще не вышел из печати [2, д. 243, л. 153]. В списке отправленных Гомолицкому в феврале — марте 1947 г. книг было 15 названий [2, д. 233, л. 157, 158, 189, 198]. Весной 1947 г. польские коллеги намеревались послать несколько экземпляров вышедших в Польше переводов драм Пушкина советским пушкинистам и организациям в СССР (в этой связи в ВОКС пришло письмо с просьбой прислать список необходимых адресов) [2, д. 238, л. 4]. В октябре 1947 г. проф. истории русской литературы Ягеллонского университета В. Якубовский писал в Консульство СССР в Кракове о намерении «написать исследование, посвященное некоторым вопросам, связанным с творчеством А. Н. Радищева, а также научно-популярный труд, задачей которого будет ознакомление широких кругов польской общественности с личностью и творчеством почти совершенно ей неизвестного родоначальника революционной мысли в русской литературе». В письме польского ученого содержится просьба оказать ему помощь в получении произведений А. Н. Радищева и книг о нем, опубликованных в СССР в 1920—1942 гг. [2, д. 248, л. 8]. В июне 1949 г. В. Якубовский обратился в Консульство с просьбой помочь ему приобрести при посредстве ВОКС научную литературу для руководимого им семинара по истории русской литературы. Кроме просьбы об учебниках по истории русской литературы (Цейтлина и Н. К. Гудзия), он спрашивал, нет ли у ВОКС возможности присылать в семинар «каждую вновь появляющуюся научную работу по истории русской литературы», подчеркнув, что особенно нужны семинару вышедшие в последнее время труды по пушкиноведению, о Радищеве и 1-й том Словаря русского литературного языка [2, д. 258, л. 113]. В письме (23 VII 1949 г.) ВОКС на имя консула СССР в Кракове сообщалось о невозможности выслать для В. Якубовского интересующие его учебники (ввиду того, что они вышли еще до войны), другие материалы для семинара — вузовские учебники по русскому языку и литературе, письма И. Е. Репина, избранные произведения В. Г. Белинского — были посланы ВОКС в феврале 1950 г. [2, д. 260, л. 64]; с этим же письмом для

Якубовского были направлены четыре книги советских пушкинистов, подготовленные к пушкинскому юбилею, в письме содержалось также обещание присылать польскому историку литературы все вновь выходящие в СССР книги по его специальности [2, д. 258, л. 106]. В 1949 г. (с марта по октябрь) ВОКС направило для В. Якубовского 15 книг советских языковедов и литературоведов [2, д. 247, л. 92, 167, 168]; в начале 1950 г. (во исполнение просьбы ученого, переданной в ВОКС акад. Б. Д. Грековым, находившимся в Польше в ноябре 1949 г. на 3-м съезде ОПСД) — 12 книг о методике преподавания литературы и об искусстве [2, д. 260, л. 127, 130].

Заместитель заведующего отделом культуры ЦК ППР Я. Секерская обращалась (VIII 1948 г.) в ВОКС с просьбой прислать текст доклада М. Горького на I съезде советских писателей (1934) для перевода и издания на польском языке; в ее письме сообщалось, что публицистические статьи писателя с ее предисловием скоро появятся в печати [2, д. 250, л. 53]. Доклад Горького был отправлен ВОКС для Секерской в октябре 1948 г. [2, д. 249, л. 48].

ВОКС и ОПСД выполняли также запросы отдельных учреждений о предоставлении им необходимых для работы материалов. В декабре 1948 г. представитель ВОКС в Польше передал в ВОКС просьбу польского научно-исследовательского института литературы оказать ему содействие в приобретении некоторых изданий Академии наук СССР: «Истории русской литературы», «Истории французской литературы» под ред. Жирмунского (т. I), «Истории английской литературы» (т. II) [2, д. 248, л. 28]. В июне 1949 г. УОКС обратилось в ОПСД с просьбой прислать (по запросу Института литературы АН УССР) библиографию литературно-критических работ об А. Мицкевиче на польском и других европейских языках [2, д. 258, л. 166].

С помощью ВОКС и ОПСД устанавливались непосредственные профессиональные контакты писателей. Одной из форм этих контактов было обращение польских писателей к мнению советских коллег относительно результатов своего творчества: в ВОКС присылались из Польши письма, рукописи, книги. Например, весной 1946 г. в ГП ОПСД прислала сборник стихов, письмо и четыре отдельных стихотворения польская поэтесса Я. Бжостовская с просьбой препроводить их в СССР, А. Ахматовой [2, д. 234, л. 130; д. 237, л. 82]. В письме, адресованном Ахматовой, Бжостовская восторженно писала о ее стихах, с которыми недавно познакомилась. Обращаясь лично к Ахматовой, она писала: «Через Вас я завяжу первую непосредственную связь с русской литературой и буду очень счастлива, если и Вы мои слова примите благосклонно» [2, д. 237, л. 84].

Осенью 1946 г. ВОКС выполнило просьбу польской писательницы А. Дзембовской о передаче рукописи ее повести А. Твардовскому. Дзембовская писала советскому поэту о том, что его стихи, опубликованные в сборнике «Из лирики», стали любимыми. Она просила ответить ей на письмо и дать отзыв о ее повести [2, д. 238, л. 122, 123]. Передать две свои книги белорусскому поэту М. Танку просила представителя ВОКС в Польше польская писательница Я. Броневская [2, д. 257, л. 2]. Весной 1948 г. ВОКС получило книгу, адресованную Правлением Союза участников вооруженной борьбы за независимость и демократию в г. Познани советскому писателю И. Эренбургу. Это была книга Ф. Руг-Мазурка «Познаньцы в боях за цитадель». В письме Правления на имя И. Эренбурга говорилось, что «эта книга является самым лучшим документом польско-советской дружбы..., документом, который подтверждает, как глубоко коренилась в польском парде идея дружбы и союза Польши с Советским Союзом». Участники войны из г. Познани заверяли советского писателя,

что «делу дружбы наших народов и ее укреплению навсегда мы посвятим все свои силы» [2, д. 248, л. 194, 196].

Писательские контакты осуществлялись также и в форме обмена делегациями. Летом 1946 г. в СССР находился известный польский писатель, председатель профсоюза писателей Польши Я. Ивашкевич. В ВОКС в его честь был устроен завтрак, на котором среди приглашенных были советские писатели А. Караваева, С. Маршак, М. Светлов, А. Первенцев, К. Зелинский [8]. В составе советской делегации, принимавшей участие во Всепольском конгрессе ОПСД (VI 1946 г.), был советский писатель Ф. И. Панферов [9]. В ноябре 1946 г. в СССР находилась делегация ОПСД, в составе которой были польские литераторы: Т. Холуй, С. Жулкевский, Я. Круль, В. Мельцер-Штекерова, Л. Гомолицкий [2, д. 231, л. 51]. По возвращении из СССР писатели делились своими впечатлениями о поездке [2, д. 243, л. 146].

В письме генерального секретаря ОПСД С. Вроньского в ВОКС (VI 1947 г.) рассказывалось о мероприятиях предстоящего осенью Месячника польско-советского культурного обмена, сообщалось, что Министерство просвещения Польши и научные организации «выразили желание принять представителей советской литературы» [2, д. 239, л. 1—3]. В сентябре 1947 г. ОПСД переслало в ВОКС письмо ГП профсоюза польских писателей, адресованное правлению ССП СССР, в котором содержалось приглашение советским писателям И. Эренбургу, А. Фадееву, К. Симонову приехать в Польшу [3, док. 147]. В телеграмме (X 1947 г.) председатель ССП СССР А. Фадеев сообщал, что «для участия в мероприятиях Общества по укреплению культурных связей между писателями наших братских народов» командированы советские писатели А. Твардовский, И. Эренбург, П. Тычина и П. Бровка. От имени ССП СССР А. Фадеев приглашал приехать в Советский Союз группу польских писателей, подчеркнув, что «были бы рады видеть в составе этой группы... Ю. Тувима, Л. Кручковского, С. Налковскую» [2, д. 243, л. 48]. Делегация польских писателей во главе с Л. Кручковским приезжала в Советский Союз в ноябре 1947 г., в ее составе была С. Налковская [3, док. 161 и примечание]. Ю. Тувим приезжал в СССР в апреле 1948 г. [10].

В 1948 г. советские писатели А. Фадеев, М. Шолохов, А. Венцлова выезжали в Польшу в составе делегации, участвовавшей в работе Международного конгресса деятелей культуры в защиту мира. Возглавлявший делегацию А. Фадеев в интервью представителю журнала «Przyjaźń» подчеркнул, что будущее культуры зависит от того, до какой степени мастера культуры свяжут свое творчество с судьбами народа, ведущего борьбу за свободу и независимость. Известный литовский писатель А. Венцлова, вернувшись с конгресса, опубликовал о нем очерки, читал в разных городах Литвы доклады, подготовил для печати очерк о жизни демократической Польши [11, 12; 2, д. 244, л. 23]. Польские писатели К. Галчинский и К. Брандыс были в составе делегации демократических партий и профсоюзов Польши, приезжавшей в СССР по приглашению ВОКС на празднование 31-й годовщины Октябрьской революции [13]. В выступлении, подготовленном для Московского радио, поэт К. Галчинский писал о своих планах работы над книгой о Москве, что явится, по его выражению, еще одним кирпичом «в растущем здании польско-советской дружбы..., которая всем нам так пришлось по сердцу..., которую все мы хотим как можно прекраснее построить и укрепить...». В подробном рассказе о пребывании в СССР поэт упомянул юбилейный вечер писателя С. Михалкова в Центральном детском театре, на котором юбиляр читал свои стихи и среди них перевод «Птичьего радио» Ю. Тувима [14]. Позднее ВОКС переслало в Польшу 15 комплектов фотографий о пребывании деле-

гации в Москве (о встрече во Внукове и о приеме в ее честь в ВОКС) [2, д. 247, л. 288, 294]. Польские писатели А. Важик и С. Р. Добровольский были среди приглашенных на 2-й съезд советских писателей Украины (XII 1948 г.) [2, д. 258, л. 142].

В конце января 1949 г. на съезд польских писателей в Щецине выезжала делегация советских литераторов (А. Софронов, А. Корнейчук, П. Тычина, С. Щипачев, А. Венцлова, И. Анисимов). В последний день работы съезда состоялось выступление А. Корнейчука и А. Софронова. По возвращении со съезда в Варшаву делегация была принята президентом Польской Республики Б. Берутом. За время пребывания в Польше (22 января — 2 февраля) советские писатели провели шесть творческих встреч. В Варшаве они встретились с делегатами Общепольской конференции учителей, посвященной вопросам усиления пропаганды польско-советской дружбы в общеобразовательных школах. Конференцию от имени советских писателей приветствовал проф. И. Анисимов, остальные члены делегации читали свои произведения [2, д. 255, л. 61, 62]. Состоялись встречи с рабочими завода «Урсус», с варшавской молодежью, с общественностью столицы; И. Анисимов выступил с лекцией на тему «Тип современного писателя». Кроме Щецина и Варшавы делегация побывала в Кракове и Закопане, где советские писатели встретились с польскими коллегами Л. Морштыном, К. Брандысом, А. Рудницким. В Кракове у делегации были встречи с общественностью города, перед которой с докладом «Современная советская литература» выступил Софронов, и со студентами и профессорско-преподавательским составом Ягеллонского университета, где Анисимов прочитал доклад «Теодор Драйзер и современная Америка». Некоторые из этих встреч заканчивались демонстрацией польско-советской дружбы, а выступления писателей на заводе «Урсус» было записано на пленку и в течение нескольких дней транслировалось по радио. Советская делегация участвовала в праздновании 50-летнего юбилея польского поэта Л. Стаффа, а также в двух вечерах (в Варшаве и Кракове) советской и польской поэзии, на которых поэты читали свои стихи, а А. Корнейчук — отрывок из драмы «Фронт». На вечере поэзии в Варшаве присутствовали польские поэты Ю. Тувим, В. Броневский, С. Р. Добровольский и другие. Особенно горячо собравшиеся принимали стихи советских поэтов С. Щипачева и А. Софронова [2, д. 255, л. 59, 60, 61—64]. Позднее в ОПСД был смонтирован и направлен в ВОКС альбом вырезок из газет и журналов о пребывании советской делегации в Польше [2, д. 253, л. 5], два альбома и несколько фотографий со съезда польских писателей направил в ВОКС его представитель в Польше [2, д. 257, л. 221].

В мае 1949 г. в СССР побывала делегация польских писателей и журналистов. В составе делегации были: С. Арский, А. Ланота, М. Яструн, А. Рудницкий, Я. А. Круль, В. Кубацкий и др. [2, д. 255, л. 22]. Гости присутствовали на праздновании 1 Мая в Москве, выезжали в Ленинград и Новосибирск. Во время пребывания делегации в Москве ВОКС преподнесло ее членам экземпляр выставки «А. С. Пушкин», подготовленной им в связи с юбилеем великого русского поэта [2, д. 258, л. 29], а главному редактору Рабочего агентства Польши журналисту Е. Ковалевскому советский журналист Д. Заславский передал лекции по курсу журналистики ВПШ при ЦК ВКП(б) [2, д. 247, л. 66—69]. После отъезда польской делегации на родину ВОКС обратилось к своему представителю в Польше с просьбой «собрать и прислать в ВОКС тексты всех выступлений членов делегации, вырезки из газет и журналов со статьями о Советском Союзе» [2, д. 247, л. 65]. С момента возвращения делегатов в Польшу (21 мая) по 10 июля ими был опубликован значительный по объему материал, от-

ражающий впечатления о пребывании в СССР [2, д. 255, л. 35]. Представитель ВОКС в Польше писал, что главной темой корреспонденций является пафос мирного созидательного труда, присущий советскому обществу, появление нового советского человека, воспитанного на новой идеологии [2, д. 255, л. 10, 22—38]. Позднее ВОКС и ОПСД обменялись материалами, связанными с пребыванием польских писателей и журналистов в СССР: в июле 1949 г. представитель ВОКС в Польше передал представителю ОПСД 12 экземпляров фотографий, сделанных во время посещения делегацией Ленинграда [2, д. 257, л. 150, д. 258, л. 174], ОПСД направило в ВОКС альбом с записями высказываний членов делегации о впечатлениях в СССР [2, д. 253, л. 5] в дополнение к двум альбомам об этой делегации, присланным в ВОКС его представителем в Польше [2, д. 257, л. 139].

В июне 1949 г. в СССР находился по приглашению Всесоюзного комитета по проведению 150-летия со дня рождения Пушкина председатель Союза польских писателей Л. Кручковский. Выступая в Доме писателя им. В. В. Маяковского в Ленинграде, он говорил главным образом о работе Союза за последние три года, а в заключение, касаясь советской литературы, подчеркнул, что польские писатели внимательно следят за ней в целях лучшего понимания существа социалистического реализма и ускорения процессов, которые позволят им создать произведения о жизни своего народа, вступившего на путь социализма [2, д. 255, л. 66]. По возвращении в Польшу Л. Кручковский выступил с отчетом о своей поездке и с докладом о творчестве Пушкина на пресс-конференции в ОПСД [2, д. 255, л. 10].

Делегация советских писателей и журналистов (А. Сурков, Д. Заславский, М. Танк, М. Тюрин и Л. Дмитерко) выезжала в июле 1949 г. на празднование 5-й годовщины возрождения Народной Польши. Кроме участия в ряде праздничных мероприятий в Варшаве, где советские писатели присутствовали на Конгрессе восстановления Польши, на котором выступил Сурков, делегация побывала в Кракове, Катовицах, Вроцлаве. За время пребывания в Польше (24—30 июля) советские литераторы несколько раз встречались со своими польскими коллегами: состоялась беседа с польскими журналистами о характере советской печати; советские и польские журналисты участвовали в совещании представителей печати СССР, Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии и Албании. Советские делегаты встречались также с представителями трудовых коллективов: с рабочими вроцлавского вагоностроительного завода, где с речами выступили А. Сурков, белорусский поэт М. Танк и украинский писатель Л. Дмитерко; делегаты посетили также одно из кооперативных хозяйств Вроцлавского воеводства; состоялась беседа писателей с рабочим активом шахты им. А. Завадского о польско-советской дружбе и о дружбе рабочего класса двух стран, о грандиозных задачах восстановления и развития Польши. В Кракове советские литераторы встретились с профактивом и говорили о проблемах творческой работы советских писателей, о характере советской печати, о польской литературе, о польско-советской дружбе. В Варшаве у делегации была встреча с молодежью, где выступили М. Тюрин и М. Танк; польские и советские писатели встретились с общественностью столицы. Польские литераторы, оценивая пребывание делегации в Польше, подчеркивали, что она проделала огромную работу. Позднее помещенные в газетах «Правда» и «Известия» материалы Д. Заславского и М. Тюрин о поездке в Польшу были перепечатаны многими польскими газетами [2, д. 255, л. 16—21].

В составе делегации ВОКС, приглашенной в Польшу для участия в работе 3-го съезда ОПСД (XI 1949 г.), был поэт М. Танк; в своем выступле-

нии на съезде он отметил, в частности, такой знаменательный факт во взаимоотношениях двух братских литератур — произведения польского поэта А. Мицкевича, «переведенные на языки всех народов СССР, читаются на берегах Тихого океана и в солнечной Грузии, в бескрайних степях Украины, над Неманом и Свитязью» [2, д. 256, л. 18]. После съезда у белорусского поэта состоялось несколько встреч с польскими литераторами [2, д. 256, л. 37]. Говоря на 3-м съезде ОПСД о непосредственных связях литераторов двух стран, генеральный секретарь ГП ОПСД М. Туренец сказал, что 11 деятелей советской литературы приезжало в 1949 г. в Польшу и столько же польских литераторов побывало в СССР [2, д. 253, л. 66].

Приведенные данные свидетельствуют о большой работе ВОКС и ОПСД по установлению и развитию связей между советскими и польскими литераторами, способствовавших укреплению дружбы между братскими народами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VIII. М., 1974, 679 с.
2. ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. IX. М., 1976, 519 с.
4. К 150-летию со дня рождения Адама Мицкевича.— Известия, 1948, 11 декабря.
5. Pierwszy Krajowy Zjazd Towarzystwa Przyjaźni Polsko-Radzieckiej.— Przyjaźń, 1947, № 10—11, s. 45—47.
6. Издание переводов советских книг в Польше.— Известия, 1949, 20 августа.
7. *Olejniczak M.* Polsko-radzieckie kontakty kulturalne po II wojnie światowej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1977, s. 185.
8. В ВОКСе.— Правда, 1946, 18 июля.
9. Всепольский конгресс Общества польско-советской дружбы.— Правда, 1946, 2 июня.
10. Приезд в Москву польского поэта Юлиана Тувима.— Правда, 1948, 28 апреля.
11. Прибытие в Варшаву советской делегации на Международный конгресс деятелей культуры в защиту мира.— Правда, 1948, 28 авг.
12. W obronie pokoju. Przewodniczący delegacji radzieckiej na Kongress Intelektualistów we Wrocławiu znakomity pisarz A. Fadiejew, sekretarz generalny ZP ZSRR udzielił przedstawicielowi «Przyjaźni» specjalnego wywiadu.— Przyjaźń, 1948, № 9, s. 14.
13. Приезд в СССР общественных деятелей Польши и Шотландии.— Правда, 1948, 7 ноября.
14. АВП СССР.

КИШКИН Л. С.

ЧЕШСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ (вторая половина XIX века)¹

Важным рубежом в развитии чешско-русских литературных отношений явился 1848 г., который, по словам Фучика, положил начало процессу четкого разделения чешской литературы и всего чешского общества «на тех, кто понимал или по крайней мере чувствовал необходимость использования революционной ситуации, и на тех, кто не мог ее понять, либо в страхе перед рабочим классом боялся революционной борьбы» [2, с. 244]. Наступивший после революции десятилетний период реакции сменился в 60-е годы новым подъемом национально-освободительной борьбы в Чехии и оживлением всей культурной жизни. В области литературы вторая половина века характеризуется постепенным ослаблением романтизма, усилением реалистических и демократических начал, социальной дифференциацией чешских писателей, что сказывалось и на их отношении к русской литературе. Представители демократического крыла чешской литературы (Неруда, Галек, Светлая, Чех, Сладек, Ирасек, Сташек и многие другие) стремились использовать все истинные достижения русской литературы.

Во второй половине XIX в. резко возрастает число посещений России чешскими писателями и культурными деятелями и Чехии — русскими. В этот период в России побывали чешские писатели Эрбен, Геллер, Сташек, Чех, Гавласа, Фрич, Зейер, Гейдук, Голечек, Мрштик, Махар, Прейсова и другие, много журналистов и литераторов: Э. Вавра, Ф. Скрейшовский, П. Дурдик, Э. Елинек, Я. Вацлик, Ф. Вымазал, Й. Тоужимский, Й. Микш, Я. Грубы, В. Шкрупил, писавших о русской литературе и переводивших с русского. Особо следует отметить проезд группы чешских общественных и культурных деятелей на Русскую этнографическую выставку в 1867 г. Наряду с известными чешскими политиками в состав чешской делегации входили художник Й. Манес, поэт К. Я. Эрбен, переводчик русских писателей Э. Вавра и другие. Поездка чешской делегации в Москву способствовала чешско-русскому культурному сближению.

¹ Краткий обзор всего многовекового периода развития чешско-русских литературных связей, предшествовавшего данному, сделан нами в ранее опубликованной статье [1]. Настоящая работа является ее продолжением — попыткой дать самое общее представление о процессе взаимоотношения чешской и русской литератур во второй половине XIX в. Естественно, что в рамках небольшой журнальной статьи освещается лишь часть явлений и фактов, представляющих наиболее показательными.

Одним из непосредственных откликов на поездку чехов в Москву явилось известное стихотворение Неруды «Заря с Востока» (1868), содержащее строки:

О человечество! Сон твой столетний,
Сон о рассвете, сон о свободе
Близок к свершенью: сумрак рассветный
Брежит с Востока — ночь на исходе!

(Перевод Н. Асеева)

Обращаясь мыслями к России, поэт выразил в них надежду на грядущее освобождение Чехии.

Интерес к России и русской литературе нередко проявлялся у чехов в обращении к сюжетам из русской истории. Это подтверждают, в частности, трагедии Ф. Б. Миковца «Дмитрий самозванец» (1856), В. Галека «Царевич Алексей» (1859), Й. В. Фрича «Иван Мазепа» (1865), рассказ П. Хохлоушека «Дмитрий» (50-е годы). Впоследствии разработку русской исторической темы продолжают Ю. Зейер (роман «Андрей Чернышов», 1875), В. Б. Тршебизский (роман «Мартин Пушкарь», 1882) и другие авторы.

Исключительное внимание, как и раньше, привлекали к себе русский фольклор и памятники древней письменности. Ими навеян целый ряд сочинений Ю. Зейера («Песня о мести за Игоря», 1882; «Песня о горе доброго молодца Романа Васильевича», 1899; «Сказка о добром царевиче Евстафии», 1900), Ф. Квапила (поэтический сборник «Песни княжеские», 1883), Ф. Халупы (сборник «Песни богатырские», 1889) и другие. Особенно охотно обращались чешские поэты к мотивам русских былин².

Множество произведений чешских писателей (стихотворений, очерков, эссе, путевых зарисовок и т. д.) связано с их поездками в Россию. Таковы «Путевые очерки» (1884) и «Воспоминания о Востоке» Св. Чеха, сборники стихов А. Гейдука «Из поездки на Кавказ» (1884) и Й. С. Махара «Путешествие в Крым» (1900) и др.

Специфической и довольно распространенной, идущей от предшествующего периода формой связей чешской поэзии с русской литературой были стихотворения о русских писателях. Такого рода стихотворения или поэтические фрагменты встречаются у многих чешских поэтов: у Я. Православа-Коубека (о Пушкине, Лермонтове), Я. Неруды (о Пушкине), А. Гейдука (о Пушкине, Некрасове, Толстом), Св. Чеха (о Пушкине, Гоголе, Жуковском), Фр. Халупы (о Пушкине), А. Е. Мужика (о Пушкине), А. Сова (о Толстом, Кропоткине), Ф. Таборского (о Толстом, Достоевском), Й. С. Махара (о Лермонтове, Тургеневе, Толстом), А. Клаштерского (о Толстом), А. Шнайдауфа (о Тургеневе) и т. д. Много стихотворений о русских писателях у Я. Врхлицкого: «Пушкин у моря», «Благодарность Пушкину», «Лермонтов», «Гоголь». Насколько хорошо знал и понимал Врхлицкий русскую литературу и, в частности, Пушкина, видно из стихотворения «Благодарность Пушкину»:

Как будто бы в степи затихший грянул гром,
Так твой звучал напев, какая жизнь кипела в нем
Как много красоты и силы! Твой гений дал плоды такие,
Что скажешь — Пушкин — слышишь: Вся Россия.

(Перевод автора)

² Традиционный интерес к русским былинам в Чехии не исчерпал себя в XIX в. Это подтверждает поэтический сборник Петра Кржички «Песня меча» (1946).

Обилие у Врхлицкого стихотворений о русских классиках, вместе с его высказываниями в статьях, свидетельствуют о неизгладимом впечатлении от знакомства с ними.

По необходимости наша своеобразная персоналия русских писателей в чешской поэзии представлена далеко не полно, но и в таком виде она достаточно выразительна.

Еще одной разновидностью обращения к русской теме были поэтические и прозаические произведения о современной русской жизни. Таковы стихотворение А. Сташека «На Неве» (1874), осуждающее царизм, поэма Св. Чеха «Черкес» (1875) о чешских переселенцах на Кавказе, повелла Ю. Зейера «Дарья» (1878) о жизни аристократического Петербурга. Во всех трех названных произведениях нашли отражение впечатления их авторов от посещения России. На русскую тему был написан рассказ Светлой «Монашеская пелерина», в котором повествуется о русском офицере, женившемся на чешке и попавшем впоследствии вместе с нею за свои взгляды в Сибирь.

Иногда мотивы русской поэзии в чешских произведениях выполняли не основную, а как бы вспомогательную роль. Это относится, например, к поэме Св. Чеха «В тени липы» (1879), куда вставной новеллой входит повествование о молодой чешской чете, жившей в оставленной горцами кавказской деревне (VII глава). Нередко русские тематические фрагменты оказываются вплетенными в повествовательную канву романов А. Ирасека («Ф. Л. Век», «У нас»). Упоминания о русских исторических событиях (Бородинская битва, сражения у Малоярославца, Березины и Кульма) мы находим в романетто Я. Арбеса «Мозг Ньютона». С русскими персонажами встречается читатель в поэме Чеха «Славия», в поздних романах Сташека («В пограничье», «Богатство») и т. д.

Очень сильно по сравнению с предшествующим периодом во второй половине XIX в. возросло число чешских переводов русской литературы. Помимо уже переведившихся ранее Пушкина, Лермонтова, Гоголя (их новые переводы продолжают появляться до настоящего времени) в 60-е — 70-е годы прошлого века чешские читатели знакомятся с Гончаровым, Салтыковым-Щедриным, Кольцовым, Некрасовым, Лесковым, Островским и Тургеневым, который был особенно популярен. Напомним, что в 60-е — 70-е годы, а отчасти и 80-е, романтизм еще был живым явлением в чешской литературе и сосуществовал с набиравшим силы реализмом. Эта особенность развития чешской литературы обуславливала эстетические вкусы времени, что сказывалось и на характере переводов с русского, и на характере их восприятия и осмысления в новых условиях. В свете сказанного становится понятной и та популярность, которой пользовался в Чехии после падения баховской реакции, наряду с Пушкиным, Гоголем и Лермонтовым, Тургенев. В нем привлекали и высокое художественное мастерство, и реалистическая поэтика, и социальная правдивость его образов, и общая гуманистическая направленность творчества.

После 1848 г. в Чехии выходили переводы Кукольника, Сенковского, Булгарина, причем последнего довольно много. Тогда же чешский читатель знакомится с произведениями Бестужева, Языкова, Крылова. Были среди переводимых русских писателей и Хомяков, и Данилевский. Сохраняется живой интерес к памятникам древней русской литературы, о чем говорит появление в 50-е — 60-е годы переводов «Слова о полку Игореве» (Гаттала, Эрбен), «Повести о Мамаевом побоище» и «Повести временных лет» (Эрбен), а также «Задончины» (Гебауэр, Эрбен).

Кажущийся несколько противоречивым и бессистемным подход чешских переводчиков к отбору русских произведений на самом деле отражал

состояние чешской литературной жизни в 50—70-е годы, наличие в ней разных идейно-художественных ориентаций, которые, в свою очередь, определялись радикально-демократическими или демократическими, а также либеральными и консервативными умонастроениями в чешском обществе, тяготением к западным или славянским литературам.

В последние десятилетия XIX в. репертуар переводов из русской литературы в Чехии существенно расширяется. Большое значение в духовной жизни страны приобретают Толстой, Достоевский и Чехов, а на рубеже веков и Горький. И это также неслучайно. Именно в 80-е — 90-е годы, в обстановке нарастания национально-освободительного и рабочего движения, реалистическое направление становится ведущим в чешской литературе, хотя у некоторых писателей начинают проявляться и натуралистические, и разного рода декадентско-модернистские тенденции.

О том, насколько велик стал интерес к новейшим достижениям русского реализма, в частности к Толстому, показывает следующий факт: только с 1888 по 1890 год чешский читатель получил около двадцати книг переводов его произведений. А между тем до 1882 г. в Чехии существовало только одно отдельное книжное издание Толстого (неполный перевод «Анны Карениной»). Существенно, что одновременно с Толстым, Достоевским и Чеховым в конце XIX в. чешская литературная общественность более подробно знакомится со взглядами Белинского. В конце XIX — начале XX вв. помимо Толстого, Достоевского, Чехова и Горького, на чешский язык переводились десятки других русских писателей, в частности Короленко, Писемский, Гаршин, Успенский, Мамин-Сибиряк, Гусев-Оренбургский, а также И. Бунин, Л. Андреев, Ф. Сологуб, В. Иванов, А. Белый, А. Блок и др.

Представление о чешских переводах с русского дают некоторые цифры. К началу 1883 г. было переведено и напечатано 87 произведений Некрасова, 66 — Пушкина, 63 — Лермонтова, 50 — Тургенева, по 34 — Кольцова и Рыльева, 29 — Крылова, 10 — Хомякова, 6 — Марлинского, по 4 — Гончарова и Писемского, 3 — Островского, [3, с. 367]. Число переводов в последние десятилетия XIX в. резко возросло. До 1900 г. в Чехии было зарегистрировано 160 различных переводов Пушкина (в том числе 14 книг), 116 Лермонтова (в том числе 6 книг) и 22 Гоголя (в том числе 18 книг). К середине 90-х годов в пражском издательстве Отто в серийном издании «Русская библиотека» вышло двадцать три тома переводов выдающихся русских писателей XIX в. (Толстого — 8 книг, Салтыкова-Щедрина — 1 книга, Тургенева — 4 книги, Гоголя — 3 книги, Достоевского — 5 книг, Писемского — 2 книги), которые В. Мршттик в статье «Русская библиотека» (1896) назвал «двадцать три... библии русского народа», заметив, что русская литература могла бы «революционизировать наше обычное представление об истинной основе искусства», что переводы с русского будут содействовать воспитанию у читателей реалистического вкуса и тем самым подготовят почву для дальнейшего расцвета чешской литературы. Еще один показательный факт: только один чешский переводчик Авг. Врзал в конце XIX — начале XX вв. перевел свыше 400 произведений 70 русских писателей, в том числе Горького, Чехова, Короленко, Мамин-Сибиряка. Практически к началу XX в. чешские читатели были знакомы со всеми основными произведениями крупнейших русских писателей.

Широко известны своими переводами с русского В. Ч. Бендл (Пушкин), Ф. Б. Коржинек (Лермонтов), А. Дурдик (Лермонтов), Г. Я. Мейкснер (Некрасов, Рылеев), П. Дурдик (Тургенев, Толстой, Гоголь), Э. Вавра (Тургенев, Гончаров, Гоголь, Лермонтов, Островский), Й. Коларж

(Кольцов, Некрасов)³, Й. Пенizeк (Достоевский, Тургенев), Я. Грубы (Тургенев, Достоевский, Л. Толстой, Некрасов, Тютчев) и многие другие. Существенно, что русских писателей переводили крупнейшие чешские поэты и прозаики, например Ф. Л. Челаковский (Пушкина, Батюшкова, Дмитриева, Крылова, Лермонтова, Кольцова и др.), В. Ганка (Жуковского, Карамзина, Ломоносова, Некрасова и др.), Й. Сладек (Некрасова, Лермонтова, Жуковского), И. В. Фрич (Гоголя), Э. Красногорская (многие произведения Пушкина), В. Мрштик (Пушкина, Тургенева, Достоевского, Гончарова, Л. Толстого, Писемского, Гаршина, Чехова, Успенского), Ф. Таборский (Пушкина, Лермонтова, Грибоедова).

По общему количеству переводов с русского в XIX в. Чехию трудно сравнить с какой-либо другой страной.

Чешские писатели были не только переводчиками, но и активными пропагандистами русской литературы в Чехии. Одно из первых мест принадлежит Я. Неруде. В начале 70-х годов он писал: «Русские „жанры“ являются в настоящее время самыми передовыми во всей мировой литературе» [4, с. 215]. Высоко оценивая демократизм, правдивость и своеобразие русской литературы, Неруда проявлял особый интерес к Гоголю и Островскому.

Немало писал о русской литературе и литературный соратник Неруды В. Галек. В статье «Ищу Гоголя» (1872) он говорил, что Чехия нуждается в писателе, подобном Гоголю, как во враче, который вылечил бы головы и сердца. Большое впечатление на Галека произвело знакомство с Тургеневым: «Признаюсь, что во мне назревает какой-то перелом, и это благодаря влиянию русской литературы... Новое направление мысли появилось у меня в последнее время и было вызвано чтением Ивана Сергеевича Тургенева» [5, с. 286]. В статье «„Записки охотника“ Ивана Тургенева» Галек писал: «Вероятно ни один писатель не пригвоздил к позорному столбу отношения дворянства к мужику так, как это сделал Тургенев» [6, с. 158].

Важную роль в приближении передовой русской литературы к чешскому читателю сыграли писатели-демократы Й. В. Фрич, А. Сташек, В. Мрштик. В 1877 г. Й. В. Фрич опубликовал в журнале «Освета» статью о Некрасове, в которой говорилось, что песни русского поэта подобны сыплющимся горячим искрам «на головы эгоистов угнетателей». В статье «Литературные симптомы» (1868), посвященной «Дыму» Тургенева, Фрич, подчеркивая антикрепостническую направленность этого романа, отмечал: «Мы желали бы и нашей литературе, пусть и остро обличительных, но все же зовущих к настоящей деятельности на земле наших предков произведений» [7, с. 228].

Перу Сташека принадлежит известная статья «Русская поэзия и Тургенев» (1878), явившаяся по-существу первой работой того времени, в которой была сделана попытка обрисовать русскую литературу как целое. Существенно, что при этом Сташек руководствовался оценками Белинского, т. е. стремился показать прогрессивную линию в развитии русской литературы на ее пути от романтизма к реализму. Говоря о Гоголе, Сташек замечает, что он хотел показать пороки и тем самым дать импульс для «общественных и политических преобразований». У Тургенева чешский писатель отмечает социальный смысл «Записок охотника». Достижения

³ Упомянув имя Коларжа как переводчика Кольцова и Некрасова, заметим еще, что им было написано либретто для оперы Л. Э. Мехуры «Мария Потоцкая», в основу которого был положен «Бахчисарайский фонтан» Пушкина. Кроме того, Коларжем была драматизирована для чешской сцены «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя.

русской литературы представлялись Сташеку столь великими, что он называет ее в своей статье «мировой литературой», правдиво и прогрессивно отражающей эпоху и жизнь русского народа.

Не менее глубоко и объективно оценивал русскую литературу горячий последователь русских революционных демократов Вилем Мрштик в 80—90-е годы. Отстаивая в своих статьях о литературе принципы реализма, Мрштик широко привлекал при этом русский материал, опирался на опыт передовой русской литературы. Одно из ярких подтверждений этому его статья «О реализме в драматическом искусстве» (1887), большая часть которой посвящена разбору «Ревизора» Гоголя. «Реализм — сказано в этой статье, — состоит в изображении повседневной жизни, отдельных ее представителей — типов...». Подойти к проблеме типизации Мрштику помогли «вечные образы» Гоголя.

Величайшим русским писателем считал Мрштик Л. Н. Толстого, творчеству которого он посвятил статьи «Граф Лев Толстой и его „Власть тьмы“» (1888) и «Граф Лев Толстой как мыслитель» (1889). В Толстом чешский автор, в отличие от других, например, Масарика, видел не основателя нового религиозного учения, а характерного представителя русского реализма, обличителя и критика общественных пороков. Продолжателем лучших традиций русской литературы представлялся Мрштику и Островский. Главной притягательной силой в русской литературе для Мрштика был ее гуманизм и народность, постоянное внимание русских писателей к судьбам простых людей, угнетенных и униженных [8].

Помимо упомянутых писателей со статьями и высказываниями о русской литературе выступали В. Ч. Бендл, К. Сабина, Св. Чех, Й. В. Сладек, Я. Врхлицкий, Й. С. Махар, Ф. Таборский и многие другие.

Культурная жизнь Чехии второй половины XIX в. характеризуется большой сложностью, самыми различными формами проявления борьбы прогрессивных и реакционных тенденций, столкновением в сфере художественной жизни демократической и буржуазной идеологии. Эта борьба двух культур в литературе не могла не затронуть и область чешско-русских связей, что особенно проявилось в публицистических и критических статьях о русской литературе, авторами которых часто были чешские литераторы-публицисты, общественные позиции которых в ряде случаев существенно различались. Так, например в основном, с демократических позиций подходил к рассмотрению русской литературы Э. Вавра (статьи «Александр Герцен», «Заметки о русской литературе», «Русский романист Григорович» и др.). Этого нельзя сказать о его младшем современнике Я. Грубом, статьи которого о России и русской литературе отмечены консервативностью. Славянофильские суждения о русской литературе высказывал в ряде случаев С. Геллер. Масарик и близкие ему литераторы в своем подходе к русскому классическому наследию, в частности к Достоевскому и Толстому, часто руководствовались утилитарными целями, обращались к тому, что так или иначе могли использовать для подкрепления и распространения своих либерально-буржуазных взглядов. Были в Чехии и такие критики, чьи суждения отличались крайней противоречивостью. Так, Й. Микш резко осуждал Арцыбашева, Андреева, Бальмонта, Мережковского и в то же время не понимал «Дядю Ваню» Чехова, не принимал босяцкие рассказы Горького. Свой взгляд на русскую словесность имел П. Дурдик. Для его статей о Тургеневе (1885, 1887, 1888, 1890, 1891) и Островском (1900) показательны объективность и глубокое знание фактического материала, искренняя любовь к русской литературе. Из сказанного видно, сколь различны были позиции отдельных чешских литераторов по отношению к русской литературе.

В обзорной статье нет возможности обрисовать всю картину восприятия и освещения чешской критикой и литературоведением русской литературы. Ценные конкретные данные об этом содержатся в трудах чешских авторов [8, 9]. Одако, как нам кажется, приведенные факты дают известное представление о том, какую большую роль играли произведения русских писателей в духовной жизни Чехии, как способствовали они становлению реалистической эстетики в чешской литературе, как помогали утверждению в ней демократических и гуманистических идеалов. Именно об этом свидетельствуют взгляды на русскую литературу таких выдающихся представителей чешской демократической литературы, как Неруда, Галек, Фрич, Сташек, Мрштик, Чех, Сладек и многие другие.

Большой интерес представляют творческие соприкосновения чешских писателей с русской литературой во второй половине XIX в. Коротко остановимся и на этой весьма существенной области чешско-русских литературных связей.

В произведениях Неруды можно видеть следы творческой реакции на художественный опыт Пушкина (поэтический памфлет «У нас», «Театральные куплеты»), Гоголя (повесть «Фигурки» и др.), Гончарова (рассказ «Куплет Обломовский») и некоторых других русских писателей. Неруду у русских писателей привлекали реалистические черты их творчества, стремление к раскрытию социальных корней жизни. В отличие от Я. Неруды, В. Галека как поэта и прозаика больше интересовали и пушкинские романтические поэмы и «Записки охотника» Тургенева, что отразилось на его поэмах («Мейрима и Гусейн», «Гоар»), рассказах из жизни чешской деревни. Среди других современников Неруды творческое соприкосновение с Пушкиным наблюдается у Пфлегера-Моравского (поэма «Пан Вышинский»), с Тургеневым у Каролины Светлой (рассказ «В затишьи»).

Заметное творческое воздействие Пушкина и особенно Лермонтова испытал Чех, о чем свидетельствуют его стихотворения «Рабыня», «Критянки», «Гусит на Балтике», «Ханджар», «На смерть Гавласы», «Троски», а также поэмы «Ангел», «Черкес», «Степной ветер», «Вацлав из Михаловиц», «Песни раба» и др. Проявления этого воздействия очень разнообразны.

С художественными достижениями русской литературы связано творчество Сташека, которому особенно близки были Гоголь, Лермонтов и Тургенев; страстного поклонника Пушкина, Тургенева, Гончарова, Писемского, Толстого, Достоевского, Гаршина, Успенского, Чехова В. Мрштика; Голечка, на романах которого отразилось знакомство с Тургеневым и Толстым; поэта Махара, необычайно высоко ценившего Лермонтова, Тургенева и Достоевского, а также Таборского, видевшего образцы славянской поэзии в творчестве Пушкина и Лермонтова. Не имея возможности продолжить перечень примеров и углубиться в творческую лабораторию того или иного чешского писателя, заметим лишь еще, что формы творческих связей чешской литературы с русской во второй половине XIX в. становятся значительно сложнее и многообразней, соответствуют тому высокому уровню, которого достигает чешская литература в это время.

Новыми качествами характеризуется и восприятие чешской литературы в России. Знакомство с творчеством чешских писателей не только расширилось и углубилось, но осуществляется как бы с двух позиций: демократической и славянофильской. Если представителей демократической русской критики (Пыпин, Ровинский, Василевский и др.) прежде всего интересовало отражение в художественных произведениях жизни народа, его социальных и национальных устремлений, освободительной борьбы, то славянофилов (Ломанский, Гильфердинг и др.) обычно привлекало раскрытие национальной самобытности чешской жизни, чаще всего дере-

венской, выражение идей и мыслей, родственных русским славянофилам.

Одним из существенных факторов, обусловивших усиление русско-чешских литературных связей, были и контакты русских литераторов с чехами, ставшие после 1848 г. особенно интенсивными. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. Чехию посещают: В. А. Бильбасов, И. С. Анненков, С. А. Венгеров, И. С. Пальмов, А. А. Кочубинский, А. И. Степович, А. С. Веселовский, А. Н. Пыпин, К. И. Грот, В. А. Францев, Т. Д. Флоринский, А. И. Яцимирский, Н. В. Ястребов, Н. И. Кареев, М. Н. Сперанский, А. Н. Сиротинин, М. Н. Петровский, Н. И. Костомаров, М. П. Погодин, И. И. Срезневский, П. А. Лавровский, С. Ф. Фортунатов, О. Ф. Миллер и многие другие русские ученые-слависты, филологи, историки, литераторы и журналисты. Если этот перечень пополнить именами писателей (Добролюбов, Вяземский, Лесков, А. Н. Толстой, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Станюкович и др.), композиторов (Балакирев, Чайковский, Рубинштейн) и художников (Шишкин, Якоби, Верещагин, Репин), то станет очевидным, как возрос интерес к ней со стороны деятелей русской культуры.

На первое место среди исследователей и популяризаторов чешской литературы в России во второй половине XIX в. должен быть поставлен А. Н. Пыпин. Его статьи о русской литературе, печатавшиеся в Чехии, и работы о чешской литературе, публиковавшиеся в России, сыграли исключительно важную роль в сближении двух братских славянских литератур. Очень существенно, что к освещению как русской, так и чешской литературы он подходил с демократических позиций чему способствовала и его близость с Чернышевским, встречи с Герценом и Огаревым, которые, как известно, живо интересовались культурой угнетенных славянских народов и, в частности, литературной жизнью в Чехии. Первые крупные статьи Пыпина о чешской литературе появились в руководимом Чернышевским и Добролюбовым «Современнике» [10—13]. Для работ Пыпина о чешской литературе характерно то, что он видел питающий ее источник в духовных ценностях, созданных простым народом. При этом Пыпин отмечал тесную связь литературы с политической борьбой чешского народа за национальные и социальные права. Этим своим принципам Пыпин в основном следует и в своих последующих капитальных трудах: главы по истории чешской литературы в «Обзоре истории славянских литератур» [14], «Истории славянских литератур» [15].

Немало для объективного освещения чешской литературы и культуры в 60-е годы сделал земледелец П. А. Ровинский. Близкий по своим взглядам Чернышевскому, с глубоким сочувствием писал он о гуситском движении, связывая с ним подъем чешской культуры в XV в. Большое внимание уделял Ровинский событиям 1848 г. в Чехии, общественному и культурному подъему 60-х годов. В его статьях высоко оценивается деятельность Гавличка-Боровского, впервые было рассмотрено творчество чешских народных поэтов (Вавака, Розы, Сobotки и др.). Свой вклад в ознакомление русских с чешской литературой в 70-е годы внес журналист-изгнанник К. К. Шоров.

С демократических в целом, близких Пыпину позиций, получила освещение история чешской литературы у О. Морозова в книге «Всеобщая история литературы» под редакцией В. Ф. Корша и А. Кирпичникова [16]. Существенную роль в ознакомлении русских читателей с видными чешскими писателями последних десятилетий XIX в. (Св. Чех, Я. Врхлицкий, В. Мршттик, Й. Махар и др.) сыграли корреспонденции из Вены Л. В. Василевского, которые печатались в 80-е годы в журнале «Русское богатство». Характеризуя современную ему чешскую литературу, Л. В. Васи-

левский выразил отрицательное отношение к декадентам и их печатному органу «Модерни ревю».

Множество разного рода статей и заметок по чешской литературе появилось во второй половине XIX в. в русских журналах разных направлений, таких как «Русская беседа», «Славянские известия», «Славянское обозрение», «Славянский ежегодник», «Славянский мир», «Вестник славянства», а также «Вестник Европы», «Филологические записки», «Русский вестник», «Мир божий», «Русское богатство», «Журнал министерства народного просвещения», «Век», «Русский филологический вестник» и др. Эти и другие издания также способствовали распространению знаний о чешской литературе среди русских писателей.

О сильно возросшем внимании к чешской литературе в России и интенсивном ее изучении в конце XIX — начале XX вв. со всей очевидностью свидетельствуют появившиеся в это время и до сих пор не утратившие своей научно-познавательной ценности работы русских ученых: Ю. Анненкова и С. Венгерова о Гусе; Н. Ястребова о Хельчицком, В. Гольцева, В. И. Григоровича и других о Коменском; Н. Снегирева о Добровском; Н. Задерацкого и Н. Попова о Юнгмане; П. Лаврова, П. Кулаковского и других о Шафарике; А. Экка, Р. Ф. Брандта, А. Будиловича и других о Колларе; В. Шамраева, Н. Задерацкого, Е. Рыхлика о Челаковском; П. Этингера, Н. Грунского о Махе, П. Дубровского, А. Пыпина, И. Срезневского о Ганке; А. Стороженко, В. Ломанского, Н. Петровского и других о Краледворской и Зеленогорской рукописях; Н. Лавровского об Эрбене; П. Заболоцкого, А. Селищева о Гавличке-Боровском; П. Быкова, Э. Петровской о Немцовой; А. Степовича о Неруде; Н. Грунского о Гейдуке; А. Степовича, Н. Филиппова о Чехе; А. Степовича о Врхлицком и Ирасеке. Этот перечень можно было бы продолжать и продолжать. В то же время публикуются многочисленные общие работы по чешской литературе А. Н. Пыпина, А. Степовича, В. Зотова, Н. Задерацкого, А. Гильфердинга, П. Морозова, В. Францева, И. Ягича и других, а также переводные труды (Я. Малого, В. Фляйшганса, Я. Э. Воцела, Ф. Выкоукала, О. Карасека).

Если попытаться выделить из истории чешской литературы основные темы, привлекавшие внимание русских исследователей в конце XIX — начале XX вв., то прежде всего это — гуситская литература, творчество Коменского, литература эпохи национального возрождения, спор о рукописях, отдельные вопросы чешского литературного развития после 1848 гг. (60—80-е годы, рубеж веков). Примечательно, что именно в рассматриваемый период русские литературоведы-слависты (А. Сиротинин, П. А. Заболоцкий, В. Францев, А. Степович, П. Лавров, П. Драганов и др.) создают труды по чешско-русским связям, например, о восприятии в Чехии творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Державина, Жуковского, Грибоедова, Кольцова, Тургенева, А. К. Толстого, Некрасова. Изучению литературных связей сопутствовал большой интерес к чешско-русским научным связям в области филологии, этнографии, истории и т. д.

Свидетельством значительного интереса русских к чешской литературе во второй половине века являются и переводы с чешского на русский язык. Большое их количество показывает, что они были нужны и интересны широкому кругу русских читателей. Особенно много переводили Немцову, Гавличка-Боровского, Тыла, Неруду, Светлую, Райса, Врхлицкого, Чеха, Зейера, Строрупежницкого. Переводы некоторых чешских писателей, например Гавличка-Боровского, появлялись в русской печати раньше, чем оригиналы в Чехии. Помимо названных авторов, на русский язык переводились произведения Гуса, Коменского, Коллара, Яблонского, Ганки,

Челаковского, Эрбена, Гейдука, Галека, Красногорской, Махара, Сладека, Совы, Фрича, Тршебизского, Безруча, Ирасека, Винаржицкого, Герритеса, Германа, Голечека, Клаштерского, Прейсовой, Пфлегера — Моравского, Чапека-Хода, Шмиловского и др.

Заметным событием в русской литературной жизни было появление в 1871 г. изданной Н. Гербелем хрестоматии «Поэзия славян», куда в переводах Н. Берга, помимо стихов Коллара, Махи, Ганки, Челаковского, Эрбена, Пфлегера-Моравского, вошли стихотворения Виллани, Винаржицкого, Воцела, Коубека, Ломницкого, Небесского, В. Нееды, Палацкого, Ригера, Полака, Пухмайера, Рубеша, Стаха, Томашика, Фурха, Хмеленского, Шафарика. В переводах из чешской поэзии принимали участие такие известные поэты как А. Майков, Л. Мей, Д. Минаев, В. Бенедиктов, В. Гиляровский. Немало для популяризации чешской литературы в России сделали переводчики Э. Петровская — переводила Немцову, М. Лялина — Немцову, Ирасека, А. Сахарова — Чеха, Н. Нович — переводил Врхлицкого, Безруча, Галека, Ганку, Зейера, Красногорскую, Неруду, а также переводчики А. Степович, Н. Филиппов, М. Петровский, А. Сиротинин, А. Коринфский, В. Уманов-Каплуновский и другие. В целом, благодаря усилиям русских ученых-славистов и переводчиков, чешскую литературу знали в России к началу XX в. довольно хорошо.

Важным показателем уровня развития литературных связей является их отражение в творческой практике писателей. В разных формах оно прослеживается не только у чешских, но и у русских писателей. Обращение к чешским сюжетам можно наблюдать у Лескова (рассказ «Чешские пироги»), Л. Н. Толстого («Брат Ян Палечек»). Чешская тема затрагивается в «Дневнике писателя» Достоевского. Изображение гуситского движения посвятила две своих исторических повести («Ян Гус из Гусинца», «Троцновский пан») в начале XX в. М. В. Алтаева-Ямщикова. Довольно много внимания чешской теме во второй половине XIX в. и в начале XX в. уделяют русские поэты. Это прежде всего стихи о Гусе (Тютчев, Майков, Луговой, Хлебников), о Праге (Хомяков, Вяземский, Добролюбов), о славянской взаимности и культурной солидарности (Хомяков, Тютчев, К. С. Аксаков). Поэт Майков написал оригинальную поэму «Любуша и Пршемысл», при создании которой опирался на Зеленогорскую рукопись и «Чешскую хронику» Козьмы Пражского. С подражаниями Краледворской рукописи мы встречаемся у Берга. Следы знакомства с чешской жизнью и литературой обнаруживаются в произведениях Алухтина, Островского, Станюковича.

Все это лишь отдельные примеры, свидетельствующие о творческом соприкосновении русских писателей с чешской литературой (к сожалению, эта тема пока не разработана). Но и они позволяют говорить о расширении во второй половине XIX в. творческих связей между русской и чешской литературами по сравнению с предшествующим периодом.

Как следует из всего сказанного, чешско-русские литературные связи во второй половине XIX в. поднялись на качественно новый, более высокий уровень. Высокая интенсивность связей определялась стремительным развитием чешской литературы, нарастающим освободительной борьбы в Чехии, и неизмеримо возросшим в Европе авторитетом русской литературы, которая привлекала всеобщее внимание своим стремлением к «жизненной правде», «чуткостью к высшим человеческим идеалам и стремлениям» [17, с. 353], иными словами, своей гуманностью и общественной прогрессивностью.

Конец XIX и начало XX в. явились для Чехии временем увлечения некоторых литераторов новыми западными течениями в литературе. Это

обстоятельство, хотя и не оказало существенного влияния на общий характер чешско-русских литературных связей, все же отразилось на них. Чешские сторонники «чистого искусства» публиковали, например, в своем журнале «Модерни ревю» информационные материалы о русских символистах, а русский декадентский журнал «Весы» — статьи о чешских модернистах. Но несравненно более существенным для чешско-русских литературных отношений в 900-е годы явился тот интерес, который вызвала у чешских писателей русская революция 1905 г., получившая многообразное отражение в их творчестве. Это — и Й. Сладек (стихотворение «На марше»), и Св. Чех («Степь»), и А. Сова («И буря революции гремела...»), и Й. Махар («Россия в январе 1905 года») и ряд других чешских поэтов, в частности Я. Рокита, В. Дык, Ф. Шрабек, Я. Опольский. Всех их тогда объединяла неприязнь к паризму, сочувствие к русской революции, тайная надежда на скорое освобождение Чехии. Вот, что писал, например, о событиях в России в поэме «Степь» Св. Чех:

С Востока свежести волна
Идет в наш мир от бури той, —
Свободу и для нас она
Рождает в муках под грозой!

(Перевод В. Державина)

Тема первой революции получила раскрытие в рассказе Ф. Шрабека «Прелюдия», в одноактной пьесе И. Магена «Ключ». Революция 1905 г. оказала сильное влияние на чешскую литературу, способствовала консолидации демократических сил в ней.

Начавшаяся в 1914 г. мировая война на некоторое время притормозила развитие чешско-русских литературных связей. Середина десятых годов XX в. явилась верхней границей большого и плодотворного периода чешско-русского литературного сотрудничества, которое по-своему обогатило каждую из сторон. Чешско-русские литературные связи, получившие особенно интенсивное развитие во второй половине XIX в., не были равноценными и однозначными и, как мы стремились показать, зависели не только от общественно-исторических событий, происходивших в Чехии и России, но и от присходивших в чешской и русской литературах качественных перемен, борьбы за утверждение народных, демократических начал в них.

Лучшие демократические традиции многовековых связей между передовой чешской и русской литературой получили свое дальнейшее развитие в годы между первой и второй мировыми войнами и особенно после 1945 г., когда освобожденная Чехословакия стала на путь социалистического развития, когда чешско-советское литературное и культурное сотрудничество достигло небывалого размаха. В заключение краткого обзора чешско-русских литературных связей второй половины минувшего века приведем слова Зд. Неядлы: «Ведь целые поколения у нас были воспитаны на русской литературе, русской культуре: раньше из любви к русскому народу, сегодня еще и из любви к Советскому Союзу» [18, с. 468]. Много ценного получили в прошлом от знакомства с творчеством чешских писателей и русская литература, и русские читатели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кишкин Л. С.* Чешско-русские литературные связи (от древних времен до середины XIX века). — Советское славяноведение, 1979, № 5, с. 70—81.
2. *Фучик Ю.* Избранные очерки и статьи. М., 1950.
3. *Specingerová K.* Ruská a maloruská literatura v Cechach. — Slovanský sborník. Praha, 1883, II.

4. *Neruda J.* O umění. Praha, 1950.
5. *Padesát let Umělecké besedy.* Praha, 1913.
6. *Halek V.* O umění. Praha, 1954.
7. *Čeští radikální demokraté o literatuře.* Praha, 1954.
8. *Parolek R.* Vilém Mrštík a ruská literatura. Praha, 1964.
9. *Dolanský J.* Mistři ruského realismu u nás. Praha, 1960.
10. *Пыпин А.* Два месяца в Праге.— Современник, 1859, № 34.
11. *Пыпин А.* Из Праги.— Современник, 1860, № 4.
12. *Пыпин А.* Вячеслав Ганка,— Современник, 1861, № 3.
13. *Пыпин А.* Процессы печати в Австрии.— Современник, 1863, № 1—2, 5.
14. *Пыпин А., Спасович В.* Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.
15. *Пыпин А., Спасович В.* История славянских литератур, т. 1, 2. СПб., 1879, 1881.
16. Всеобщая история литературы под ред. В. Ф. Корша и А. Кирпичникова. СПб., т. II, 1885; т. III, 1888.
17. Вестник Европы, 1899, № 11.
18. *Неедлы Э.* Статьи об искусстве. Л.—М., 1960.

МАТКОВСКИ А.

ИЗ ЖИЗНИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИХРОНИЯ АГАПЬЕВИЧА СЫРКУ (1855 — 1905)

Человек широкой культуры, историк, литературовед и фольклорист, Полихроний Сырку с самого начала творческого пути понял значение взаимосвязи и взаимовлияния молдавской культуры и культур славянских народов.

Жизнь и деятельность П. Сырку исследованы мало — при жизни ученого лишь отдельные сведения о нем появились в рецензиях русских филологов А. Н. Веселовского, П. А. Лаврова, И. В. Ягича, В. И. Ламанского и А. И. Яцимирского. Первой обобщающей работой о жизни и деятельности П. Сырку была статья П. А. Лаврова, появившаяся в первую годовщину смерти П. Сырку [1]. Автор статьи лично знал П. Сырку, был с ним в дружеских отношениях, сотрудничал в научной области.

Анализируя труды П. Сырку, П. А. Лавров основное внимание уделяет написанному в результате научных командировок ученого. Особо он останавливается на работе «К истории исправления книг в Болгарии в XIV в.», в которой П. Сырку выявил роль болгарского патриарха Ефтимия в культурном развитии Болгарии XIV—XV вв., а также исследовал отдельные вопросы истории молдавского народа, касающиеся в основном периода пребывания в Молдавии Григория Цамблака.

Изучение жизненного пути и богатейшего творческого наследия П. Сырку активизировалось сравнительно недавно — в 60-е годы: опубликованы статья И. В. Германа, в которой рассказывалось о деятельности Сырку-фольклориста [2], и статья И. Е. Осадченко, где исследовались связи молдавского ученого и писателя Б. П. Хашдеу с русскими славистами, в частности с П. Сырку [3]. На основе разыскания в ленинградских архивах автор данной статьи также подготовила работы, дополнявшие по мере возможности сделанное ранее другими исследователями [4, 5]. Общие данные биографического и библиографического характера о П. А. Сырку можно найти в недавно вышедшем ценном справочном издании [6].

Отдельные вопросы научной деятельности П. Сырку рассматриваются в статьях зарубежных исследователей [7, р. 99—151; 8, р. 181—338].

В данной статье, используя написанное ранее о П. Сырку, а также его переписку с деятелями культуры России и зарубежных стран и ряд документов, обнаруженных в архивах Ленинграда, предпринята попытка осветить некоторые малоизвестные аспекты жизни и научной деятельности ученого, в первую очередь, его вклад в область изучения молдавско-славянских культурных взаимосвязей.

Полихроний Агапьевич Сырку родился 30 июля 1855 г. в селе Страшны (недалеко от Кишинева) в бедной крестьянской семье, о чем можно судить и по прошению, поданному студентом П. Сырку ректору Петербургского университета в январе 1875 г.: «Будучи ограничен в материальных средствах, во уверение чего прилагаю при сем свидетельство о бедности, и вследствие этого не имея возможности внести указанную плату за право слушания лекций во втором полугодии, всепокорнейше прошу Ваше Превосходительство освободить меня от сказанной платы. Студент П. Сырку. 23 января 1875 г.» [9, л. 7].

К прошению был приложен документ, подписанный сельским старостой Сырбу и заверенный нотариусом Платоном, подтверждавший тяжелое материальное положение семьи Сырку, которая состояла из семи человек.

Полихроний закончил начальную школу в родном селе, затем учился в приходской школе при Каприянском монастыре в Бессарабии. С этим монастырем связано почти все его детство. Оставшись с малых лет без матери, с рождения страдая физическим дефектом — хромотой, он испытывал немало лишений из-за жестокой, невзлюбившей его мачехи. Из воспоминаний Марии Сырку, двоюродной сестры ученого, опубликованных в год его смерти в одной из кишиневских газет [10], узнаем, что мачеха не раз выгоняла Полихрония из дома. Нашедший приют у монахов Каприянского монастыря, Полихроний Сырку оказался способным учеником. Благодаря материальной помощи, оказанной юноше одним из смотрителей монастыря, он сумел продолжить образование в Кишиневской духовной семинарии. В его характеристике отмечалось, что «учащийся Сырку» имел примерное поведение и обнаружил выдающиеся способности к учебе, что подтверждает аттестат, полученный им по окончании духовной семинарии в 1874 г. [9, л. 2].

Прилежание П. Сырку в учебе отмечал и один из его бывших товарищей по учебе в Кишиневской духовной семинарии Василий Казаку: «П. Сырку ... отличался любознательностью, интересовался преимущественно филологическими и историческими науками и одарен быстрою сообразительностью. Во все время училищного и семинарского курса, он в свободное от классных занятий время посещал городскую публичную библиотеку, где пополнял свой познания чтением книг и журналов» [10].

Осенью 1874 г. Сырку записывается в Новороссийский университет (ныне Одесский университет им. И. И. Мечникова), позже подает заявление о переводе в Петербургский университет с намерением учиться на историко-филологическом факультете. Документ, датированный 5 октября 1874 г. и подписанный инспектором Петербургского университета, подтверждает, что просьба Полихрония Сырку была удовлетворена [9, л. 5].

В Петербурге Сырку устремляется в водоворот университетской научной жизни. Его способности и трудолюбие обращают на себя внимание преподавателей, оценивших его тягу к науке и ориентировавших талантливого студента на научную деятельность.

В студенческие годы (впрочем, как и во все последующие) П. Сырку переживает большие лишения, о чем нередко говорится в его переписке, а также в целом ряде его отчетов и других документов. И все-таки, благодаря своим способностям и упорному труду, в 1878 г. он заканчивает университет с золотой медалью, которая была ему присуждена за работу «История христианства в Болгарии до князя Бориса и крещения болгарского народа», оставшаяся в рукописи [1, с. 62; 11; 12]. Тот факт, что одна из первых научных работ П. Сырку была посвящена изучению истории и культуры болгарского народа, объясняется и тем, что он хорошо знал болгарский язык, которым овладел еще в детстве в Каприянском монас-

тыре, управляемом в то время болгарскими монахами. Болгарская культура и литература древнейших времен станут предметом исследования во многих трудах П. Сырку, написанных в последующие годы.

После окончания историко-филологического факультета П. Сырку был оставлен при Петербургском университете для подготовки к преподаванию на кафедре славистики. В том же году его направили в научную командировку в Константинополь, Афон, Болгарию, Македонию и Румынию. Результаты путешествия были изложены им в отчетах, представленных Филологическому обществу при историко-филологическом факультете Петербургского университета, Археологическому обществу и Этнографическому отделению Петербургского географического общества.

В 1879 г. во время командировки в Румынии Сырку познакомился и сблизился с молдавским писателем и ученым Б. П. Хашдеу, который помог ему ознакомиться со славянскими рукописями из государственных архивов страны. В фондах Архива Академии наук в Ленинграде есть письмо П. Сырку к академику Ф. И. Успенскому от 19 марта 1879 г., где в качестве своего обратного адреса П. Сырку указал адрес Б. П. Хашдеу [13], что свидетельствует о том, что приехавший из России ученый был частым и желанным гостем в доме Хашдеу.

По материалам своих научных командировок П. Сырку публикует серию статей и исследований, в которых освещаются различные вопросы древней культуры посещенных им стран¹. Особое пристрастие он проявляет к изучению древних документов и рукописей. В эти же годы П. Сырку закладывает начало личной коллекции древних рукописей, в основном на болгарском и сербском языках. К концу жизни ученого в коллекции насчитывалось уже примерно 84 рукописи, 19 из которых — пергаменные [14], представлявшие исключительный интерес в палеографическом отношении. Содержание коллекции, хранящейся ныне в Ленинграде в рукописном отделе Библиотеки Академии наук, наглядно раскрывает проблематику научных разысканий П. Сырку.

Стремясь облегчить себе доступ к многочисленным рукописям, которые хранились в архивах Петербургской Академии наук, в 1883 г. П. Сырку просит предоставить ему должность помощника библиотекаря Академии [15].

6 ноября 1883 г. П. Сырку защищает диссертацию на тему «Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки в старинном болгарском пересказе» [16, л. 18], после чего он получает звание приват-доцента Петербургского университета. Первым оппонентом на защите выступил академик А. Н. Веселовский, который несколько позже опубликовал развернутую характеристику работы Сырку [17], высоко оценив разыскания молодого исследователя, отметив, в первую очередь, использование им большого количества фактического материала, библиографических источников.

В начале 1884 г. П. Сырку было поручено чтение курса по румынскому языку и литературе студентам историко-филологического факультета, что фактически означало возобновление работы кафедры романистики Петербургского университета [18]. 12 января 1884 г. П. Сырку открыл курс вступительной лекцией «Значение румыноведения для славянской науки» [19].

П. Сырку одним из первых в России начал изучать славяно-молдавско-валашские рукописи, заинтересовавшись древней историей и литера-

¹ Список этих работ см. [4].

турой молдавского народа. Он не упускал случая опубликовать в русской прессе научные работы по различным вопросам молдавской филологии истории, литературы и фольклора.

Занимаясь культурой и литературой средневековой Молдавии, П. Сырку интересовался также и взаимными связями славян и молдо-валахов, в частности изучал роль славянской письменности в Молдавии. В статьях «Остатки славянской литературы в Молдавии» (1882), «К истории славянской письменности у румынов» (1884), «Из истории сношений русских с румынами» (1896) П. Сырку рассмотрел вопрос о влиянии славянской культуры на культуру Молдавии и Валахии.

Касаясь древней молдавской литературы, П. Сырку подчеркивал, что в XV—XVI вв. молдавская литература на славянском языке достигла высокого уровня развития благодаря и тому обстоятельству, что в Дунайских княжествах нашли прибежище многие деятели культуры Балканского полуострова, поработленного турками. Молдавия нуждалась в образованных, ученых людях, умевших составлять религиозные книги и тем самым способствовавших укреплению позиций православной церкви [20].

Славянские рукописи, созданные на территории Молдавии и Валахии представителями славянской культуры, особенно сербской и болгарской, хранились на протяжении веков в монастырских архивах и библиотеках. П. Сырку считал, что изучением этих рукописей должны заняться как филологи-романисты, так и слависты, с тем, чтобы дать научную оценку древней молдавской культуры и литературы.

П. Сырку неоднократно подчеркивал необходимость изучения молдавско-русских языковых отношений. В своих статьях и исследованиях по вопросам филологии он выдвигал идею параллельного изучения романских и славянских языков. Настоящий славист, по мнению П. Сырку, не может пройти мимо древней молдавской литературы, ибо она написана на том же языке, что и памятники ранней русской литературы, обладает с ними многими общими чертами.

П. Сырку стремился освещать те исторические события, следствием которых явилось укрепление молдавско-русских отношений. Тот факт, что Болгария и Сербия попадают под турецкое ярмо раньше Дунайских княжеств, послужил причиной эмиграции многих болгарских и сербских книжников на территорию Молдавии. Отмечая значение экономических и культурных связей южных славян и молдо-валахов, П. Сырку утверждал, что благодаря этим связям молдо-валахи оказались под благотворным влиянием славянской культуры.

Ученый неоднократно выражал в печати сожаление по поводу того, что русский читатель смутно знает историю, культуру и литературу молдавского народа, поскольку в России не обращалось должного внимания на распространение и пропаганду его культурного наследия. Только серьезное изучение политических и культурных отношений между Дунайскими княжествами и Московским государством могло бы дать адекватное объяснение моментов, связанных с историей русского народа.

Активный сотрудник «Исторического вестника», «Русского филологического вестника», «Журнала Министерства народного просвещения», «Известий С.-Петербургского славянского благотворительного общества», «Византийского временника», П. Сырку печатался также и в других специальных изданиях и особенно в журнале И. В. Ягича «Archiv für slavische Philologie».

В 1887 г. Петербургский университет направил П. Сырку в научную командировку в Константинополь, Афон, Македонию и Сербию. По пути ученый останавливался и в Болгарии, где изучал архивные документы и рукописи, относящиеся к болгарской средневековой культуре. В резуль-

тате он написал интересную работу о Евфимии Терновском, болгарском книжнике XIV в. [21, 22], которая была высоко оценена славистами России. За эту работу комиссия, в составе которой были академики А. Н. Веселовский, А. А. Шахматов и А. Н. Пыпин, в 1899 г. присудила П. Сырку большую академическую премию им. Ломоносова [23, с. 1—8], а 16 мая того же года ему была присвоена ученая степень доктора славянской филологии. Официальными оппонентами были профессора В. И. Ламанский и А. И. Соболевский [24].

Хотя темой работы является болгарская средневековая культура и литература, в ней можно найти немало ценных материалов об отдельных молдавских монастырях, документы о княжении Басараба, а также сведения о летописи Михаила Моха, опубликованной Б. П. Хашдеу. Не лишней отдельным недостатком, монография П. Сырку остается одной из наиболее важных работ, посвященных этому представителю болгарской культуры XIV в.² В работе приводится и ряд данных о славянской культуре в феодальной Молдавии.

Славист М. С. Дринов, имея в виду пространные выписки из редких и недоступных многим исследователям изданий, подчеркивал скрупулезность, с которой собирал П. Сырку совершенно новый и исключительно ценный для славистов того времени материал [23, с. 9—48].

Работа П. Сырку была положительно оценена в научном мире России, хотя отмечались и отдельные недостатки. В. А. Ламанский, недавний оппонент П. Сырку, подверг острой критике стиль работы [26, 27]. Тем не менее вклад П. Сырку в изучение древней болгарской культуры и литературы бесспорно остается значительным и поныне [28].

В последующие годы Сырку совершает систематические научные поездки в балканские страны. В 1893 и 1894 гг. во время летних каникул он работает в библиотеках и архивах Галиции, Буковины, Словении, Далмации, Трансильвании, Сербии, Боснии и Герцеговины.

В Кракове он изучает рукописи, исполненные кириллицей, затем через Львов едет в Черновцы, где исследует коллекцию евангелий XII—XVI вв. и ряд других древних литературных памятников. В Сучаве он переписывает несколько рукописей и грамот молдавских господарей, одна из которых принадлежит Александру Илиашу и датирована 1633 г., а две — господарю Василе Лупу и относятся к 1636 и 1639 гг.

Из Галиции П. Сырку направляется в Боснию и Далмацию, оттуда — в Трансильванию, останавливается в Сибиу и Брашове, где изучает несколько румынских рукописей на славянском языке. Затем проезжает через Бухарест, работает в государственных архивах, директором которых был в то время Б. П. Хашдеу, устанавливает связь с местными учеными, с которыми впоследствии будет вести постоянную переписку. В рукописном отделе Румынской Академии наук, по свидетельству Дамиана П. Богдана, хранится несколько писем П. Сырку, адресованных румынским ученым и писателям. По ним можно судить о том, что он интересовался всем новым в научном мире Молдавии и Мунтении. Сырку просил присылать ему новейшие работы Б. П. Хашдеу, запрашивал сведения по волновавшим его проблемам, интересовался, имеются ли среди рукописей Румынской Академии наук «Поучения Нягое Басараба» и т. д. [7, р. 143—151].

Во время поездок в зарубежные страны П. Сырку собрал богатый материал, что позволило ему расширить проблематику своих научных ис-

² Несколько лет спустя украинский славист Е. Калужняцкий продолжил разыскание П. Сырку, опубликовав тексты работ патриарха Евфимия [25].

следований. В результате разысканий в библиотеках и архивах Праги летом 1895 г. он публикует статью о коллекции рукописей П. Шафарика [29]. Как и в прежние годы, его интересует, в первую очередь, история южных славян и народов Балканского полуострова. Им было написано несколько статей о культуре и литературе балканских народов. Изучал П. Сырку и отдельные аспекты жизни и деятельности Григория Цамблака и Николая Милеску Спафария. Материалы о Григории Цамблаке, одном из наиболее видных представителей молдо-славянских отношений конца XIV и начала XV в. были отражены в обширной рецензии [30], которую ученый опубликовал в связи с появлением исследования М. Мельхиседека о Цамблаке [31]. Анализируя работу Мельхиседека, Сырку приводит столь интересные новые данные и документы, что А. И. Яцимирский заявил, что рецензия значительно выше по своему уровню, чем исследование Мельхиседека [32].

Несмотря на важную роль, которую сыграл Григорий Цамблак в истории молдавской и русской культуры, — отмечал П. Сырку — его жизнь и деятельность изучены далеко не достаточно. Исследователи не уделяли должного внимания русским источникам, в которых имеется большое количество сведений об этом видном деятеле [30, с. 107]. Сведения о Григории Цамблаке мы находим и в других работах П. Сырку, особенно по болгаристике.

О жизни и литературной деятельности другого выдающегося представителя молдавской и русской культуры конца XVII — начала XVIII в. — Николая Милеску Спафария П. Сырку рассказал в двух статьях, опубликованных в 1885 и 1888 гг. [33, с. 335—346; 34, с. 183—196].

Статья 1885 г. была написана в связи с появлением работы французского автора Эмиля Пико о Николае Спафарии [35] и является по существу рецензией на нее. Как и в других рецензиях, П. Сырку не ограничивается простым изложением и оценкой работы автора, а приводит новые, неизвестные факты, высказывает оригинальные мысли. По мнению П. Сырку, Николай Милеску Спафарий «был одним из самых видных ученых», выдающимся эрудитом и полиглотом [33, с. 342], внесшим заметный вклад в политическую и научную жизнь тех стран, в которых он жил. Из-за постоянных скитаний Спафарий не раз подвергал свою жизнь опасности и испытывал лишения [34, с. 185]. «Личности, подобные Спафарию Николаю, — писал Сырку, — не всегда однако должны быть ответственны за свое скитальничество; их создают время и среда, в которых они живут и вращаются... Такие скитальцы или авантюристы были довольно обычным явлением в середине века в тех государствах или у тех народов, политическое и экономическое благосостояние которых было слишком шатко. Одной из таких стран в продолжении целых веков была Молдавия, родина Спафария Николая Милеску, известного в России под именем Николая Спафария» [33, с. 336].

Занимавшийся в основном вопросами историографии и древней литературы, П. Сырку заслуживает внимания и как собиратель и популяризатор молдавского фольклора. Первая статья о молдавском народном творчестве — исследование молдавских новогодних обрядов — была им написана еще в годы учебы в Кишиневской духовной семинарии [36]. Молдавский ритуальный фольклор автор рассматривал с точки зрения его связей с русским, украинским и болгарским фольклором. Сырку обращает внимание на то, что многие народные обычаи и традиции молдаван схожи с украинскими и отчасти с русскими, и объясняет это явление не только взаимовлиянием устного творчества разных народов, но и более или менее сходными условиями исторического и социального развития этих народов. Отсюда и типологическая общность народных баллад и близость многих

образов сказочного жанра. Подтверждением интереса П. Сырку к молдавскому фольклору могут служить и наброски статей, оставшихся в рукописи, в которых говорится о Груе, Марку Витязу и других героях молдавских гайдуцких баллад [37].

П. Сырку внимательно следил за всем, что публиковалось по вопросам народной поэзии в придунайских странах, рецензировал научные статьи и исследования, тем самым популяризируя их среди читателей России.

В предисловии к работе П. Сырку о народных обычаях Бессарабии, вышедшей после его смерти [38], А. И. Яцимирский отметил, что автор статьи был одним из лучших знатоков языка, истории, древней литературы и фольклора края. К услугам П. Сырку как переводчика с молдавского нередко обращались самые известные русские филологи. Именно П. Сырку обязан А. Н. Веселовский переводами памятников молдавской народной поэзии, на которые русский ученый неоднократно ссылался в своих сравнительных исследованиях. Хотя П. Сырку не был теоретиком фольклора, его бесспорная заслуга состоит в том, что он одним из первых стал активно популяризировать молдавский фольклор в России, призывал к этому и других исследователей, убеждал их в том, что изучение духовных богатств молдавского народа открывает путь к новым выводам в историко-сравнительном изучении фольклора разных народов.

На протяжении многих лет П. Сырку был действительным членом многочисленных научных обществ: исторического, археологического, этнографического и лингвистического не только России, но и Болгарии и Германии. О заслугах ученого и его активном участии в работе названных обществ писал профессор А. И. Соболевский в отчете департаменту народного образования о работе кафедры славистики Петербургского университета [39, л. 8].

Осенью 1896 г. П. Сырку изучает славянские рукописи в библиотеках Познани и Берлина, а из одного из его отчетов департаменту народного образования узнаем, что весной следующего года ему предоставляется командировка в Оксфорд и Лондон [40]. В Оксфорде наряду со многими другими рукописями Сырку изучает славяногерцеское евангелие 1429 г., созданное в Немецком монастыре Гавриилом Урикулом по поручению господарши Марины, супруги господаря Александра Доброго [41, 42]. В Лондоне он знакомится с историком и фольклористом М. Настером, который предоставляет ему две неизвестные рукописи «Поучений Нягое Басараба» [43]³.

Вернувшись из Англии, Сырку продолжает свою работу в библиотеке Чешского музея в Праге, а позднее предпринимает археологические исследования в Болгарии, у древней крепости Чепин [45].

В начале 1900 г. Петербургский университет объявил конкурс на замещение должности профессора кафедры славянской филологии. В нем приняли участие: Р. Ф. Брандт, П. А. Лавров и П. А. Сырку. С разницей в два голоса был избран П. А. Лавров [46]. П. Сырку остался без постоянной работы, оказавшись под угрозой новых материальных лишений. В этой ситуации его бывшие коллеги А. Н. Веселовский, В. И. Ламанский и другие выступили с ходатайством перед министерством народно-

³ Несколько лет спустя после смерти П. Сырку А. И. Яцимирский, опубликовавший ряд трудов своего предшественника, привел в порядок часть его материалов, касающихся славянских и русских рукописей Британского музея в Лондоне и опубликовал их [44].

го просвещения об открытии в университете кафедры романских языков, которая была закрыта по неизвестным причинам [39, л. 23—24]. Ходатайство было принято и П. Сырку возглавил кафедру. 1 января 1901 г. он возобновил чтение курса по румынскому языку [16, л. 226].

Наряду с преподавательской работой Сырку продолжает изучение истории культуры и литературы южных славян под углом отношений со средневековой культурой и литературой других балканских народов. По просьбе студентов историко-филологического факультета П. Сырку обращается к декану факультета с просьбой разрешить чтение курса по истории болгарской литературы [47].

При Петербургском университете постепенно создается и утверждается подлинная школа славистов. Из блестящей плеяды представителей славянской филологии назовем А. И. Соболевского, П. А. Лаврова, В. И. Ламанского, В. Н. Перетца, А. А. Шахматова и др. Рядом с ними трудились П. А. Сырку и А. И. Яцимирский, внесшие значительный вклад в развитие русской славистики.

Первые итоги научных достижений славистов были подведены только в 1903 г. (10—15 апреля), когда в Петербурге состоялся первый предварительный съезд филологов-славистов, в работе которого принимает активное участие и П. Сырку [48].

* *

*

В последние годы жизни здоровье ученого значительно ухудшилось. Усугубились материальные трудности, которые преследовали его на протяжении всей жизни. В одном из писем П. Сырку к А. И. Соболевскому говорится об исключительно трудном положении, в котором автор письма находился вот уже несколько лет: «Положение мое теперь до невозможности тяжелое и продолжить или переносить его нет никакой возможности. Откровенно говорю Вам, что не редки дни, в которые я могу оставаться без обеда... Эти обстоятельства отнимают у меня массу времени и сил, вследствие чего нет возможности у меня работать правильно и сколько могу... это меня весьма утомляет и вредно действует на здоровье и настроение» [49].

В конце 1903 г. Сырку с серьезно расшатанной нервной системой был положен в больницу. Его семья, довольно многочисленная, терпит большие материальные лишения, так как университетские власти не выплатили больному зарплату и не назначили пенсию. Один из его товарищей по работе, А. М. Жданов, обращается в министерство финансов с просьбой назначить П. Сырку пенсию по болезни. В заявлении читаем: «Благожение этого человека и его семейства поистине ужасно» [16, л. 302]. Благодаря этому ходатайству, а также в результате многочисленных унижительных хождений по инстанциям была добыта пенсия размером 1000 рублей в год [16, л. 304].

В 1904 г., почувствовав себя несколько лучше, Сырку совершает новую поездку по родным местам Бессарабии. Но вскоре, вернувшись в Петербург, ученый снова попал в больницу, где и скончался 23 июня 1905 г. Его похоронили на Смоленском кладбище в Петербурге. В некрологе, подписанном Е. Ф. Карским и опубликованном в журнале «Русский филологический вестник» № 3 за тот же год, о П. Сырку говорилось с похвалой, а его вклад в развитие филологической науки признавался значительным.

Действительно, П. Сырку оставил после себя ценное и богатое по фактологическому содержанию, источниковедческому разнообразию, обширности информации по истории, культуре и литературе южных славян научное наследие. Немалая часть этих материалов прямо или косвенно касается вопросов молдавской культуры. Такие работы, как «Святочные обычаи и песни у бессарабских молдаван на Рождество и Новый год» (1874), «Путешествие румынских ученых по славянским землям» (1880), «Значение румыноведения для славянской науки» (1884), «Николай Спафарий до приезда в Россию» (1889), «Остатки славянской литературы в Молдавии» (1882), «Новый взгляд на жизнь и деятельность Григория Цамблака» (1884), «Николай Спафарий» (1885), «Из истории сношений русских с румынами» (1896) и другие, убедительно показывают интерес П. Сырку к молдавскому фольклору и древней молдавской литературе, к проблеме взаимоотношений между романскими и славянскими языками.

П. Сырку, по словам В. И. Ламанского, был богатым источником информации для многих университетских преподавателей в тех случаях, когда им была необходима консультация по географии, истории, этнографии и литературе балканских народов.

Признание заслуг П. Сырку было выражено и в печати Бессарабии. Неизвестно, кому принадлежат эти слова, но они были написаны тепло и с уважением к памяти умершего: «На днях Бессарабия потеряла одного из своих талантливых сынов — П. А. Сырку, экстраординарного профессора С.-Петербургского университета. Не многие бессарабцы знали или слышали что-нибудь о своем земляке, известном ученом, научные труды которого создали ему имя не только в России, но и в ученом мире Европы. Скромный, поглощенный своими работами, он избегал всего, что создает шум вокруг имени...». Далее газета сообщала, что центральная русская пресса высоко оценила научную деятельность П. Сырку, со смертью которого русская наука понесла тяжелую утрату. Анонимный автор некролога обращался с призывом к тем, что лично знал П. Сырку сообщить что-либо о нем в редакцию газеты: «Это будет лучшим венком бессарабцев на могилу талантливого земляка, хотя было бы еще лучше, если бы мы поставили на его могиле в Петербурге хоть скромный памятник...» [50]. Сразу же после обращения в нескольких номерах кишиневской газеты появились заметки о жизни Полихрония Сырку [51].

* *

*

В настоящей статье затронуты лишь некоторые аспекты из многогранной научной деятельности П. Сырку, обращено внимание главным образом на его несомненный вклад в изучение молдавско-славянских культурных взаимосвязей. Будучи одним из немногих филологов конца XIX — начала XX в., понявших значение сравнительного изучения славянских и романских языков, П. Сырку является автором целого ряда работ, в которых он уделяет особое внимание исследованию эпохи славянизма в древнемолдавской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лауров П. А.* Научная деятельность П. А. Сырку. — Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), 1906, февраль, с. 60—78.
2. *Герман И. В.* П. А. Сырку и А. И. Яцимирский о молдавском фольклоре. — В кн.: Дружба народов, отраженная в фольклоре. Кишинев, 1961, с. 117—130.

3. *Осадченко И. Е.* Унеле консидаций але пресей русе дин сек. XIX деспре Б. П. Хашдеу.— Лимба ши литература молдовеняскэ, 1964, № 1, с. 24—29.
4. *Матковски А.* Полихроние Сырку: Скицэ биобиблиографикэ. Кишинэу, 1967.
5. *Матковски А.* Презенце молдовенешть ын публикациилие русе дин аний 1880—1905. Кишинэу, 1976.
6. Славяноведение в дореволуционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979, с. 327—328.
7. *Damian P. Bogdan.* Basarabeanul P. Sîrcu și contribuția lui la cultura romînească veche.— Arhiva romînească, t. VIII. București, 1942, p. 99—151.
8. *Damian P. Bogdan.* Legăturile slavistului Joan Bogdan cu Rusia.— In: Studii privind relațiile romîno-ruse. București, 1963, p. 181—338.
9. Дело студента П. А. Сырко. Ленинградский государственный исторический архив, ф. 14, оп. 3, № 18268.
10. Друг, 1905, 6(19) июля.
11. Библиографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета с 1868—1894 гг. СПб., 1896, с. 264.
12. ЛОААН, ф. 1, оп. 2, § 75, № 8, 1883 г.
13. ЛОААН, ф. 116, оп. 6, № 359.
14. *Ильинский Г. А.* Пергаменные рукописи П. А. Сырку.— Русский филологический вестник, 1908, т. 59, с. 350—362.
15. ЛОААН, ф. 1, д. 2, № 8, § 75.
16. ЛГИА, ф. 14, оп. 1, ед. хр. 8355.
17. *Веселовский А. Н.* Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки в старинном болгарском пересказе.— ЖМНП, 1884, январь, ч. 231, с. 81.
18. Об учреждении при С.-Петербургском университете кафедры валахо-молдавского языка.— ЖМНП, 1839, ч. 23, № 7, с. 15.
19. ЖМНП, 1884, август, ч. 234, с. 234—247.
20. *Сырку П.* Остатки славянской литературы в Молдавии.— ЖМНП, 1882, апрель, ч. 220, с. 300—305.
21. *Сырку П.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Ч. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898.
22. *Сырку П.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Ч. 2. Литургические труды патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1890.
23. Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, 1901, т. 67, гл. 7.
24. Протоколы заседаний историко-филологического факультета за 1899 г.— ЛГИА, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 16069, л. 29.
25. *Kaluzniacki E.* Die Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthimius. Wien, 1901.
26. *Ламанский В. И.* Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского.— ЖМНП, 1899, № 11, с. 101—132.
27. ЖМНП, 1899, № 12, с. 312—362.
28. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. В 2-х т. Т. 2. Л., 1976, с. 336—339.
29. *Сырку П.* Рукописные проложные отрывки в собрании Шафарика.— Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1896, т. 1, кн. 1, с. 81—92; кн. 2, с. 258—265.
30. *Сырку П.* Новый взгляд на жизнь и деятельность Григория Цамблака.— ЖМНП, 1884, ч. 236, с. 106—153.
31. *Melchisedec M.* Mitropolitul Grigorie Tamblac.— Revista pentru istorie, arheologie și filologie, 1884, vol. 1, an. 11, p. 1—64.
32. *Яцимирский А. И.* Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, с. 9.
33. *Сырку П.* Николай Спафарий.— ЖМНП, 1885, апрель, ч. 238.
34. *Сырку П.* Николай Спафарий до приезда в Россию.— Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества, 1888, т. 3.
35. *Picot Emil.* Notice biographique et bibliographique sur Nicolas Spatar Milescu, ambassadeur du tsar Alexis Mihailovici en Chine. Paris, 1883.
36. *Сырку П.* Святочные обычаи и песни у бессарабских молдаван на Рождество и Новый год.— Кишиневские епархиальные ведомости, 1874, № 5, с. 207—221.
37. ЛОААН, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 257, л. 22—23.
38. *Сырку П.* Народные обычаи в Бессарабии.— Живая старина, 1913, вып. 1—2, с. 147—180; вып. 3—4, с. 363—370.
39. ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 226, ед. хр. 74.
40. ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 150, д. 1185, л. 197—198.
41. *Сырку П.* Заметки о славянских и русских рукописях в Bodleian Library в Оксфорде.— Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1902, т. VII, кн. 4, с. 325—345.

42. Сырку П. Заметки о славянских и русских рукописях в Bodleian Library в Оксфорде.— Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук 1907, т. XII, кн. 4, с. 87—140.
43. Сырку П. К вопросу о подлиннике поучений валашского господара Иоанна Нягое к своему сыну Феодосию.— Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1900, т. V, кн. 4, с. 1284.
44. Славянские и русские рукописи Британского музея в Лондоне; Посмертный труд П. Сырку, изданный под наблюдением и с предисловием А. И. Яцимирского.— Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1908, т. 84, № 4, с. 1—86.
45. Сырку П. Старинная Чепинская крепость у с. Доркова и два византийских рельефа из Чепина (в Болгарии).— Византийский временник, 1898, т. V, вып. 4, с. 603—617.
46. ЛГИА, ф. 14, оп. 2, ед. хр. 1384, связка 503, л. 50.
47. ЛГИА, ф. 14, оп. 27, ед. хр. 626, л. 69.
48. Материалы по организации предварительного съезда русских филологов, 1903, апрель.— ЛОААН, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 423, л. 47.
49. ЛОААН, ф. 176, оп. 2, № 442, л. 16—17.
50. Полихроний Агапович Сырку: Некролог.— Друг, 1905, 1 (14) июля.
51. Друг, 1905, июль, № 68, 71.

ВИНОГРАДОВА Л. Н.

ПЕРВЫЕ ПОЛЬСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ¹

Первые шаги на пути становления польского народоведения как науки — это уже достаточно хорошо изученный вопрос. После выхода в свет серьезных обобщающих трудов [1; 2], сумевших по-новому осветить и умело проанализировать богатый документальный материал, более четко стали формулироваться характерные для начала XIX в. особенности этого сложного процесса, в том числе: связь польского народоведения с историографией и славяноведением; сравнительно быстрый переход от просветительских тенденций в оценке народной культуры к романтической ориентации и массовому «походу за фольклором» и ряд других.

Интересно отметить, что при всей массовости «походов за фольклором» при все растущей притягательности элементов собственного фольклора для польского общества, при быстро возрастающем интересе к отечественным традициям, — первые фольклорные сборники начали появляться в Польше — в отличие от других славянских стран — лишь после 1830 г. И хотя известно, что И. Лелевель начал записывать народные песни еще до 1801 г., а З. Доленга-Ходаковский осуществил уникальное для начала XIX в. собрание (до 2 тысяч) польских, украинских и белорусских песен, — ничего из этих ценных материалов не было опубликовано в тот период.

По-видимому, это обстоятельство нельзя объяснить одной только случайностью, оно связано с изначально заданной ценностной ориентацией в поисках конкретных исторических источников в фольклоре, которая не могла не привести к разочарованиям. Только постепенная переориентация, наступившая примерно с середины 20-х годов и связанная с новым, романтическим этапом развития народоведения, привела к осознанию иных ценностей в народной культуре, в том числе — художественных, и подготовила почву для широкой издательской деятельности по выпуску фольклорных сборников.

Целью настоящей статьи является изучение процесса нарастающей активизации фольклористических интересов в польской общественной мысли начала XIX в. не в сфере собирательства, осмысления и изучения фольклора — эта сторона народоведения освещена наилучшим образом, — а в сфере планов, проектов и программ, которые наиболее наглядно выражают тенденции и направления в развитии заново складывающейся науки. Анализ этих документов покажет, что некоторое отставание в деле публикации фольклорных сборников в Польше вовсе не означало также

¹ В основу статьи был положен доклад, прочитанный на польско-советском симпозиуме «Польская культура XVIII—XIX вв. и русско-польские культурные связи» (1978 г., ПНР, Неборув).

отставания в смысле теоретико-методологического уровня польского народоведения раннего периода. Мы имеем в виду первое 30-летие XIX в. — наиболее богатое программно-сформулированными инструкциями и призывами к собирательству. Политическая ситуация того периода вынуждала искать пути сохранения культурных традиций и возвеличения яркого прошлого Польши. Обращение к отечественной истории стало настолько популярным научным и общественным направлением, что начало XIX в. нередко называют «эрой историзма». Этот историзм, однако, не был уходом от трагической действительности и простым любованием героическим прошлым, — за ним стояла идея продолжающихся издревле народных традиций, которые все еще реально существовали в крестьянской среде и которые единственно обеспечивали польской нации ее неповторимость, величие и жизнеспособность.

Обращение к древности, к язычеству как к периоду этнической неповторимости польской культуры прямо привело историков к проблеме славянского этногенеза, к изучению древних обрядов и верований, к уважительной оценке наследия народной культуры, где — в отличие от элитарной культуры, сохранились в наиболее чистом виде элементы истинно народной традиции. Кроме того, отсутствие письменных источников по дохристианскому периоду направило внимание историков на устное народное творчество, в котором — как ожидалось — должны были уцелеть сведения о седой старине².

Это и положило начало собиранию описательного и текстологического материала для будущей науки — народоведения³. Цели этого собирательства были вполне конкретными: дать в руки историков источниковедческий материал, который поможет реконструировать ранние этапы общеславянской и польской истории.

Именно из этих побуждений возникли первые программы и инструкции, призывающие собирать «истинные (т. е. фольклорные. — Л. В.) источники нашей изначальной истории», — как выразился в знаменитом письме к своему издателю Г. Коллонтай. Это письмо, датированное 1802 г. и содержащее подробную программу изучения и собирания фактов народной культуры, — самый интересный и значительный документ анализируемого материала. Однако по причинам, которые будут изложены ниже, его разбор целесообразно отнести в заключительную часть настоящей статьи. Здесь следует лишь отметить, что это была первая программа польского народоведения и сформулирована она на редкость зрело и широко.

Призывы к изучению собственной истории, родного языка и народной культуры звучали прежде всего на заседаниях Варшавского Общества друзей наук, созданного в 1800 г. патриотически настроенными учеными, которые готовы были приложить все старания, чтобы утрата государствен-

² К таким ожиданиям давали повод принятые с большим энтузиазмом «открытия» Джеймса Макферсона и отдельные публикации исторических и эпических песен славян.

³ Разумеется, импульс к зарождению народоведения складывался из целого комплекса и других факторов, о которых здесь нет возможности говорить подробно и которые рассмотрены в специальной литературе достаточно исчерпывающим образом. Отметим только, что принципиально важной была переориентация историографии от описаний судеб правителей и правящих классов к истории народа и общества в целом, т. е. в сторону известной демократизации, проникавшей как в сферу идеологических элементов национального движения, так и в культурную и общественную деятельность. Осознание особой роли народа и его культуры было связано также с формированием буржуазной нации и другими сложными явлениями, сопутствующими развитию капиталистических отношений. Не последнюю роль в становлении славянского народоведения играло и общеевропейское широкое увлечение фольклором, возникшее под влиянием новых для того времени идей Иоганна Гердера, сборников Макферсона и Перси.

ности не повлекла за собой упадок нации. На первых же заседаниях Общества записывать народные песни, предания и обряды — как источники для изучения истории — призывали Ян Альбертгранди, Тадеуш Чацкий, Вавжинец Суroveцкий и др.

В 1807 г. в Варшаве была издана «Корреспонденция, разъясняющая характер польского народа и страны» — собрание 44 писем разных авторов (в большинстве своем — историков Общества друзей наук), по актуальным вопросам истории и культуры. В предисловии к ней соотечественники призывались к собиранию документов по древней истории, описаний обрядов, суеверий и преданий простого народа. С программой подобного рода выступил в этом сборнике В. Суroveцкий в письме к Я. Вороницу (письмо 29-е). Наряду с изучением старых хроник, судебных актов, монастырских рукописей, наряду с необходимостью собирать найденные при раскопках фигурки, глиняную посуду, орудия труда и проч., очень важным он считал не пропускать и записывать «фантастические народные предания о сотворении мира, человека, о потопе, небе, пекле, приведениях, ведьмах; знахарские суеверия... диковинные обряды с новорожденным, свадебные и годовые праздники — вообще все то, что имеет характер загадочности и особой неповторимости, достойно фиксации, так как при сравнении с прочими сведениями сможет порой объяснить интереснейшие и важные вещи... Кроме перечисленного, я хотел бы также иметь подробное описание свадебных церемоний и обычая каравая у русинов, их праздников и игр в определенные периоды года, как то: зажигание костров накануне Нового года, различные обычаи в последние дни масленицы, на Пасху, в канун св. Яна, перед и после жатвы, на Рождество и т. п. Народ этот при всей простоте его более привязан к своим древним обычаям, чем жители Польши, благодаря чему уже не раз луч озарения открывал мне некоторые загадки...» [3].

Это воззвание интересно тем, что в нем содержится не просто абстрактный призыв записывать образцы фольклорных жанров и народных обрядов, но уже в самом перечислении фактов ощущается определенное знание и известная ориентация в сложном лабиринте этнографических явлений, полученная, видимо, из собственного опыта полевых наблюдений. В тот период, когда научный энтузиазм и патриотические устремления отчетливо преобладали над фактическим знанием предмета, когда эти знания лишь начинали медленно накапливаться, когда большинство программ строилось на основе самых поверхностных наблюдений над жизнью крестьян и фактически с единственной целью накопления фактов для нужд историографии, — осознанная расстановка акцентов среди того, что именно следует записывать, в программе Суroveцкого обращает на себя особое внимание⁴.

Через два года Суroveцкий прочел на эту тему доклад на заседании Общества, который произвел на слушателей большое впечатление смелым привлечением не известного до тех пор этнографического материала.

Одной из форм активизации развивающегося народоведения и других наук Общество избрало организацию конкурсов по заранее заданным темам. Тематика таких конкурсов была самой разнообразной: от формулировок

⁴ Даже значительно позже, после выхода в свет первых фольклорных сборников, в период самой активной фольклоризации романтической поэзии, — народное творчество оставалось мало известным самим его пропагандистам, так как каждое направление выбирало из фольклорной традиции лишь то, что желали в ней найти: одни записывали то, что могло иметь отношение к древностям и истории, другие ценили очарование и неповторимость фольклорного мотива, загадочную таинственность обрядовых практик. И в том, и в другом случае оценочные суждения о народной культуре опережали трудоемкую работу по собиранию и изучению фольклора в его органической целостности. Интересную статью о том, что могли реально знать из фольклора поэты — романтики в 1-й половине XIX в., написала Е. Капелусь [4].

чисто практического свойства (например, «описание мест залегания польской селитры и возможностей увеличения ее продукции и экспорта») до призывов к созданию «лучшей национальной трагедии из отечественной истории, стихами написанной» [5].

Не так давно польскому фольклористу Р. Войцеховскому удалось обнаружить среди архивных документов Общества в папке дел, касающихся конкурсных заданий, интересный документ, датированный 1805 г. и подписанный Т. Чацким [6, с. 51—59]. Это — инструкция, содержащая конкретные вопросы для изучения некоторых природных и этнографических особенностей Волынской, Киевской и Подольской губерний, адресованная местным властям и владельцам имений с призывом не пожалеть усилий для познания и описания своего края по изложенным пунктам. Во вступительной части к ней говорится о необходимости изучения свойств природы, минералогических запасов, растительного и животного мира, о том, что человеческий разум может и должен раскрыть и использовать на благо обществу эти свойства природы. Для этих целей следует внимательно фиксировать даже те народные практики, которые на первый взгляд кажутся бессмысленными суевериями темного люда. Далее в девяти разделах излагаются основные пункты предполагаемых описаний; среди них, в частности, вопросы народоведческого характера: о магических обрядах, о знахарстве и целебных зельях, о защитных способах при падеже скота, о метеорологических наблюдениях и приметах о погоде, о всевозможных сохранившихся предметах старины и проч.

Инструкция наглядно раскрывает исходные посылки и цели изучения, характерные для раннего периода польского народоведения, которое началось с просветительских тенденций, с намерений внести свет знаний в жизнь простого народа. Но прежде, чем отменить ненужные предрассудки и невежество из быта крестьян, надлежало выявить рациональное зерно их знаний, накопленных тысячелетиями, и использовать их при возможности в научном обиходе. «То, что крестьянам и самому знахарю, — говорится в Инструкции, — представляется сверхъестественным из-за того, что он сделает несколько ритуальных прыжков или прошепчет несколько магических слов, или отметит направление дыма, — а в то же время даются полезные травы или определяются по каким-то признакам сроки посева зерна, — на самом деле нередко является плодом трудоемких наблюдений и опыта многих поколений. Настало время выяснить, что из этих наблюдений можно считать рациональным, а что остается лишь фантазией темного народа» [6, с. 54].

На этом основании формулируется ряд пунктов с просьбой выяснить: какого рода наркотические мази использовались женщинами, которые считались на селе ведьмами и которые сами верили, будто летали на Лысую Гору; какие травы употребляли знахари при лечении различных болезней, а также от укуса змей; какими словесными формулами и заговорами изгоняли из домов насекомых и мышей и др.

Важно отметить, что в ряде пунктов, наряду с чисто просветительскими задачами нащупать зерно рациональных знаний в суевериях народа, сквозит новая для того времени мысль (с которой и начинается фольклористика как наука) о том, что фиксация всех видов заговорных формул, а также названий и имен древних богов, «повторяемых по всей территории, может привести к определению степени языкового родства или к установлению перехода отдельных представлений и верований от одного народа к другому... может раскрыть близость древних религий у разных народов» [6, с. 55].

К сожалению, неизвестно, присылались ли в ответ на эту программу Чацкому полевые материалы, какие именно и кем.

Очень близка к этому документу по целям, содержанию и по характеру вопросов Инструкция того же года (1805), изданная Виленским университетом. Адресуясь ко всем гражданам, она призывала собирать всяческие сведения, касающиеся магии, суеверий, способов знахарского лечения и проч., поскольку — как говорилось в ней — «в народных традициях, прикрытые завесой предрассудков, скрываются иногда важные для физики, натуральной истории, медицины, сельского хозяйства и т. д. истины» [7, s. 354].

В некоторых формулировках она почти дословно совпадает с программой Чацкого. По-видимому, нельзя исключить возможности его участия в составлении обеих Инструкций, хотя авторство последней приписывается Яну Шнядецкому [1, s. 182]. Виленский университет организовывал свою деятельность в близком контакте с Варшавским Обществом друзей наук, развитие наук под его патронатом отражало в начале XIX в. те же тенденции просветительского мировоззрения.

Попытки использовать первые фольклорно-этнографические данные для развития точных и естественных наук (физики, ботаники, зоологии, минералогии), характерные для заключительного этапа научно-просветительской деятельности Общества, довольно скоро были переведены в русло более широких задач — краеведческого, хозяйственного и статистического познания и описания страны и обычаев народа.

Такого рода новая Инструкция была опубликована в Вильне в 1812 г. Разработанная при участии министра просвещения графа А. Разумовского, она состояла из отдельных разделов, посвященных разным наукам: «Инструкция к собиранию описаний по предмету истории», «...по предмету статистики», «метеорологические наблюдения» и др. [8].

Среди прочего материала Инструкция призывает записывать не только народные песни и предания, но и особенности народной одежды, жилища, музыкальных инструментов, наблюдать и фиксировать обычаи, игры, танцы, черты национального характера.

В отличие от Инструкций 1805 г., где наибольший интерес вызывала народная медицина, магия и суеверия, здесь предпринята попытка охватить более широкий круг этнографических объектов. Важным было и то, что эта программа, подписанная министром просвещения и разосланная по гимназиям и сельским школам как официальный документ, демонстрировала новое отношение просвещенных верхов к крестьянской жизни и ее древним традициям.

Таким образом, в первых программах и инструкциях, включающих разделы по народоведению, проявлялись две основные ориентации в отношении к фольклорно-этнографическому материалу. Во-первых, это попытка изучения и использования наблюдений многих поколений крестьян над свойствами окружающей природы, с которой они жили в тесном контакте. Как продолжение этой же ориентации выступало намерение, изучив весь круг традиционных предствлений в народной культуре, просветить темный люд, объяснив ему с рационалистических позиций многие непонятные и таинственные явления природы и затем с введением грамотности и элементарных научных знаний в их сознание, освободить народ от нелепых суеверий и предрассудков. Второй ориентацией в этой сфере был тот самый «историзм», основанный на патриотической идее познания прошлого своего края и народа, о котором уже кратко говорилось. Неизменный во всех первых программах акцент в пользу оценки народоведческого материала как источника для изучения истории продолжал усиливаться, изменяясь постепенно в сторону широких краеведческих исследований в целях познания настоящего своей страны и жизни народа, в целях изучения практических возможностей и ресурсов края.

Интересен с этой точки зрения «Проект создания Общества по изучению польской истории», составленный в 1804 г. неизвестным автором и предложенный на рассмотрение Обществу друзей наук. Призывая к изучению и написанию польской истории с древности до настоящего момента, автор считает святой обязанностью «каждого истинного поляка собирать материалы для этого великого начинания» [9, s. 3]. Создание специального журнала под названием «Собрание материалов для истории Польши» значительно облегчило бы, по мнению автора проекта, это трудное задание. На его страницах публиковались бы исследования по отдельным периодам отечественной истории, жизнеописания великих соотечественников, древние предания и исторические песни, топографические описания и зарисовки народных обычаев из разных районов.

Этот проект произвел, по-видимому, сильное впечатление на членов Общества и оставил известный след в дальнейших программах в области краеведческих исследований.

Ряд черт познавательно-просветительского и историко-патриотического характера проявился в очередной программе неизвестного автора — «Анкете 1813 г. в деле изучения отечественной истории, литературы, статистики и фольклористики», оставшейся в рукописи в архиве Общества.

Выдвигая на передний план собирательской деятельности интересы национальной истории и литературы, автор настаивает на необходимости изучения статистики, быта, местных обычаев и черт национального характера представителей всех сословий на польских землях. Чрезвычайно характерным было вступление к Анкете: «Несчастливому народу ничего более не пристало, как заняться историей своего края. Где искать ему облегчения, откуда взять стойкости в нынешних невзгодах, если не из воспоминаний о прошлом величии?» [10, s. 4]. Далее составитель Анкеты с горечью констатирует, что «Польша все еще остается не известной самим полякам... До сих пор нет у нас ни одного статистического описания края и его ресурсов... Кто эти истины и недостатки осознает, пусть соберет единомышленников и целью общей работы изберет подробное познание и описание своей области с точки зрения статистики и истории» [10, s. 5].

В Анкете предпринимается попытка сгруппировать все особенности страны и населения, достойные описания, по 3 разделам: «Вопросы статистики», «Вопросы истории» и «Состояние литературы». В первом разделе дается инструкция определить и описать: количество жителей данной области (в том числе — сколько крестьян, ремесленников, фабрикантов, торговцев и проч.); дать характеристику рек, озер, притоков (можно ли использовать их для сплава), лесов и гор; характер почв и залегания полезных ископаемых; количество промышленных предприятий, фабрик, школ, костелов и проч.

В отношении народной культуры Анкета призывает описывать разные обряды, фиксировать песни с нотами, которые исполняются во время обрядов, танцы вместе с припевками к ним. В разделе по истории предлагалось выявить известные в народе сказки и волшебные повести, секреты народной медицины, записать поверья, пословицы, анекдоты, собирать среди разных сословий предания об известных лицах и исторических событиях.

Таким образом, Анкета очень наглядно демонстрировала новые тенденции, направленные на разрешение актуальных для того времени задач общества в деле изучения собственной страны и народа и раскрывающие насущные потребности складывающейся буржуазной нации. Фольклорно-этнографические вопросы по-прежнему выступали в Анкете лишь как прикладной элемент истории.

Объем и размах выдвинутых в Анкете задач был безусловно значительным, однако выполнять эти грандиозные планы по тому времени было

некому. Можно смело сказать, что энтузиазм членов Общества друзей наук в области краеведческих исследований почти полностью ограничивался сферой составления проектов и программ, для реализации которых не было ни средств, ни специальных организаций, ни широкого круга помощников по всей стране.

По-видимому, это положение дел в какой-то степени осознавалось членами Общества, так как очередной проект, представленный на обсуждение в 1815 г. В. Краси́нским, содержал уже и предложения относительно способа реализации: «Мы могли бы, — говорилось в проекте, — разделить между членами Общества территорию, чтобы каждый постарался составить характеристику конкретного воеводства по следующим пунктам: а) описание поселков и хозяйств, б) земель, им принадлежащих, с точки зрения аграрной, минералогической, ботанической, в) сплав рек и виды рыбы в них, г) исторические памятники, д) одежда поселян, их обычаи, песни, традиции и предрассудки» [11, s. 103].

Этот проект в сокращенном виде повторял основные положения Анкеты 1813 г. В обоих документах очевидна практическая направленность на познание страны, ее населения и ресурсов. Фольклорные явления включены сюда несколько механически, по традиции, идущей от первых программ, составленных для выяснения древних обычаев ранней истории Польши. Так или иначе, а внимание к народной культуре не только не ослабевало в конкретных и программных формулировках, но и распространялось постепенно на все новые сферы (музыка, одежда, строительство домов, кухонная утварь и проч.).

Несмотря на невозможность реализации этих больших проектов в масштабах страны, все же нельзя признать их полностью бесполезными. Безусловно, все эти призывы к собирательству влияли на формирование общественного сознания и приносили уже некоторые результаты в области конкретных полевых записей фольклорно-этнографического материала. На страницах периодических журналов Варшавы и Вильны все чаще появлялись описания свадебного и некоторых календарных обрядов, а иногда и тексты народных песен.

Новый оборот делу придало выступление в печати З. Доленги—Ходаковского с оригинальной работой «О дохристианском славянстве» (1818). Особенностью ее была вдохновенная увлеченность предметом изучения — стариной, которая предстала перед читателями в новом свете, опозитивированном и притягательном. Не строгая ученость, аргументированность и объективная точность, к которой тяготели ученые Общества друзей наук, а порыв фантазии, исследовательский энтузиазм и убежденность в своей правоте характеризовали его труд и производили сильное впечатление на патристически настроенную молодежь.

Весьма смелым для того времени, в частности, было суждение о том, что христианство оказало пагубное влияние на своеобразие древней славянской культуры: «Звенья новой веры связали нас с прочими народами Европы, на которых мы не были похожи. И это было первым подкопом под нашу, всегда милую сердцам нашим национальность... Из-за преждевременного принятия христианства стали смываться многие отличительные черты, ослабел во многих местах дух независимости, и, просвещаясь по чуждому образцу, мы стали, наконец, чуждыми самим себе» [12, s. 34].

Сетование на утрату индивидуальной этнической неповторимости, на унификацию культуры по христианскому образцу подводило к мысли о том, что не в хрониках надо искать истоки этого этнического своеобразия и не в трудах римских историков, оценивавших славянскую старину с точки зрения христианских канонов, — а единственно в традиционной культуре простого народа, в его обрядах, песнях, сказках.

Как видим, исходные посылки для фольклорного собирательства и здесь оставались прежними — раскрыть особенности древнего периода истории Польши. По-новому звучала только мысль об этническом своеобразии и о пагубном воздействии на него христианства. По-новому формулировалось и понимание соотношения народного и национального: если народ является единственным носителем исконной национальной неповторимости, то истинно национальным можно признать лишь народную культуру, таким образом, народность становилась синонимом национальности. Этот вывод стал в дальнейшем решающим для развития романтической литературы [13, с. 30].

Особое значение в работе Ходаковского имела программа по сбору народоведческого материала. Высказав сожаление о том, что в свое время Ян Кохановский, хорошо знавший народные песни, не записывал их и не оставил записей потомкам, Ходаковский отметил, что, по его наблюдениям, старинные обряды, песни и предания уже подверглись невосстановимым разрушениям, и призывал энтузиастов поспешить на забавы и празднества в курные избы крестьян, «где в дыме, носящемся над головами, справляющие еще старинные обряды, поются песни, и среди приплясываний и приговоров звучат иногда имена забытых богов» [12, s. 25]. Современник Ходаковского, активный фольклорист-собираатель К. Вуйчицкий так охарактеризовал отношение к работе «О дохристианском славянстве»: «Эта небольшая по размеру книжица по-особому была популярна и с особым подъемом читаема молодежью. Полная новых мыслей, взглядов, показывая во мгле веков дохристианский период так красочно и поэтично, — она сильно взволновала общественное мнение... Молодежь читала этот труд не как научное исследование, а как захватывающую поэму» [13, s.80].

Выводы Ходаковского и его призывы производили впечатление еще и потому, что были результатом его собственных путешествий по селам Польши и Украины. Этот способ «добывания» материалов о славянской старине вызвал у его современников восхищение и желание подражать. Его ставшая вскоре легендарной фигура странника с котомкой за плечами и палкой в руке стала символом истинно патриотической деятельности «хождения за фольклором».

Особенно значительной для того периода была мысль о том, что собрание фольклора своей страны может послужить источником для развития национальной литературы: накопленные материалы и песни, — считал Ходаковский, — приоткроют завесу с тайн древности, в географических названиях откроется правда расселения славян, «обширный же трактат по славянской мифологии обогатит наше стихотворство и придаст ему особый характер, какого оно до сих пор не имело» [11, s. 378].

Так начинал все отчетливее складываться взгляд на народное творчество уже как на источник для национальной поэзии, а не для истории. Эстафета фольклорного собирательства постепенно переходит от историков древности в руки поэтов-романтиков. Соответственно начинает ощущаться новая ориентация в оценке фольклорного наследия: хотя все еще притягателен исторический элемент, но становится важной уже и поэтичность образа, символа, загадочность мотива, экзотика древней обрядности и проч.

Эту тенденцию значительно укрепило выступление в 1818 г. К. Бродзиньского со статьей «О классицизме и романтизме, или о духе польской, поэзии», в которой автор охарактеризовал произведения литературы с точки зрения их народности, утверждая, что «заимствование поэзии из песен и обычаев простого народа придает национальный литературе черты оригинальности и определенный характер» [15, s. 31].

Именно К. Бродзиньский выступил в 1821 г. на заседании Общества друзей наук с проектом издания сборника польских и славянских песен.

Уже давно ощущалась потребность в издании такого рода. В начале XIX в. с подобной инициативой выступил Я. Воронич, представив Обществу в 1803 г. свой проект издания «Песенника», основанного на старых традициях польского языка и включающего все то, что «христианина, человека и поляка может интересовать». Однако имелись в виду прежде всего песни религиозного морально-дидактического и исторического характера, причем старокнижной, а не устной народной традиции. «Песенник» Воронича должен был исполнить великую просветительскую миссию — внести посредством поэзии в сознание простых людей полезные знания, укрепить мораль, религиозность и патриотический дух [1, с. 36—37].

Бродзинский как будто намеревался продолжить нереализованные начинания Воронича. Доклад его на заседании Общества назывался «Заметки о необходимости издания для молодежи поэзии в виде сборника духовных⁵ и народных песен». Однако из текста проекта становится ясно, что под национальными понимались прежде всего народные песни, которые рекомендовалось собирать и записывать среди крестьян, ибо «в них содержатся следы истории, обычаи и обряды народа и его практическая философия» [16, с. 439].

Подчеркивая, что народные песни он рассматривает как одно из основных средств воспитания патриотических чувств в сердцах соотечественников, Бродзинский ссылается на соседей-славян: «Можно видеть на примере многих славянских народов, всякий след национальности которых пытается стереть господство немцев, — что единственно старые национальные песни из памяти народа не удастся искоренить» [16, с. 439]. Поэтому важным он считал дополнить собрание народными песнями других славян, близкими по языку, духу и по традициям культурного прошлого.

Таким образом, с 20-х годов фактически были полностью подготовлены условия для издания сборников народных песен в Польше: собирательская деятельность Ходаковского, теоретическая и переводческая деятельность Бродзинского, активное обсуждение проектов и программ по собиранию и изданию фольклора в кругу Общества друзей наук, пропаганда народного творчества в периодической варшавской и виленской печати, усиление славистических интересов, — все способствовало развитию тенденции возведения песенного фольклора до ранга национальной литературы и создавало предпосылки для его издания. Тормозилось это предприятие, по-видимому, затянувшимися поисками значительных эпических и исторических сюжетов, которые смогли бы стать, подобно русским былинам, сербским эпическим песням и якобы найденным чешским рукописям, — открытием общеславянского значения. Именно поэтому гораздо больше привлекали внимание польских собирателей и поэтов украинские думы, чем собственные краковяки и лирические народные и обрядовые песни.

Только после того, как в эпоху романтизма в фольклоре были замечены иные ценности, художественно-поэтическое значение, его исконно народный дух, правда жизни, простота, тогда только начали с 30-х годов появляться один за другим фольклорные сборники В. Залесского, Ж. Паули, К. Вуйчицкого и др.

Несмотря на то, что проект 1821 г. К. Бродзинского о сборнике народных песен не был реализован, основные его положения в качестве наиболее актуальных были закреплены в перспективной программе деятельности Общества друзей наук, которая с 1817 г. включала предложения

⁵ Что касается духовных песен, то имелись в виду традиции религиозных песнопений из старых польских кавтычек и канционалов типа сборников коленд о рождении Христа, о муках господних, псалмы и гимны, исполняемые во время богослужения и проч., т. е. репертуар полностью в духе проекта Я. Воронича (см. об этом [17]).

для секции музыки: «заняться собиранием народных мелодий, старинных польских полонезов и других танцев», а для секции поэзии: «стараться собрать и издать народные песни, необходимые для изучения истории народных обычаев и для воспитания нашего национального духа» [18, s. 470].

Тематика очередного конкурсного задания, объявленного в 1827 г. в рамках деятельности Общества по предложению Ю. У. Немцевича, была посвящена уже полностью фольклорной проблематике:

«Первобытные обычаи в народе удерживаются издавна, а сведения о них могут быть очень полезными для поисков следов древности. В этой связи Общество призывает заняться записыванием всех обрядов, какие, среди простого народа польского удерживаются в моменты „заручин“, свадьбы, крестин, похорон, праздников и всякого рода развлечений, обращая при этом внимание на их отличия в разных местностях. Не следует пропускать также песен, исполняемых в таких случаях или каких-либо исторических преданий. Надлежит также расспрашивать о суевериях и предрассудках, словом, необходимо тщательным образом собрать все, что может помочь раскрыть способ жизни и обычаи народа. Описания эти должны, по возможности, охватить весь народ Польши или по крайней мере его значительную часть» [18, s. 315].

Эта кратко сформулированная программа была первой, служившей исключительно целям народоведения. Она не охватывала всех фольклорно-этнографических явлений, но акцентировала внимание на плановности работы по всей территории Польши и, что особенно важно, рекомендовала фиксировать все варианты локальных отличий обрядовых и песенных форм. В этом смысле программа была составлена уже вполне научно и отражала уровень развивающейся фольклористики, которая с начала 20-х годов начала вычлняться уже в самостоятельную научную дисциплину.

На этом замыкалась деятельность Общества друзей наук по составлению народоведческих программ, проектов и инструкций. С 1831 г. развитие польской фольклористики шло уже в русле иного направления, характеризующегося конкретным собирательством, изданием фольклорных сборников и формированием теоретических концепций самостоятельной фольклорно-этнографической науки.

В заключение вернемся к первой народоведческой программе, сформулированной в 1802 г. Гуго Коллонтаем в его знаменитом письме к книгоиздателю Я. Маю. Такая хронологическая инверсия в изложении материала вызвана стремлением показать, как поразительно удалось Коллонтаю в самом начале XIX в. — при почти полном еще отсутствии заметных общественно-научных тенденций, подготавливающих восприятие и понимание этнографической проблематики — охватить все главное, что затем в течение 25 лет разрабатывалось и осознавалось как наиболее актуальное для развития национальной идеи.

Разумеется, он как и все его современники, исходил из интересов изучения отечественной истории. Анализируя в своем письме неудачный, с его точки зрения, опыт А. Нарушевича, которому для написания хорошей истории Польши не хватило именно источников, Коллонтай призвал историков начать важнейшую работу по сбору и накоплению материалов. Основной акцент в его программе делался на изучении жизни народа и его исконных традиций. Он сожалел, что историки обычно описывают старые обычаи и нравы лишь шляхты, тогда как «большие города и состоятельные люди мало отличаются друг от друга по всей Европе, так как в их обычаях мы находим почти полное совпадение, чему можно быть обязанным единой для всех религии и общему уровню образования» [19, s. 55]. Поэтому чтобы отыскать корни национальной неповторимости, необходимо познать обычаи простого народа во всех провинциях, воеводствах и

уездах, особенно же: а) отличия в языке или в диалектах одного языка, б) отличия в одежде, не только по крою, но и по цвету, в) каждый обряд семейного и календарного характера, г) народные игры и празднества, д) музыку и музыкальные инструменты, е) народные песни — исторические, погребальные, веселые, пастушеские и колыбельные, ж) сказки и исторические предания, з) суеверные практики и предрассудки как отголоски языческой религии, и) внешний облик поселян, к) способы пропитания и традиционные блюда, л) жилье и особенности строительства домов и домашней утвари, м) характер пастушеского и сельскохозяйственных занятий, а также ремесел, н) слабости и недостатки характера, о) болезни и способы их излечения [19, с. 55].

Ни одна из более поздних программ рассматриваемого периода не сумела таким исчерпывающим образом охватить все основные моменты народной культуры. Конечно, можно поставить вопрос о том, насколько научно она была составлена, — как это делает в статье «Школы и направления в польской этнографии» С. Соколович [20, с. 121]. В ней высказано мнение, что программа Коллонтая — при всей ее значительности для истории польской этнографии — не преследует никакой научной цели, а является лишь призывом к составлению реестра определенных черт и характеристик, поэтому ее можно оценить как начало коллекционирования объектов народной культуры, безразличного для конкретных целей науки.

Действительно, мы уже отмечали, что большинство программ на раннем этапе было ориентировано на собирательство с единственной целью накопления фактов для нужд историографии. Лишь в редких случаях отмечались четкие исследовательские принципы изучения и собирательства (например, терминология обрядов разных провинций и имен богов для определения степени языкового родства или близости культурных традиций разных групп славян, как в интересной инструкции Т. Чацкого). Однако для уровня знаний начала XIX в. можно считать по-настоящему ценным, что среди перечисленных в коллонтаевской программе объектов для наблюдения присутствовали не только традиционные обычаи и обряды, неизменно повторяющиеся во всех дальнейших программах, но и значительный круг фольклорных явлений, а также многие пункты, касающиеся материальной культуры (вплоть до описания обрядовой пищи и приемов ведения аграрного и пастушеского хозяйства).

Чрезвычайно важным было и осознание необходимости собирать варианты описаний с различных этнографических территорий (на это было вновь обращено внимание лишь через 25 лет в конкурсном задании Ю. Немцевича). Интересно, кроме того, что Коллонтаем были затронуты и вопросы, совершенно не разработанные в то время, в частности, о методике собирательства: кроме обязательных собственных наблюдений и записей рекомендовалось привлечь к полевой работе корреспондентов из разных областей, которые бы в соответствии с предложенной анкетой записывали на местах и присылали ученым свои описания, по возможности с необходимыми зарисовками.

Наконец, большая часть наблюдений и выводов Коллонтая о том, что народные обычаи, обряды и устное творчество могут стать источником для изучения ранних периодов отечественной истории; о том, что христианская религия унифицировала культуру разных стран и исконные народные традиции уцелели лишь в крестьянской среде; и даже о том, что фольклор своей страны может стать сокровищницей для развития национальной литературы, были, как видим, сделана задолго до Суровецкого, Ходаковского и Бродзинского, которым эти высказывания приписываются как первооткрывателям. Поэтому следует, по-видимому, признать программу Коллонтая весьма значительной для начала XIX в. и с этой исторической

перспективы оценивать ее как вполне научно сформулированную. А загадка того обстоятельства, что она прошла как бы незамеченной в общественно-научной жизни Польши первого десятилетия XIX в., могла бы объясняться неподготовленностью общества для восприятия поднятых в ней вопросов. Получилась несколько необычная ситуация, когда начало программно-этнографической деятельности было отмечено документом достаточно высокого научного уровня, а затем развитие этой деятельности пошло как бы сначала, так сказать, «от нуля», и к концу 20-х годов она достигла уровня, не намного более высокого, чем первая народоведческая программа Коллонтая. Не случайно именно на ее основе была в дальнейшем построена первая по-настоящему серьезная попытка реализации многочисленных призывов к собирательству — монументальное издание О. Кольберга.

Поэтому нельзя не разделить мнения Ч. Гернаса о том, что письмо Коллонтая завершает период пре-фольклористики в Польше и является вполне зрелой программой науки о фольклоре [21, s. 234].

Таким образом, анализ первых народоведческих проектов, программ и инструкций раскрывает основные тенденции становления и развития науки о фольклоре на этапе формирования национального самосознания, когда по словам К. Бродзиньского — «собрание предметов старины, которое в иных странах служит лишь для целей научного исследования... стало для несчастных поляков единственным утешением, поэтическим ошущением и даже политической целью» [22, s. 403].

Мы попытались показать, что призывы к фольклорному собирательству в Польше играли весьма заметную роль в общественно-научной жизни первых 30 лет XIX в. В теоретико-методологическом плане эта деятельность шла по линии, с одной стороны, «подбирания» того, что лежит на поверхности с единственной целью накопления фактов, а с другой, целенаправленность этого «подбирания» неизменно связывалась с задачами то исторического, то конкретно-краеведческого, то поэтического характера, именно эти потребности определяли, какого рода фольклорный материал записывался и публиковался в тот период.

В сущности, ни одна из рассмотренных программ не была тогда реализована, но именно их составление помогло в начальный период нащупать ряд важнейших для народоведения научных вопросов и подготовить дальнейшую кропотливую и будничную работу по собиранию фольклорных и этнографических фактов, служащих основой для создания полноценной научной теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dzieje folklorystyki polskiej. 1800—1868. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970.
2. Historia etnografii polskiej. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1973.
3. Korespondencja w materiach obraz kraju i narodu polskiego rozjaśniających. Warszawa, 1807.
4. *Kapełus H.* Romantyzm i folklor. In: Problemy romantyzmu polskiego, t. 1. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1971.
5. *Michalski J.* Z dziejów Towarzystwa przyjaciół nauk. Warszawa, 1953.
6. *Wójciechowski R.* Materiały z pierwszego okresu polskich zainteresowań folklorystycznych. — Między dawnymi a nowymi laty. Studia folklorystyczne. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970.
7. Punkta do zebrania postrzeżeń i wiadomości w przedmiotach fizycznych. — Nowy Pamiętnik Warszawski, 1805, t. 18.
8. Dziennik Wileński, t. 4, 1816; t. 5, 1917; t. 6, 1817.
9. *Kraushar A.* Miscellanea Historyczne, t. 1. — Projekt utworzenia za czasów pruskich w m. Warszawie Towarzystwa Historycznego i czasopisma peryodycznego p. t. «Zbiór materiałów do historii polskiej», Lwów, 1903.
10. *Kraushar A.* Miscellanea Historyczne, t. 2. — Próba ankiety z r. 1813 w sprawie badań nad historią krajową litaturą, statystyką i folklorystyką b. księstwa Warszawskiego. Lwów, 1904.

11. *Kraushar A.* Towarzystwo Królewskie Przyjaciół nauk. Monografia historyczna, t. 4 (1807—1815). Kraków — Warszawa, 1902.
12. *Dolęga-Chodakowski Z.* O słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem. Warszawa, 1967.
13. *Maślanka J. Z.* Dolęga-Chodakowski. Jego miejsce w kulturze polskiej i wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne. Warszawa — Kraków, 1965.
14. *Wójcicki K.* *Wł.* Warszawa, jej życie umysłowe i ruch literacki w ciągu 30-lat (1800—1830). Warszawa, 1879.
15. *Brodziński K.* Pisma estetyczno-krytyczne (oprac. Z. J. Nowak), t. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964.
16. *Kraushar A.* Towarzystwo Królewskie Przyjaciół nauk, t. 5 (1820—1824). Kraków — Warszawa, 1904.
17. Uwagi do podanego już projektu wydania Zbioru pieśni religijnych dla katolików w Królestwie Polskim. In: *Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce*, t. 12. Kraków, 1910.
18. *Kraushar A.* Towarzystwo Królewskie Przyjaciół nauk, t. 6 (1824—1828). Kraków — Warszawa, 1905.
19. *Historycy o historii. Od A Naruszewicza do St. Kętrzyńskiego (1775 — 1918).* Warszawa, 1963.
20. *Sokołowicz Z.* Szkoły i kierunki w etnografii polskiej.— *Historia etnografii polskiej.* Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973.
21. *Hernas Cz.* W kalinowym lesie, t. 1 — U źródeł folklorystyki polskiej. Warszawa, 1965.
22. *Łucki A. K.* Brodzińskiego nieznanne pisma prozą.— In: *Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce*, t. 12. Kraków, 1910.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ НА -І

Исследования последних лет, посвященные открытым в XX в. мертвым индоевропейским языкам — анатолийским и тохарским, позволяют установить исключительную архаичность морфологической структуры и функций славянских глагольных форм на *-І-. В свете этих данных становится ясным, что из двух основных сфер семантики этих форм — временной (и видовой — перфектной) и модальной — безусловно более древней является вторая. Благодаря этому выявляется и несомненное сходство модальных функций общеславянских форм на *-І с функционированием балтийских форм на -І. Рассмотрим каждую из этих групп форм последовательно.

1. *Модальные личные формы на -І в балтийском.* О древности модальных форм на -І, образованных от *es- 'быть', свидетельствует ст.-лит. esle, переводимое как лат. esto в грамматике 1653 г. Клейна в разделе «Adverbia qualitatis, 7. Concedendi: ele/tegul/ eto, it ita» [1, s. 233 = 137]; ст.-лит. esliui (Бреткунас, Jes. 10, 28, см. [2, S. 64; 3, t. 1, s. 453]). Литовская форма является явно архаической, что видно из отсутствия других подобных в литовском (приводимые Бугой, диал. шаул. eike-l' 'иди же' <*eikia-l', dúoke-l' 'дай же' <*dúokia-l' [4, s. 369, § 675] структурно отличны, но ср. к первой форме прус. eilai [5, с. 102]. Возведение формы к общепалтийскому возможно благодаря явному совпадению типа старолитовской формы с прус. boūlai. Образование модальной формы на -І в прусском не от es-, а от boū- может быть поздним образованием (см. аналогичное замечание о форме boūsei [6, S. 442]; ср. явно более архаичное редкое однотипное seisei, встречающееся один раз в отличие от boūsei, baūsei, bousei, boūse, bousai, bouse, встречающегося 12 раз), но сама форма близка к старолитовской. Прус. boūlai практически тождественно *bu-le, реконструированному Эндзелином на основании диалектных латышских форм типа byuļi 'esmi', ср. byutuļu (1 л. ед.ч. оптатива) в латгальских и любанайских говорах (в народных песнях: BW 15687, I) [7, § 247; 8, § 628, 999, s. 788, 901]. Архаическая общепалтийская модальная форма глагола бытия на -І, предполагаемая этими в конечном счете родственными формами, имеет точное соответствие в анатолийском, на что впервые указал Бенвенист [9, p. 18—20]; ср. [10, с. 166, 221; 11, с. 50; 12, с. 50; 13, с. 270—272] — в последней работе отмечается также параллель в юкагирском. Верной представляется мысль Бенвениста о том, что возведение балтийских форм к сочетанию с частицей (по Стангу родственной слав. *li, *le [6, S. 443], ср. обсуждение у В. Н. Топорова [14, с. 273], но славянская вопросительная частица может быть возведена к ностратическому отрицанию, ср. хет. le) объ-

яснялось отсутствие надежных морфологических соответствий в других языках. После того, как такие соответствия обнаружены в анатолийском, несомненной представляется принадлежность этих форм к архаическому слою индоевропейской морфологии; возможность возведения этих морфологических форм к более древним сочетаниям с частицей *-l- тем самым не отрицается, но эта возможность (относимая к более отдаленной эпохе, достижимой лишь с помощью внутренней реконструкции или ностратического сравнения, ср. семитское *lu-*, *-l-* в модальном значении ¹) не снимает самого морфологического отождествления ². Возможно, что сходный вопрос может быть поставлен и относительно сослагательного наклонения на *-l* в кельтском, где маловероятно объяснение сложением с основой *-l* [19, с. 343—344], ср. древнеирландские формы буд. вр. на *-l*; об индоевропейском и хеттском см. также [20].

2. *Модальные личные формы на -l в анатолийском.* Анатолийские модальные формы на *-l* в составе парадигмы глагола бытия представлены тремя вариантами: 1 л. ед. ч. повел. накл. *ašallu* (КВо IV 14 I 43: новохеттский период, фрагмент договора Суппилулиумаса II; предполагается древнейшая форма [21, S. 80; 22, S. 15]); *ešlut* (KUB VIII 53. 23; хеттский перевод хурритского эпоса о Гильгамеше, новохеттский или среднехеттский период), *eslit* (КВо V 3 IV 31—33, начало новохеттского периода, договор Суппилулиумаса I с правителем Хайясы Хукканой): *nu-za^aUTUŠI a-pi-e-iz li-in-ki-ya-az A.NA PA.NI DINGIR^{mēš} par-ka-iš e-eš-li-it* 'и я, Мое солнце, от этой клятвы перед лицом богов освобожден буду'. Форма *ešlit* объясняется из **-l-i-dh(i)*. Форма *ašallu* входит в парадигму повелительного наклонения с окончанием *-u*, хотя огласовка корня *a* в этой парадигме характеризуется не ед. ч. (ср. 3 л. ед. ч. *es-du*), а причастие (*aš-ant*) и 3 л. мн. ч. (*ašandu* при 2 л. *ešten*). Формы такого типа на *-allu* известны от ряда глаголов: *iyallu* 'я хочу сделать', 'да сделаю я', *ašš(a)-nullu* 'да совершу я': *nu SISKUR ŠA^{id}Ma-a-la i-ya-al-lu na-at-kán aš-pi-ul-lu* 'жертвоприношение (у) реки Мала да сделаю я, и его я да совершу' (вторая молитва во время чумы, § 8.6 [23, S. 214]), *uwallu* 'да увижу я': *na-at-za-kán na-aš-šu te-eš-ḥi-it ú-wa-al-lu na-aš-ma-at a-ri-ya-še-eš-na-az [ḥa-an-da-y] a-at-ta-ru* 'и это (причину чумы) пусть либо я во сне увижу, либо она с помощью оракула да будет установлена' (там же, § 11. 3 [23, S. 218]); контекст показателен в том отношении, что он демонстрирует полный параллелизм формы 1 л. ед. ч. повел. накл. *uwallu*, в тех же молитвах противопоставленной 1 л. ед. ч. повел. накл. мед. *uwah-ḥaru* 'да покажусь я' и 3 л. ед. ч. повел. накл. *ḥandayattaru*; формула древнее новохеттского

¹ Возможно также и сопоставление с урал. **le* 'быть' (с дальнейшими ностратическими параллелями: в сванском и др.), дающим опатив в самодийском (устное сообщение Е. А. Хелимского).

² В качестве показательного примера можно сослаться на формы медиопассива на *-g*, происхождение которых в конечном счете из частицы типа гр. *ἄρα*, лит. *iḡ* 'и', тох. В га [15, с. 194—196], а возможно и брет. га, др.-валл. гу [16, с. 279, 296] вполне вероятно, но в этом случае может относиться к очень раннему периоду (ср. частое возведение морфологических комплексов к синтаксическим конструкциям на ностратическом уровне). С этой точки зрения заслуживает внимания и сопоставление лит. *uga* с частями типа *augè* и другими производными на *-g*, предложенное Хэмпом [17, р. 7] и с *iḡ* 'и' у В. Н. Топорова [18]. Но такая этимология может увести на хронологический уровень, значительно более древний, чем тот, к которому могло бы относиться существование глагольных (и именных) форм на *-g/-ḡt-*. Сопоставление *uga* с *augè*, *iḡ* скорее представляет интерес как иллюстрация принципиальной возможности возведения предикативных форм на *-g* к сочетаниям с частями. При этом не исключена такая ностратическая этимология (дравид. **iḡ* 'быть на месте'), которая сделала бы балтийскую форму архаизмом, а указанные связи заставила бы понимать как результат происхождения частиц и союзов из глагола, а не наоборот (чему может найтись ряд типологических параллелей).

времени, так как аналогичная ей имеется в среднехеттской молитве Кантуцилиса XXX 10 В 24—28 [24, с. 16], piškellu 'пусть я часто буду отдавать' (KUB VI 45 III 66, молитва Муваталлиса богу грозы), memallu 'да скажу я' (там же, IV 42), ušgallu 'пусть я буду часто видеть' (KUB XXIV 5 II 18; ритуал замещения царя во время грозящей ему опасности), šeggallu 'да узнаю я' (спряжение на -hi, огласовка корня e, KUB XXIII 88, I 6, фрагмент письма Салманасара I хеттскому царю), aggalu 'да умру я' (спряжение на -hi, огласовка корня a <*o [25, с. 106]), haššikallu 'да насыщусь', karšallu 'да отрежу' и т. п. Архаизм ритуальных контекстов гарантирует древность формы на -(a)lu. Она может быть возведена к общехетто-лувийскому на основании сравнения с лувийско-ликийским: лув. ku-wa-ya-at-ta-al-lu 'да побоюсь я' (форма с глоссовым клином [26, S. 139, прим. 2; 27, s. 59]; lilailu (KUB XXXII 13, 6; LTU, с. 90; о значении [28, S. 134], ср. лик. pijelu 'пусть я дам'. Форма ešlut 'да буду я' представляет собой расширение формы на -lu посредством характерного для новохеттского окончания медиопассива -t, которое выделяется и в es-l-i-t (возможное образование к ešl-u-t по типу *ešt-i: *ešt-u, 3 л. ašanzi: ašandu).

3. *Тохарские герундивные формы на -l*. Приведенные данные анатolianских языков подтверждают архаизм форм на -l типа aš(a)-l-u, eš-l-u-t, eš-l-i-t, в которых с несомненностью засвидетельствовано *es-l-, совпадающее со ст.-лит. es-l-e. В настоящее время можно указать еще на одну архаическую индоевропейскую форму, доказывающую исключительно древний характер этого производного от *es-. После того, как выяснено происхождение тох. A na-sam <*no-som, B nesau <*no-sāo [29, S. 94; 30; 31, S. 158; 32, p. 112], оказывается возможным установить след того же и. — e. *(e)s-l (в сложении с начальным по-, ср. уже [15, S. 200, § 189; 13, с. 271, прим. 239], ср. ну-, п- в начале приведенных выше хеттских конструкций) в тох. A nesalle, B nasäl (гер. I и II, обозначающие необходимость, долженствование и возможность [33, 1, S. 186—187, 318], ср. следующие характерные случаи употребления этих герундивов: тох. A kusny ākrunt tsārta tām sam kropal šeš šom kalpaṃ štwar sāmudrāmtwaṃ wrāmtwāš liutār nasäl šeš 'Сколько же слез я пролил, если бы кто-нибудь их собрал, тогда в одной капле их бы оказалось больше, чем воды в трех океанах' (347a3, конструкция с имперфектом — древним оптативом šeš), kuprene waštās mā läñcāl šeš štwar dvipāntwā kākmārtik s[pä] (t feni)ntuyo kakpu cakravarti wāl nasäl šeš nāš penu tu camī spaktānikāñ na[s](lyeše)[māls 'Если бы он не стал монахом, то он стал бы царем-чакравартином, правящим на четырех материках и обладающим семью драгоценностями, я, как и ты, мы бы стали его слугами' (21a2 и след.), ku(p)r(ene sne wa)s(t) uneyam kūlewāñ waštās mā läñcām šeñc ypic [w]ä(lts puklā nasal šeš kā)s[w] äkšīññu märkampal 'Если бы женщины не уходили из дома в бездомность, тогда бы благовозвещенный закон все тысячу лет просуществовал' (332a9), ...parāṃ kälpo mā nasäl šeṃ tanāk šakk ats puk šolās... 'если бы я не был тем, кто достиг достоинств (436b5); тох. B pālka comp po traisaišše(m)ts saim nesalye subhāsitaḡavešim lant 'Посмотри на этого царя Субхашитаḡавешина, который должен быть сокровищем трех миров' (S 78. 7a3), ere wat po šaulantse pūatse ñi ste nesalle 'Неужели мне должна предостоять опасность жизни?' (Udānāl. 5a4) [34, S. 27—29, 32, 43—47, 50, 52].

4. *Древнейшие функции отглагольных именных форм с суффиксом -l*. При несомненном сходстве функций и типа образования тох. A, B *n(o)-(e)s-l 'долженствующий быть' со ст.-лит. es-le, хет. ašallu, ešlit, ešlut между ними есть и весьма существенное различие. Тохарский герундив используется предикативно со вспомогательным глаголом (ср. в 1 л. ед. ч. тох. A nasäl šeṃ 'я был бы'). Сам по себе герундив на -l является неличной формой и может быть отнесен к любому лицу, в том числе и к 1-ому л.

ед. ч. Поэтому анатолийский и балтийский (как верно отметил Бенвенист) обнаруживают несомненное диалектное единство во включении в парадигму тех форм на -l, сфера распространения которых не ограничивается только этими языками и тохарскими. В качестве модальных и временных неличных форм, позднее включающих в парадигму, они характерны также для славянского, где формы причастия на -l образуют в старославянском систему сложных конструкций, близкую к тохарской, но выступают без связки уже в древнейших западнославянских и восточнославянских памятниках (ср. [35, с. 203], ср. также [36, S. 147 и сл.; 37, S. 169]; к семантике форм см. [38; 39]). Сходное развитие реконструируется для форм на -l и в армянском (sireal 'любимый', ср. sneal em 'я рожден'). Принимавшееся еще Педерсеном [40, S. 100] родство этих форм с анатолийскими (ср. также о тохарских формах в их отношении к другим индоевропейским у Бенвениста [41, с. 97]) в настоящее время может быть оценено на фоне указанной балтийско-анатолийской изоглоссы. Сюда же следует отнести и алб. -le в отглагольных именных производных.

Б. Розенкранц высказал предположение, по которому наличие форм на *-l объединяет анатолийский (где представлены и модальные прилагательные на -l типа славянских), тохарский, армянский, славянский (а в силу указанной изоглоссы, им во внимание не принятой, и балтийский и албанский), в одну диалектную группу, для которой характерен и ряд других общих черт в глаголе — в частности, отсутствие перфекта [42, S. 7 и сл.]. При оценке соотношения между перфектом в греческо-арийской диалектной области и функционально (но не по происхождению) соответствующими ему аналитическими конструкциями в славянском следует иметь в виду, что отглагольные прилагательные на *-l, с помощью которых строился славянский перфект, восходят к весьма архаичным формам. Показательно соответствие характерных для славянского модальных значений этих форм (в частности, в сочетании со ст.-слав. *бимь*, рус. *бы* и т. п.) и функций родственных форм тохарских герундивов и анатолийского волонтиativa (оптатива). Дальнейшее славянское развитие находит точный аналог в позднеанатолийском, ср. лид. *es-l > e-l 'он был' [13, с. 270], см. также [43, S. 41, 42, 44 и др.; 42, S. 8; 44], ср. другие указанные выше примеры развития форм неизъявительного наклонения с переосмыслением их как показателей прошедшего времени.

В позднеанатолийских языках, по абсолютной хронологии значительно более древних, чем позднеобщеславянский, обнаруживаются точные соответствия результатам грамматического развития форм на -l в славянском. Для проверки гипотезы, по которой анатолийские глагольные формы на -l (а, следовательно, и все другие упомянутые выше формы других индоевропейских языков, в том числе и славянских) можно по происхождению сравнить с оптативными формами на -l в балтийском, существенны следы в анатолийском именно тех исходных именных форм, из которых могли развиться анатолийские модальные (ср. огласовку а- в ašallu, совпадающую с огласовкой причастия).

Основополагающее значение для сравнительно-исторического исследования балтийских форм типа ст.-лит. *esle* и отглагольных индоевропейских имен (прилагательных, позднее причастий) на -l и славянского перфекта, на них основанного, имеют данные архаических хеттских текстов, в особенности ритуала KUB XII 63, который отличается целым рядом исключительных архаизмов (употребление имени божества 'Реки, Потока' *Ḫapaliya* [45], другого имени бога *ḫši-šum-mi-is*, сопоставимого с др.-хет. *ḫši-u-šum-mi-iš* — древнее индоевропейское 'Бог — Нам', засвидетельствованное в надписи Анитты [46] — но см. иначе [47, S. 119]; формы твор. п. ед. ч. *ga-nu-ut*, *ki-iš-šar-ta* [48]; типично древнехеттское наци-

сание *hannešša* вместо *hanneššar*; написание *-še-si*; частица *-pa*; частота суффиговых постпозитивных местоимений). В ряду этих архаизмов, гарантирующих то, что новохеттский текст ритуала, обладающего и рядом архаических черт в самой структуре [49, с. 257—258], восходит к очень раннему древнехеттскому оригиналу, особенно выделяются два имени с суффиксом *-la*: *da-lu-ug-nu-la*, *pár-ga-nu-la* (Vs. 30', Vs. 31'), употребленные предикативно: *ma-ni-ku-wa-an-du-ša KAS^{HI.A}-uš. Ū.UL-uš da-lu-ug-nu-la kar-pa-uš HUR. SAG^{MES} Ū.UL-aš párg-ga-nu-la* 'И укороченные (*maninkuwanduš*) пути нельзя было удлинить, низкие горы нельзя было возвысить'. В данном тексте эти формы употреблены после предложений, в которых выступают соответствующие глаголы. Первый из них *dalugnu-* 'удлинять' <и.е. *d^hlug^h-neu-, хет. *daluki-*, ст.-слав. *длъгъ*, с производным на *-ostъ, общим для анатолийского и славянского (см. литературу вопроса: [50], иначе [9]); лит. *ilgas*, латыш. *iļgs*, прус. *ilga, ilgi, kuilgyimai* (*ka-ilgimai*) [51, p. 116], ср. о *Dulges* [52, с. 3; 53, с. 167; 14, с. 388]; преобразование анлаута за счет устранения *d- является ареальной чертой, объединяющей балтийский (или во всяком случае балтийские языки, известные по памятникам) с западно-индоевропейскими: гот. *laggs*, лат. *longus*, др.-ирл. *long* <*long^ho <*dlongho. Второй — *barganu* — 'возвышать', архаичный глагол с инфиксом *-n-*, вставленным в основу прилагательного — хет. *park-u-* 'высокий' <и.е. *b^hrg^hu-, др.-арм. *barjr*, ср. тип хет. *ter-n-u* 'уменьшать': *ter-u-* 'маленький' [10, с. 55, 201; 12, с. 179]. Два эти глагола в диалоге 'людей чудовищного преступления' (*LÜ^{MES} hu-ur-ki-la-aš*, где *hurki-* родственно слав. **vorgъ*, рус. *ворожить*, диал. рус. *ворожейка*, др.-исл. *vagr* [54]) с Храмом Бога Грозы выступают в начале при перечислении невыполнимых задач (Vs. 23'—25'): *UM.MA LÜ^{MES} hu-ur-ki-la-aš A.NA E DIM te-et-wa-ra-at-na-aš i-ya-u-e-ni-wa-ra-at ta-lu-ga-uš-wa KASKAL^{HI.A} ma-ni-ku-an-da-aḥ-ten ma-ni-ku-an-du-ša ta lu-ga-nu-ut-ten HUR. SAG^{MES} párg-ga-u-uš ma-ni-ku-an-da-aḥ-ten ma-ni-ku-an-du-ša [pár-ga-nu-ut-ten]* 'Люди чудовищного преступления так сказали Храму Бога Грозы: „Скажи это нам, и мы это сделаем“. — „Длинные дороги сделайте короткими, а короткие удлините. Высокие горы сделайте низкими, а низкие — возвысьте“ (к формуле 'мы это сделаем' ср. формулу признания 'мы это сделали': обе формулы восходят к дописьменному периоду истории языка).

Текст состоит из коротких ритмических отрывков, сгруппированных (согласно законам индоевропейской метрики, отраженным в хеттском языке [55]) в полуступища по 4 и 5 слогов:

/tetwaratnaš/ — 4 слога (I)
/yaweniwarat/ — 5 слогов (II)

Соответственно как ритмические можно интерпретировать и два отрывка, связанных грамматическим параллелизмом:

/manikwanduša talugnuten/ — 9 = 5 + 4 слогов (III)
/manikwanduša parganuten/ — 9 = 5 + 4 слогов (IV)

После неудачной попытки выполнить эти задачи 'люди чудовищного преступления' объясняют свою неудачу, используя те же глаголы *talugnu-* и *parganu-*, но на этот раз в отрицательных конструкциях, где за отрицаниями следуют параллельные формы на *-la* от этих глаголов: *Ū.UL-aš da-lu-ug-nu-la... Ū.UL-aš párg-ga-nu-la* (оба отрывка, опять таки ритмических, связаны грамматическим параллелизмом).

Суммируя разные грамматические интерпретации этих форм (адгортатив по Гетце, формы 3 л. мн. ч. прош. вр. по Фридриху, прилагательные по Педерсену), Б. Розенкранц указывает на необычность согласования

и сходство форм с тохарскими герундиями и славянскими причастиями на -l [42, S. 9].

Следует подчеркнуть, что речь идет об архаичных формах, сохранных в качестве пережиточных в составе фольклорного ритмически организованного текста. Розенкранц [42, S. 27] верно обратил внимание на употребление этих форм именно в контексте отрицания, что опять-таки находит разительные параллели в славянском (ср. формы на -l в контексте отрицательных конструкций). Характер согласования хеттских форм на -la заставляет думать, что они не имели обычных согласовательных форм прилагательных. Иными словами, эти формы уже находились на пути вовлечения в глагольную парадигму, в которую уже вошли и связанные с ними по происхождению формы волюнтатива типа *ašallu, ešlut, ešlit*, ср. ст.-лит. *esle*.

Кроме хеттских пережиточных форм на -la, сохранившихся в этом ритуале, к древним прилагательным на -la, восходит также хет. *arnuwala* — название особой социальной категории *NAMRAMESŠ* — военнопленных, увезенных из завоеванной земли и посаженных на землю (упоминаются уже в древнехеттских текстах). Как и *dalugnula, barganula*, слово *arnuwala* образовано от древнего каузатива (фактитива) на -nu- < *ne/ou(H) —: хет. *arnu-* ‘доставить, приносить’ (в «Хеттских законах»), др.-инд. *ṛnavati* ‘приводить в движение’ (с детерминативным значением основы на носовой [56, с. 105]), ср. *ṛbṛg arḁ* ‘ты привел в движение воды’ (RV 174, 2), греч. *ῥρῦμι* (: *ορῶω* ‘поднимаюсь, устремляюсь’). Соединение суффикса -l- с каузативом-фактитивом на -nu- указывает на модальное значение *arnuwala* означает буквально ‘те, кто могут (или должны) быть увезены со своих земель и приведены на наши земли’.

Хотя данные об употреблении форм на -la в хеттском ограничиваются приведенными тремя словами, существуют косвенные доводы, говорящие о значительно большем распространении таких форм в дописьменный период. К анатолийскому диалекту, близко родственному хеттскому, восходит лидийский язык. В нем к отглагольным формам на -l восходят, с одной стороны, инфинитивы на -l (*arvol*, ср. хет. *arnuwala*), с другой, формы 3 л. ед. ч. и мн. ч. прош. вр. *in-l (inal), ko-l, u-l, ēnal, da-vi-il, da-a-l, fēn-a-l, fēn-tro-l* (ср. **tor-* > хет. *tar-*), *kat-u-l, fenan-il, fa-at-il, e-l* ‘был’ (< **es-l*, ср. хет. *ešlut, ešlit, ašallu*, ст.-лит. *esle*) [57, с. 306—309; 43, S. 41, 42; 44; 44, p. 346—347].

Развитие лидийской формы на -l в инфинитив находит параллель в древнеармянском, где инфинитивы на -l часто используются в модальном значении. В древнеармянском наряду с инфинитивом на -l представлены и родственные инфинитиву причастные формы на -lōc (со значением долженствования) и -li. Причастные формы *aṙnlōc, aṙnli* и инфинитив *aṙnul* ‘брат’ могут быть непосредственно соотнесены с хет. *arnuw-ala-* (и лид. *arvol*).

Родственные хеттским формам на -la, лидийским на -l и армянским инфинитивам и причастиям тохарские герундивы обнаруживают, как и лидийские и древнеармянские формы, сочетание модальных значений и значений инфинитива. В предикативном употреблении инфинитив на *-tsi < *-ti (ср. балтийский и славянский инфинитив на *-tei, *-ti) редко используется в тохарском В. Обычно его заменяют модальные формы герундива на -l-. В медицинских фрагментах на тохарском В рядом используются в предикативной функции инфинитивы и герундивные формы на -l-, причем писец отдает явное предпочтение этим последним [58, S. 741—748; 59, с. 220 и сл.]: *te pākšälle šälype lipätsi* ‘Это надо сварить (модальная форма на -l), масло оставить’ (инфинитив на -tsi) [60, P3a4]; *šälype šeme päke mal-kwersa pākšälle se šälype päścane sanäpatsi te no šar tsuwäsälle* ‘масло в

равных долях с молоком надо варить (модальная форма на -l-), это масло в грудь втирать (инфинитив на -tsi), это же, однако, надо сверху добавить' (модальная форма на -l-) [60, 34a3 и сл.]. В качестве одной из многочисленных типологических параллелей можно указать на модальные функции инфинитива на -l в некоторых современных славянских языках [59, с. 221 — с литературой].

С точки зрения типологии семантической эволюции форм, имеющих общее индоевропейское происхождение, важно то, что тохарские формы на -l соответствуют формам, также имеющим наряду с другими функциями модальное значение в анатолийском и в славянском, возможно, и в балтийском, сопоставимое и с модальными функциями инфинитива и родственных инфинитиву причастий в древнеармянском. По грамматической семантике с этими формами сопоставима и недавно исследованная группа имен на -le > -jë в албанском, структурно соответствующая тохарским герундивам [59].

Для доказательства древней роли подобных модальных образований в индоевропейских диалектах существенны данные умбурского языка, где соответствующие формы на -l обнаруживаются в роли будущего времени (*Futurum exactum*): entelust 'imposuerit', apelust 'impenderit'.

Постепенное развитие от глагольных имен в причастные модальные образования и далее в личные формы (типа ст.-лит. esle, хет. ešlut, ešlit) легче всего можно проследить на материале тохарских герундивов. Некоторые из них могут быть этимологически отождествлены с хетскими формами на -lu, ср. хет. iyallu 'я хочу сделать, да сделаю я' и тох. A yal: ñi kāsū yal 'я должен сделать добро', 443a3; mānt yal ñi 'как должен я сделать', 71a1; māt yal tākis 'Как нужно (что-либо) делать?', 10a4 (сочетание с глаголом-связкой tākis); tamne wkālnyo| āklyā yal 'Таким образом нужно сделать учение', 253a6 (предикативное употребление формы yal в значении долженствования без связки); tāmyo ptañkte yārk skamat yal knānmāntār 'Поэтому почитание Будды должно постоянно совершаться мудрыми' 17b3; (ša)kk atsek tsopatsām prati hari pākkrāši yal 'Конечно должно сотворить великое чудо', 259c.1a8; хет. piškellu 'пусть я часто буду отдавать' (<*p-(a)i-skē-l-u) и тох. A ešal <*ais(k)el-: ... nati ešlyām praštā nati kot rākštsāšši 'Во времени, когда нужно было дать (ešal) силу, он разбил силу ракшасов (демонов)' 11a3 след.; тох. B aisle 'должно постоянно дароваться' [61, К ба5: sessatatte rine meskeše [m] cānem aislyi tākam 'Шепадатта в городе должен отдать связки этих денежных переводов' (MQ 23.4, монастырское хозяйственное письмо; неправильное согласование в числе, объясняющееся, очевидно, плохим знанием языка писцом); Āḡyāwarnebtse aisle 'нужно отдать письмо Арьянварме' [33, 1, S. 186, § 318].

Хотя в тохарском герундивы могут встречаться и в своем более архаичном атрибутивном употреблении, тем не менее характерно предикативное использование их в конструкциях с глаголом-связкой (кроме уже приведенных примеров см. также: тох. B yamalle šait 'сделайте обязательно' в монастырском письме [33, 2, S. 74, XXXIV, строка 5] и без глагола-связки: тох. B pontas srukelle 'Все должны умереть — omnibus moriendum est', надпись на стене [34, S. 18]; ce šarmtsa pañāk [tā]mñe pelaikne posa špālmem kārsanall(e) 'по этой причине закон Будды лучше всего познается', M. 169. 962; kuñcitasse salywe balāmpa klyauccasi yamašle sugantāmpese pākšälle rittāšle malk[w]er traiwompa cukkrikāššumpa śatāwarimpa waip-tār pākšälle anuwasām yamašle yente kaušēca, Y2a6. 'Из масла кунжута вместе с бала нужно сделать (yamašle) пасту и сварить ее нужно (pākšälle) вместе с сухандха; нужно добавить (rittāšle) молока, с обычной примесью, чукра, икшу и шатавари по отдельности все это нужно сварить (pākšälle). Клистир нужно поставить (yamašle), чтобы ветры уничтожить'; kuñcitāšše

šalype šak traunta malkwersa päksalle 'кунжутное масло, десять мер, вместе с молоком нужно сварить', W4b2; palkas oko oktaceri samvarntse svi tot orotse tusa paššalle 'Смотрите, плод такого восьмикратного самовоспитания так велик, поэтому надо его совершать' (paššalle, и.-е. *pāška- [62]), Udānāl. 23a2; tusa preksälle šsek pälsk[ol] 'Поэтому всегда нужно спрашивать дух', MQR 36b5; po wāntane [i(m)e] uparwe yamalīenta yamašālona 'Во всяком случае дела надлежит делать обдуманно', S. 66, 3b2; (ke)ktseñe ukāmse lkāšlya 'На тело нужно смотреть с отвращением', Udānāl. 9a3; warāssālyñesa wīkāššalle eñkā [l] 'Страдание надлежит прогонять упражнением', H149.46b4. Следует обратить внимание на отрицательные контексты употребления, сходные с приведенными хеттскими: tox. A sāmam mā pōmā kenāl 'его не надлежит называть именем „монах“, 338b6; mā sural '(ты) не должен быть озабочен', 107a5; ptāñ(kte) yārkañtyo kāwāntenāp[malsim-sāl] 'почитаниями Будды прекрасный не должен быть сыт', 17b5; tox. B mā yalle ste 'тогда не надо было (связка ste) бы уходить (yalle)', S.57. 1b7; emallene ukuwešeri ma yokalla 'пришедший в жару не должен пить' (yokalla от yok-, ср. хет. aku- 160, St. 62); postāñe rano keriyemane waiyke mā weššälle 'в конце концов даже и улыбаясь не следует говорить ложь', MQR32a10; emprakwassai mā pḱwa[l]y 'Ненадежному не следует доверять', H149.15b3.

Приведенные тохарские конструкции позволяют предположить, что древнехеттское и славянское, как и албанское, употребление форм на -l в контексте отрицания восходит к достаточно древним особенностям грамматической семантики этих форм.

Для сравнительно-исторической грамматики славянских языков особое значение имеет открытие Томаса [63], указавшего, что тохарские формы на -l, tox. B -lye возводятся к и.-е. *-lo, т. е. к формам, тождественным древнехеттским на -la. К таким же предикативным конструкциям возводятся и северновеликорусские (в частности, древненовгородские) формы на *-le > -ле (*дале, покосиле*), которые по форме и функции непосредственно отождествляются с тохарскими. В славянских формах можно видеть непосредственное продолжение индоевропейских форм casus indefinitus, которые достаточно давно предполагались в общиндоевропейском, а в настоящее время выявлены в древнехеттском [64], где к их числу следует отнести и barganula, dalugnula в предикативном употреблении.

5. *Древнейшие суффиксальные образования на -l-*. Розенкранц в своем исследовании группы диалектов, обнаруживающей формы на -l типа анатолийских и славянских, обратил внимание на то, что в эту группу диалектов входят те, в которых представлен архаический пласт суффиксальных основ на -l- [42, S. 9, § 7,5 и сл.].

В этой связи следует подчеркнуть, что такие образования есть не только в славянском (о чем пишет и Розенкранц в своем исследовании, ср. о типе рус. *снүлмый* [65, S. 73]), но и в балтийском. Соответствующий обстоятельный раздел в сравнительной грамматике балтийских языков Эндзеліна начинается утверждением, согласно которому с помощью суффикса -lo- образовались прилагательные от глаголов [66, s. 90, § 134; 8, s. 340 и сл.]. Речь идет о типе лит. *kūšlas* 'слепой, подслеповатый, маленький, глухой, заросший (о саде)' (LKŽ VI, с. 994; *kūšlas arklys*; *anas kūšlas in akių*; *Visi turėjo kūšlūs piemenis*; *Ir Petrienes vaikelis kūšlas*; *kušla kumelė*), латыш. *kusls* 'пеловкий, маленький, слабенький' (*lai tā sieva, kur tā sieva, kur tā; kuslās dvēselītes, BW 20870*), прус. *kuslains* 'schwächste' [51, p. 100; 67, s. 328; 68, s. 163, ср. латыш. *kust, kustu, kusu* 'таять' (переносн.: *ai dieviņ, sirdis kūst*; *kas balsnīti klausījās, BW 443*), 'уставать'; латыш. *gufls* 'усталый'; ср. латыш. *guřt, guřstu* 'ослабевать' (*vējš gurst* 'ветер затихает'), лит. *guřsti, guřsta, guřdo* 'хилеть, хиреть', 'терять время']; ла-

тыш. jukls 'спутанный, хаотический'; ср. латыш. jukt, jūku, juku 'приходить в беспорядок, запутываться' (istajām māsiņām jūk valuodu runājuot, BW 307), jaukt 'смешивать', jāut, лит. jaukti 'смешивать, перемешивать, приводить в беспорядок'; латыш. spīrgls 'живой', ср. латыш. spīrgt 'освежаться, усиливаться', лит. žiemó—spirgis [3, II, s. 129]; латыш. tukls 'жирный, дородный' (лит. tuklūs), ср. латыш. tukt 'гучнеть', лит. tūkti; лит. dāglas 'в белых и черных пятнах', dēglas, латыш. dagls, dafla, cuka (BW 21225, 9), dēgls (BW 22328), аугшземн. dogls (BW 21225, 9), ср. латыш. degt, лит. dėgti (см. [3, III, s. 365], с анализом всего этого типа отглагольных прилагательных на -la-), ср. славянские формы причастия на -l- от родственного глагола (отличающегося исключительной нерегулярностью форм: [69, p. 119, § 15.845, p. 164, § 9.2, p. 204—205, § 21,3, примеч. 98; 70, p. 162, § 7.104]; лит. āklas 'слепой', латыш. akls (ср. лит. arākti 'слепнуть', лит. akis 'глаз' при лат. oculus с противоположным значением, хет. šakuwa- 'глаза', šakuwai- 'видеть', гот. saihvan, др.-исл. sjá, др.-в.-нем. sehan, др.-англ. seon (с соответствиями в алб. shoh 'вижу' < *sēk^w-sk-, ср.-ирл. arseche 'он должен вас видеть'); лит. mēklas 'заикающийся' (LKŽ VII, s. 1022), ср. лит. meknóti [68, s. 163].

Наличие целой группы таких производных на *-lo- существенно в том отношении, что оно позволяет реконструировать древний тип отглагольных имен, которые могли послужить основой для образования в дальнейшем модальных форм типа ст.-лит. esle. Для сопоставления с производными на -l- и -li- в других диалектах (армянском и тохарском) представляют интерес также балтийские имена деятеля типа лит. keiklys 'ругатель' (LKŽ V, s. 486), латыш. bēglis 'беглец', ср. также к семантике формы на -ala- типа лит. miegalas 'соня'. Соответствующие производные на *-lo- характерны и для западно-индоевропейских диалектов типа иллирийского, см. о типе Οἰβαλος, Δύαλος, Debalus, Fervalus, Cerbalus, Κάμβαλος, Ἀψαλος, Βάρραλα, Cretalus, Vocalus [71], а также οΚανδαῖλος [54]. В детальном исследовании, посвященном именам этого типа в иллирийском, Краэ указал на то, что в конечном счете к тому же типу восходят славянские причастия (имена деятеля) на -l- [71, S. 166]. В качестве более непосредственного соответствия этому иллирийскому типу Краэ приводит латинские производные типа *figulus*: *tingo*, *dis-cipulus* (:*dis-cipiō). Как замечает Краэ, «сюда же относится также *oculus* 'глаз' (к и.-е. *oq^u- 'видеть'), собственно 'тот, кто занят видением' (= 'орган зрения') [71, S. 165], ср. предложенное Бугой [3, II, S. 293] сопоставление лат. *oculus* с лит. *āklas* 'слепой', латыш. *akls*, позволяющее установить древнее тождество основы на *-lo- в балтийском и италийском (см. также [72, с. 306]). Соответствующая группа имен на -elo- выявляется и в древнегерманском (др.-в.-нем. *butil*, др.-англ. *bydel*; др.-в.-нем. *biotan*; др.-в.-нем. *wartil*: *warten*; др.-в.-нем. *sluzzil*, др.-сакс. *slutil* 'ключ': др.-в.-нем. *slio-an* 'закрывать'; др.-в.-нем. *zugil*, др.-англ. *tugel*, др.-исл. *tugill*; гот. *tiuhan*, др.-в.-нем. *ziohan* [73, S. 48, § 90]; возможный след того же типа представляет и отдельные греческие имена на *-lo-, ср. μηγαλο-: гот. *mikils*, др.-в.-нем. *mihhil*, сопоставляемое с типом др.-хет. *genzuwala-* 'дружественный': *genzu* [71, S. 167].

Исходное образование отглагольного имени на -l-, отраженное во всех основных группах индоевропейских диалектов, следует признать общеиндоевропейским. Для значительного числа диалектов — хеттского, тохарского, умбрского, древнеармянского, славянского и балтийского, отчасти и албанского — общим оказывается раннее предикативное использование этих форм в модальном значении, приводящее к их постепенному вовлечению в глагольную парадигму. Употребление тохарских (а частично и древнеармянских и умбрских) форм полностью аналогично модальному использованию форм с причастием на -l- в аналитических конструкциях

в славянском, тогда как в анатолийском и балтийском на основе сходных конструкций развиваются парадигматические формы волюнтатива.

Характерно модальное значение изолированных (и потому архаичных) древнехеттских предикативных прилагательных на *-la-*: *dalugnula* '(те, которые) нужно удлинить', *raganula* '(те, которые) нужно возвысить' [74], ср. *agnuwa* 'те, которые должны (или могут) быть уведены' [75], родственное лид. *agv-ol* (3 л. пр. вр.). Подобные анатолийские предикативные отглагольные именные формы с модальным значением, видимо, лишь включившись в парадигму повелительного наклонения, сравнительно поздно (но еще на хеттолувийском хронологическом уровне) получили в формах «волюнтатива» типа *ašall-u*, *ešl-u-t* (с мед. *-t < *-dh*) окончание повел. накл. *-u*. Поэтому их можно сравнить с тохарскими герундивами на *-l-*, имеющими значение долженствования. Для типологического сравнения с функцией тохарских форм особый интерес может представить лид. *inal*, используемое в функции будущего времени. К таким именным отглагольным образованиям, родственным основам на *-l-* типа лит. *aūlas* (от *aūti* [68, с. 162 и сл.; 66, с. 91]), восходят и производные на *-l* в некоторых других индоевропейских языках, где, однако, из них не развиваются модальные формы [42, S. 9 и сл.].

Если предлагаемое истолкование балтийских форм типа ст.-лит. *esle* окажется верным, то тем самым в балтийских языках будет обнаружено соответствие славянским формам на *-l-*. В частности, форма на **-l-*, отраженная в прус. *boūlai*, латыш. диал. **bū—l(e)* (*byutuļi* и т.п.) может быть в конечном счете этимологически тождественна основе ст.-слав. прич. *быль* ж.р. *была*. Семантическое различие между модальными значениями балтийских форм и преимущественно временным у славянского причастия отвечает другим типологически сходным случаям переосмысления древних модальных форм как временных ср. [5].

СОКРАЩЕНИЯ

Бреткунас — Scheschta dalis Biblios Lietuwischkos. Jano Bretkuno perguldita. Metusa 1680; BoTU — Forrer E. Die Boghazköi-Texte in Umschrift, Bd. 2. Leipzig, 1926; BW — Barons K. un Wissendorfs Latwiju dainas, I—VI. Jelgawā — Petrogradā, 1894—1915; KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig — Berlin, 1916—1980; KUB — Keilschrifturkunde aus Boghazköi. Berlin, 1901—1980; LKZ — Latviešu kalbos Zodynas, I — Vilnius, 1940—1980; LTU — Othen H. Luvische Texte in Umschrift, Berlin, 1953; MQ, MQR — Тохарские тексты по музейным шифрам; RV — RgVeda; Udānāl. — Udānālavarga (перевод на тох. В).

Тохарские (А) тексты цитируются по изданию: Sieg E., Siegling E. Tocharische Sprachreste. Sprache A. Berlin, 1922.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pirmoji lietuvių kalbos gramatika 1653 metai (M. Danielis Kleinii Gramatika litvanica et compendium litvanico—germanicum). Vilnius, 1957.
2. Bezenberger A. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache auf Grund litauischer Texte des XVI und XVII Jahrhunderts. Göttingen, 1877.
3. Būga K. Rinkiniai raštai. Vilnius, t. I, 1958; t. II, 1959; t. III, 1961.
4. Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.
5. Иванов В. В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. М., 1981.
6. Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966.
7. Endzelins J. Senprūšu valoda. Rīga, 1943.
8. Endzelins J. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951.
9. Benveniste E. Hittite et indo-européen. Paris, 1962.
10. Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1963.
11. Иванов В. В. [Рец. на кн.:] Benveniste E. Hittite et indo-européen. — Вопросы языкознания, 1963, № 4.
12. Иванов В. В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.

13. *Иванов В. В.* Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.
14. *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь А—Д. М., 1975.
15. *Watkins C.* Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. (Indogermanische Grammatik, Bd. 3, T. 1). Heidelberg, 1969.
16. *Hemon R.* A historical morphology and syntax of Breton. Dublin, 1975.
17. *Hamp E. P.* *gra.* — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1974, vol. XVII, p. 7—8.
18. *Топоров В. Н.* Lit. *gra*, lett. *ir* und ihre Vergangenheit im Lichte der Gaschichte und der linguistischen Typologie. — Zeitschrift für Slawistik, 1978, Bd. XXIII, Ht. 5, S. 617—627.
19. *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. Пер. с англ. М., 1954.
20. *Solta G. R.* Der heth. Imperativ der 1 Per. Sg. und idg. *l* — Formans als quasi-desideratives Element. — Indo-Germanische Forschungen, 1970, Bd. 75, S. 44—84.
21. *Eichner H.* Die Vorgeschichte des hethitischen Verbal-system. — In: Flexion und Wortbildung. Akten der V Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft. Wiesbaden, 1975, S. 71—103.
22. *Oettinger N.* Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979.
23. *Götze A.* Die Pestgebiete des Muršiliš. — Kleinasiatische Forschungen, 1929, Bd. I, Ht. 2, S. 161—251.
24. *Kammerhuber A.* Orakelpraxis, Träume und Vorzeichensschau bei den Hethitern. (Texte der Hethiter 7). Heidelberg, 1976.
25. *Фридрих И.* Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.
26. *Güterbock H. G.* Notes on Luwian studies. — Orientalia, nova series, 1956, v. 25, fasc. 2, p. 113—140.
27. *Laroche E.* Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959.
28. *Otten H.* Hethitische Totenrituale. Berlin, 1958.
29. *Bader F.* Le présent du verbe «être» en indo-européen. — Bulletin de la Société de linguistique du Paris, 1976, t. LXXI, fasc. 1, p. 27—411.
30. *Bédel F.* Vieil irlandais *no*, *no* — et les formes tokhariennes apparentées. — Études celtiques, 1975, vol. XIV, fasc. 2, p. 391—403.
31. *Klingenschmitt G.* Tocharisch und Urindogermanisch. — In: Flexion und Wortbildung. Akten der V Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft. Wiesbaden, 1975, S. 148—163.
32. *Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park, 1980.
33. *Krause W., Thomas W.* Tocharisches Elementarbuch. Bd. 1—2. Heidelberg, 1960.
34. *Thomas W.* Die tocharischen Verbaladjektive auf *-l*. Berlin, 1952.
35. *Кузнецов П. С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
36. *Vondrak V.* Vergleichende slawische Grammatik, Bd. 2. Göttingen, 1928.
37. *Leskien A.* Handbuch der albulgarischen Sprache. Heidelberg, 1922.
38. *Бородич В. В.* К вопросу о значении перфекта в болгарском языке. — В кн.: Славянская филология, вып. 4. М., 1963.
39. *Galton H.* Aorist and Aspekt im Slawischen. Wiesbaden, 1962.
40. *Pedersen H.* Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938.
41. *Бенвенист Э.* Тохарский и индоевропейский. — В кн.: Тохарские языки. Под ред. В. В. Иванова. М., 1959, с. 90—108.
42. *Rosenkranz B.* Die Entstehungsgeschichte der indogermanischen verbal Flexion. Arbeitspapier № 16. Universität Köln, 1971.
43. *Gusmani R.* Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964.
44. *Meriggi P.* Schizzo grammaticale dell'anatolico. — Atti della Academia Nazionale dei Lincei, Anno CCCLXXVI — 1980, Memorie, Serie VIII, v. XXIV, fasc. 3.
45. *Watkins C.* 'River' in Celtic and Indo-European. — Eriu, 1973, v. 24, p. 80—83.
46. *Watkins C.* God. — In: Antiquitates Indogermanica. Innsbruck, 1974, S. 101—110.
47. *Neu E.* Der Anitta—Text. (Studien zu den Boğazköy—Texten 18). Wiesbaden, 1974.
48. *Watkins C.* Hittite *ga-nu-ut* 'by the jaws'. — In: Indo-European Linguistics I. Cambridge, Mass., 1972, p. 87—99.
49. *Иванов В. В.* Из семантических комментариев к клинописным хеттским текстам. — В кн.: Philologia Orientalis IV. Тбилиси, 1974.
50. *Иванов В. В.* О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 2. М., 1957.
51. *Schmalstieg W. R.* An Old Prussian grammar. University Park, 1974.
52. *Отрепский Я.* Язык ятвягов. — В кн. Вопросы славянского языкознания, вып. 5, М., 1961.
53. *Савукина Б.* К проблеме западнобалтийского субстрата в юго-западной Литве. — Baltistica, 1966, I (2), с. 165—176.

54. Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка.— Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1975, № 5.
55. Иванов В. В. Комментарии.— В кн.: Луна, упавшая с неба. Пер. с древнемалоазиатских языков, вступительная статья и комментарии В. В. Иванова. М., 1977.
56. Елизаренкова Т. Я. Значение основ презенса в «Ригведе».— В кн.: Языки Индии М., 1961, с. 91—165.
57. Хойбек А. Лидийский язык.— В кн.: Древние языки Малой Азии. М., 1980, с. 288—321.
58. Thomas W. Die Infinitive im Tocharischen.— In: *Asiatica*. Leipzig, 1954.
59. Иванов В. В. К типологии инфинитива в балканских языках.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976, с. 216—230.
60. Filliozat J. Fragments des textes koutchéens, de médecine et de magie. Paris, 1948.
61. Lévi S. Fragments des textes koutchéens. Paris, 1933.
62. Иванов В. В. К этимологии русского *насти*.— В кн.: Сборник статей по языкознанию памяти М. В. Сергиевского. М., 1961.
63. Thomas W. Zur formalen Problem bei den Verbaladjektiven des Tocharischen.— *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1977, Bd. 91, Hft. 2, S. 256—265.
64. Neu E. Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen.— In: *Hethitisch und Indogermanisch*. Innsbruck, 1979, S. 177—196.
65. Arutunjan P. Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen, Bd. II. Heidelberg, 1976.
66. Endzelīns J. Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948.
67. K. Mühlenbacha Latviešu valodas vārduca. Red. J. Endzelīns, s. II. Rīgā, 1925—1927.
68. Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
69. Lunt H. G. Old Church Slavonic grammar. The Hague — Paris, 1974.
70. Schmalstieg W. R. An introduction to Old Church Slavic. Cambridge, Mass., 1976.
71. Krahe H. Das Suffix *-alo-* in illyrischen Eigennamen.— *Revue des études indo-européennes*, 1947, t. 2, fasc. 1—2, p. 159—169.
72. Иванов В. В. Глаз.— В кн.: Мифы народов мира. Т. I. А—К. М., 1980, с. 306—307.
73. Kluge F. Nominal Stammbildungslehre. Halle, 1926.
74. Pedersen H. Hittite *dalugnula* and *barganula*.— *Journal of Cuneiform Studies*, 1947, vol. I, N 1, p. 61—64.
75. Alp S. Die soziale Klasse der NAMRA—Leute.— In: *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung*, Bd. I. Heidelberg, 1950.

ИВАН БУЮКЛИЕВ

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНИХ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Вопрос о влиянии культурной традиции Кирилла и Мефодия на формирование западнославянских литературных языков в средние века выглядит на первый взгляд абсурдным. Самые ранние переводы библейских книг на древнечешский и древнепольский возникают между XIII и XV веками, на лужицкий даже в XVI в. Их появлению предшествует продолжительный период господства латинского языка в культурной сфере, и местные формы проникают только в отдельные глоссы лапидарного характера. Так что началом средневековых западнославянских литературных языков можно считать время только три столетия спустя после распада Великой Моравии. Все это как будто исключает наличие точек соприкосновения между великоморавской литературной традицией, возникшей на древнеболгарской (старославянской) основе, и первыми текстами на древнечешском, древнепольском и лужицком языках.

И все-таки проблема существует, она пространно обсуждается еще в переписке Й. Добровского с Ф. Дурихом [1, с. 65—67].

Из-за сложности указанной проблемы здесь будут рассмотрены только некоторые ее аспекты. Я постараюсь разграничить специфику взаимодействия двух культур для каждой отдельно взятой страны.

Появление самой старой славянской литературной традиции — древнеболгарской — нужно рассматривать, с одной стороны, в зависимости от внутренних процессов, характеризующих развитие болгарской народности на том этапе, с другой стороны — имея в виду исключительную роль Кирилла и Мефодия как создателей славянской письменности и первых переводов.

С основанием в 681 г. болгарского государства начинает постепенно создаваться культурный наддиалект, связанный с новыми общественными функциями языка. Его превращение из племенного в общий язык народности при сложном взаимодействии между славянской и протоболгарской этническими группами (федеративный характер государства благоприятствовал относительной самостоятельности этих групп) и влияние развитого византийского греческого языка безусловно сыграли роль в его общем обогащении новыми лексическими и синтаксическими средствами. Одновременно с этим замечательная личность Константина Философа, который показал себя блестящим знатоком не только языка соседних славян, но и ряда других восточных языков, бесспорно, проявляет себя при осуществлении первых переводов. Неслучайно чешский славист М. Вайн-

гарт считает эти переводы событием, которое в жизни народов происходит «раз в несколько столетий» [2].

Первые переводы, которые были принесены в Великую Моравию Кириллом и Мефодием, написаны на древнеболгарском (старославянском) языке. Он близокродствен языку моравских славян и функционирует наряду с формирующимся здесь культурным языком. Некоторые ученые допускают возможность существования кратких богослужебных текстов еще до прибытия Кирилла и Мефодия в Великую Моравию. Это предположение опирается на тот факт, что крещение моравских славян предшествовало миссии Кирилла и Мефодия. В Великой Моравии возникают и новые переводы. Апракос дополнен до четвероевангелия; возможно, осуществлен и полный перевод библии (за исключением книг Маккавея), о чем сообщается в Житии Мефодия (гл. XV). Некоторые тексты содержат более определенные западнославянские черты, ярче всего это видно в Киевских листках и Пражских фрагментах. Ср. *оубъдѣца, подѣза, надѣ оплагѣма* (КЛ), *розѣсо, на соудишии модриткѣ* (ПФ). Отдельные моравизмы, особенно лексические, проникают и в другие тексты. Из наиболее характерных моравизмов обычно указывают *гѣлѣ* вм. *апостола*, *крилатѣца* вм. *ангелѣ*, *непризна* вм. *диавола* (во всех случаях употребляются славянские слова вместо явных грецизмов), *вѣсѣ*, *рачиги* и др. Однако не все моравизмы несомненны. Например, слово *вѣсѣ* широко распространено в болгарских говорах именно с тем значением, с каким оно встречается в евангельских текстах: 'злой дух, нечистая сила', 'дьявол'. Это слово дается и в Словаре болгарского языка [3]: *бѣс, бѣсът, бесове* — *бѣса* (счетная форма) — злой дух, нечистая сила, которая искушает человека. Ср. А. Константинов: *Единият спомен за него прави да кипва цялата моя демонска натура, като че ли всички бесове на ада изпълват моите гърди и се силят всичките да изригнат през устата ми.* ('Только одно упоминание о нем будоражит всю мою демоническую натуру, как будто все черти ада заполняют мою грудь и пытаются все скопом выскочить изо рта'). Д. Талев: *Заплакаха, завиха много от жените... някои се кръстежа непохватно, споменаваха Исуса Христа и Богородица, но много по-често споменаваха Перун и злите бесове.* ('Заплакали, запричитали женцины... Некоторые неловко крестились, вспоминали Исуса Христа и Богородицу, но значительно чаще вспоминали Перуна и злых чертей'). Показательны проклятия типа: *Бѣсът да те вземе* 'черт тебя возьми' (вм. *Дявол да те вземе*), *Бесовете да те ядят* 'чтоб тебя черти съели' и т. д. К этому можно добавить и словосочетание *бѣс знае* = *дявол знае* 'черт его знает'. Ср. П. Славейков: *Ще види бой и бой.../Ще види гробища... А сила не остана,/ и бѣс знай до кога така ще продължи.* ('Будет бой, будут могилы... А сил не осталось, и чертего знает, сколько это еще будет продолжаться').

Бесспорными моравизмами считают *мънихъ* (Еух) вм. *монахъ*, *опатъ*, *вискупъ* вм. *игуменъ*, *епискоупъ* (латинизмы вместо грецизмов). Через моравское посредство, видимо, проникают и отдельные немецкие заимствования, как: *постъ*, *попъ* (правда, здесь нельзя исключить возможность того, что это слово греческого происхождения — гр. *πλάς*), *гомѣжти* (др.-в.-нем. *ginessan*), *кѣждѣ* (нем. *wizzôd*), *рокание* (герм. *argani*) и др.

Не останавливаясь подробно на оригинальных сочинениях, которые возникли здесь и сохранились в основном в поздних древнерусских списках, реже в хорватских глаголических текстах, можно сказать, что в этот первый период взаимодействия между кирилло-мефодиевской традицией и культурным языком Великой Моравии еще не создается новый славянский литературный язык. По существу возникшие здесь тексты, упомянутые ранее, сохраняют основные фонетические, морфологические, синтаксические и лексические черты древнейших переводов. Только

отдельные элементы дают представление об особенностях языка моравских славян.

В конце описываемого периода Великая Моравия оказывала культурное воздействие и на пржемысловскую Чехию. Об этом определенно говорят исторические источники — легенда Кристиана X в., хроника Козьмы Пражского, законченная в 1125 г., где упоминается, что Мефодий крестил чешского князя Борживого (у Козьмы указана дата 895 г. — через 10 лет после смерти Мефодия — вещь обычная для древних летописцев) и др.

Значительно более спорным является вопрос о распространении кирилло-мефодиевской традиции в Польше. В XI главе Жития Мефодия упоминается, что Мефодий еще во время Сватошлука крестил Висленское княжество. Позволю себе процитировать текст, который говорит об этом: *поганьскъ князь, силънъ кельми, сѣда къ Вислѣ ругаше съ крѣпномъ и пакости дѣлаше. Послакъ же нему, рече: «Добро ти съ крѣти, епоу, колю съвою на съвоеи земли, да не пѣтнѣнъ поудами крѣценъ боудеши на чужей земли и поманеши ма». Юже и бл. [4]. Хотя этот факт объясняли по-разному, есть основания (и новейшие исследования это доказывают) отнестись с доверием к сообщению в Житии Мефодия. Ср. [5].*

Так что великоморавская миссия простирается не только на Моравское княжество Ростислава и Блатенское (Паннонское) Коцеля, но частично на Чехию и восточные области Польши.

Особая ситуация создается после смерти Мефодия в 885 г. Его ученики изгоняются из Моравии, вместо указанного Мефодием Горазда архиепископом Моравий становится Вихинг, и политика владетеля Сватошлука направляется на ликвидацию следов деятельности Кирилла и Мефодия. Помогает этому и нашествие древненевгерских племен, под чьими ударами в X в. падает окончательно Великая Моравия.

Несмотря на это, указанные события не искореняют полностью созданной литературной традиции. Она переносится, как было уже сказано, в чешские области, и есть сведения, что в отдельных местах она сохранялась до конца XI в. Важным центром, где поддерживалась славянская письменность в чешских землях, был Сазавский монастырь. Его аббаты, и прежде всего Божетех, играли важную роль при королевском дворе. Предание приписывает основание этого монастыря святому Прокопу, который, по свидетельству летописца (в продолжении хроники Козьмы), сам владел «славянским языком». В житии святого Вацлава, сохранившемся в поздних русских списках, также указывается, что он владел латинским и славянским письмом.

Официальное запрещение славянской литургии издает папа Григорий VII (1093—1100). В упомянутой уже добавке к хронике Козьмы, относящейся к Сазавскому монастырю, говорится, что когда туда прибывает первый аббат латинист Адальберт, он не находит никаких других книг «кроме славянских», и поэтому ему приходится писать их самому.

Интересна языковая ситуация в тот же период в Польше. Как уже было сказано, кроме не совсем категорического утверждения в ЖМ, XI, о славянской литургии в Польше имеются поздние польские свидетельства — краткие упоминания, например, находим в летописи Яна Длугоша. Поэтому Т. Лер-Сплавинский отрицает всякие следы моравской деятельности Мефодия в Польше [6]. Он еще меньше допускает какое бы то ни было свидетельство о существовании кирилло-мефодиевской традиции в Польше после падения Великой Моравии.

Совсем иную позицию занимает Т. Милевский [7]. Он не только с доверием относится к утверждению в житии Мефодия, что крещение Висленско-

го княжества произошло около 875 г., но допускает следы более поздней деятельности. Краков наряду с Нитрой, а, может быть, и Оломоуц, был одним из мест пребывания епископов суфраган, посвященных папскими легатами в 898 г. По его мнению, латинско-славянские обряды в польских областях сохраняются еще долго после прихода древневенгерских племен в верхнедунайские области. Венгры, как он предполагает, не переходят Карпат, и поэтому верхнее поречье Вислы остается единственной свободной областью великоморавского государства. Население моравской долины, ища защиту от наступающего неприятеля, находит убежище и в области Белые Хорваты. В этих условиях место пребывания великоморавского архиепископства переносится из Велеграда в Краков, который был более безопасным по сравнению с Нитрой и Оломоуцем. Исходя из этих исторических предпосылок, Т. Милевский заключает: «Около 907 г. в Кракове была создана митрополия римско-славянского обряда, поэтому церковники, имевшие резиденцию в Кракове, в X в. носили титул архиепископов, а существование славянской митрополии в Кракове можно проследить и в XI в.» [7, s. 353].

В XI, а по всей вероятности даже в X в., возникает известный польский религиозный гимн *Bogorodzica dziewica*. Подобно чешской песне *Hospodine, pomiluj nu* он имеет многовековую традицию (достаточно вспомнить, что Ю. Словацкий использует его в одном из своих стихотворений). Б. Гавранек обращает внимание на начальный стих, который имеет точное соответствие в гр. *Θεοτόκος παρθένος* др.-болг. *богородица дѣвица* [8, s. 310]. Характерен и следлог *dziela*, который до сих пор известен почти исключительно в памятниках восточноболгарского происхождения — Супр., Иоан Екзарх и др.

Указанные факты убедительно говорят, что до конца XI в. в Чехии и Польше все еще был сохранен римско-славянский обряд, и моравская (в более широком смысле западнославянская) редакция кирилло-мефодиевского языка функционирует в той или иной степени как литургический (resp. литературный) язык.

От этого периода до появления первых памятников письменности на древнечешском и древнепольском языках лежат два-три столетия. Естественно возникает вопрос, можно ли искать следы кирилло-мефодиевской традиции в первых древнечешских и древнепольских переводах. Два столетия — вполне достаточный срок, чтобы было уничтожено дело, против которого была резкая реакция.

Как уже упоминалось, эта проблема впервые рассматривается в переписке Ф. Дуриха с Й. Добровским. Ф. Дурих очень удачно определяет отношение кирилло-мефодиевского языка (*lingua Slavica* в его терминологии) к чешскому, называя его *mater vel potius antiquior soror* 'матерью или скорее старшей сестрой' чешского. Он обращает внимание на такие лексемы как *bies* (вѣтъ) в тексте 1417 г. [1, s. 106], *srebroľubci*, вульг. *avari*; *lyczomyerniki*, *lyczomyarniczy* (лицемѣре, лицемѣри) или выражения типа *zradye wy na ssonmnyech*, которое совершенно справедливо он сравнивает с *предатъ бо кы на сонмы* [1, s 217—218].

Несмотря на неоспоримые факты, указанные Ф. Дурихом, Й. Добровский остается непреклонным и не допускает возможности прямого воздействия кирилло-мефодиевских текстов на древнечешские переводы. Не совсем убедительно он пытается доказать, что *лицемѣра* немецкого происхождения: «Primo intuitu vix agnosces in voce *licomier* originem germanicum, sed collatis res evidenter ostendit potest. Sueci habent verbum *lisma* (*lismen*) et *lismare* (*lismen*), quis non vieat slavicum *licoměr*?» ('На первый взгляд трудно будет узнать в звучании слова *licomier* его немецкое происхождение, но оно может быть ясно показано, если будем иметь в виду все обстоятель-

ства. У шведов есть глагол *lisma* (*lismen*) и *lismare* (*limer*). Кто бы не узнал в этом слове славянское *licomѣt*?)

Проблема воздействия кирилло-мефодиевской традиции на древнечешские переводы XIII—XIV вв. рассматривается в нескольких статьях В. Вондрака [8,9]. В результате анализа древнечешских переводов библейских книг автор открывает ряд лексических и текстуальных параллелей, которые, по его мнению, дают основание думать о прямом воздействии церковнославянского на древнечешский. Автор ссылается на утверждение Й. Добровского [10], что и в более позднюю эпоху были известны лица, «которые могли бы читать церковнославянские тексты».

Некоторые из примеров, приведенных В. Вондраком, действительно показательны. Ср.: да радостъ каша испазнена вждетъ Ио, 46, 24 *iva ě ěxarǎ ťmǎv ěpekľhroměvť*. В более поздних текстах вместо *испазнити* встречается *напазнити*. В Венском евангелии тот же текст гласит: *aby v. r. byla parlněna*, что отклоняется текстом Вульгаты *ut gaudium vestrum sit plenum*, который со своей стороны соответствует другим древнечешским текстам, например, в Пражской библии — *aby v. r. plna byla*. Интересно соответствие между Витембергской псалтырью и Синайской псалтырью *przumueneu ysem s schodygyszumu* — *примененъ выхъ съ...*

Не рассматривая остальных аргументов В. Вондрака, подчеркнем, что его мнение о непосредственном воздействии кирилло-мефодиевского языка на древнечешский, независимо от того, имеется ли в виду русское церковнославянское или другое славянское посредство, нельзя считать полностью доказанным, на что еще в свое время указывала критика. Древнечешские переводы не говорят о постепенном переходе кирилло-мефодиевского языка в древнечешский. В этом отношении более осторожной является формулировка В. Киаса, основанная на тонком анализе перевода псалтыри: «Характер самого старого чешского перевода псалтыри с его стилистически единой переводческой техникой показывает, что древнечешская псалтырь возникает только в XIII в. как непосредственный перевод с латинского, возможно, с некоторыми реминисценциями из старославянского перевода. От старославянского языка древнечешский перевод унаследовал только отдельные лексические элементы» [11].

Но даже при такой постановке остается открытым вопрос, каким все же образом подобные слабые следы проникли в самые ранние древнечешские, а поздние и древнепольские тексты. Во втором случае следует иметь в виду влияние древнечешского на древнепольский. Заслуживает внимания факт, что после продолжительного господства латинской книжной традиции вдруг появляются переводы на язык народности, которые не носят следов грубой вульгаризации. Даже беглое прочтение текстов оставляет впечатление стремления к передаче смысла основы без насилия над славянским языковым чувством. При этом богатство сложных слов (независимо от того, что не все они являются наследием кирилло-мефодиевской эпохи) придает текстам характер возвышенного литературного стиля.

Есть основание допустить, что кирилло-мефодиевская традиция в различной степени повлияла на развитие западнославянских литературных языков на ранней стадии их развития. Ее отражение нужно искать не только на чисто филологической основе, но и в языковой идеологии, дающей опору для их утверждения. В этом отношении безусловно прав чешский ученый Р. Вечерка: «Интересно отметить, — пишет он, — что те западные славяне, которые остались вне церковнославянской образцованности — полабские славяне, быстро поддаются германскому натиску и германской ассимиляции, хотя решающими причинами их исчезновения были причины общественно-экономические. Лужицкие славяне и Польша,

по крайней мере ее отдельные области, были подвержены влиянию церковнославянской культуры через чешское посредство, и до сих пор в этих языках, как наследство тех времен, сохранилась известная часть религиозной терминологии церковнославянского происхождения» [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Patera A.* Korespondence Josefa Dobrovského, díl I. Vzájemné dopisy Josefa Dobrovského a Fortunata Duricha z let 1778 — 1800. Praha, 1895.
2. *Weingart M.* Rukověť jazyka staroslověnského. Praha, 1937, s. 27.
3. Речник на българския език, т. I, А—Б. София, 1977, с. 910.
4. Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1973, с. 190.
5. *Havránek B.* Studie o spisovném jazyce. Praha, s. 307—310.
6. Лер-Сплавински Т. Има ли следи от моравската дейност на Методий в Полша.— СпБАН, LVIII, 1939, с. 73—83.
7. *Milewski T.* Język staro-cerkiewno-słowiański w średniowiecznej Polsce. Z zagadnień językoznawstwa ogólnego i historycznego. Warszawa, 1969.
8. *Vondrák V.* Die Spuren der altkirchenslavischen Ewangelienübersetzung in der altböhmischen Literatur. Sitzungsberichte, Bd. 129, 10.
9. *Vondrák V.* K otázce vlivu církevní slovanštinou na starou češtinu. CCM, LXIX, 1895, s. 301—314.
10. *Dobrowsky J.* Geschichte der böhmische Sprache und Literatur. Praha, 1818, s. 62—63.
11. *Kyas V.* Česká předloha staropolského žaltáře. Praha, 1962, s. 9.
12. *Večerka R.* Slovanské počátky české knižní vzdělanosti. Praha, 1963, s. 25.

НИКУЛИНА М. В.

И. ДОБРОВСКИЙ И А. Х. ВОСТОКОВ (к 200-летию со дня рождения А. Х. Востокова)¹

В октябре 1821 г. молодой русский ученый Петр Иванович Кеппен (1793—1864) отправился в путешествие по Европе, сопровождаемый добрыми напутствиями гр. Н. П. Румянцева, К. Ф. Калайдовича, Е. Болховитинова и других членов Румянцевского кружка, в том числе и А. Х. Востокова. Во время этой поездки, предпринятой с научными целями, он собирался познакомиться с архивами и библиотеками Кракова, Варшавы, Вены, Берлина, Мюнхена и других городов, сделать или заказать копии особенно интересных славянских рукописных памятников, установить контакты с учеными-славистами, собрать лингвистический, этнографический и другой материал, касавшийся жизни славян.

В конце февраля 1822 г. Кеппен прибыл в Вену и там познакомился с другом и учеником И. Добровского — Е. Копитаром [1, с. 58]. Среди работ и материалов, которые привез с собой из России Кеппен, была и известная статья А. Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке» [2], которая сразу привлекла внимание Копитара. И впервые, вероятно, (других сведений нет) о А. Х. Востокове и его работе Добровский узнал из письма Копитара от 25 III 1822 г., где он в своей обычной насмешливой манере очень коротко сообщал о «интереснейшей», как он пишет, статье Востокова и разделении им славянского языка и памятников письменности на три периода или разряда: «1. старый, природный, XI—XIII вв., 2. средний, полуиспорченный — XV—XVI вв., 3. новый, после исправления — XVII в.» [3, с. 466—467]. Копитар приглашал Добровского приехать — «прилететь», как он пишет, в Вену, чтобы познакомиться со статьей Востокова и другими материалами, привезенными П. И. Кеппеном. Писал Добровскому и Кеппен (январь, 1823 г.), сообщая, что должен передать ему древнерусскую гривну — подарок гр. Н. П. Румянцева [4, с. 132].

В 1822 г. на пороге своего семидесятилетия И. Добровский (1753—1829) был всеми признанный ученый, «патриарх славистов», как назвал его в одном письме Копитар [3, с. 159], член ряда иностранных ученых обществ и академий, в том числе и Российской академии, чье мнение имело большой вес во всех славянских странах. Востокова же в это время знала лишь небольшая группа русских писателей и ученых, занимавшихся древнерусской стариной и древнеславянскими памятниками. «Рассуждение» было первой значительной работой, где он заявил о себе как о выдающемся

¹ Текст выступления на юбилейном заседании 7 апреля 1981 г. сектора славянского языкознания Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященном 200-летию со дня рождения А. Х. Востокова (27 III 1781—20 II 1864).

ученом-слависте. Поэтому неудивительно, что Добровский не поспешил приехать в Вену и писал Копитару, что занят делами по устройству Чешского музея [3, с. 476], а Кеппену сообщал, что не может «из-за одной гривны» приехать в Вену [3, с. 665]. П. И. Кеппен, собираясь в мае 1823 г. в Прагу [5], взял с собой среди других материалов и статью Востокова. Таким образом, Добровский получил возможность подробно с ней ознакомиться. Однако новизна выводов Востокова, значительный неизвестный языковой материал, использованный в статье², некоторые ошибки автора [6, с. 8], на которые обратил внимание и Копитар [3, с. 473], скептицизм и особая осторожность Добровского в оценке древности памятников письменности помешали ему правильно оценить работу Востокова (ср. [7, с. 130—131]). Это понимал сам Востоков. Позже, в 1825 г. он писал: «Если бы почтеннейший богемский филолог, коему словенская литература столько обязана, имел перед собою XI-го и XII-го века письменные памятники, сохранившиеся в России, он достиг бы, смею думать, во многом инаковых и более твердых положений» [8, с. 351]. Кеппен после беседы с Добровским записывает в своем дневнике, что ни Ганка, ни учитель его Добровский «не были согласны с Востоковым в отношении к употреблению ж и љ, заменяющим будто бы польское q̇ и q̈, а Добровский обещался мне представить множество примеров в опровержении сего мнения. Впрочем, как Копитар, так и он и Ганка, все очень большое имеют почтение к трудам Востокова и Добровский желал бы вступить с ним в сношения» [5, с. 50]. Но этого Добровский так и не сделал. И даже позднее, в конце 1823 г. или начале 1824 г. (точная дата не установлена)³, получив от Востокова письмо с подробным палеографическим и лингвистическим описанием Остромирова евангелия и факсимиле некоторых мест [9, с. 100—116], он не ответил Востокову, хотя очень дорожил его письмом и копиями и постоянно над ними работал [9, с. 425—427]. Вообще нужно сказать, что Добровский очень неохотно писал в Россию. Даже Н. П. Румянцев, чью дружбу Добровский высоко ценил, иногда по два года дождался от него ответа. Нередко Добровский подолгу ждал оказии для передачи письма в Россию, что тоже осложняло переписку. Из всех русских ученых наиболее регулярно Добровский отвечал на письма П. И. Кеппена, поддерживая через него научные контакты с другими русскими учеными — Е. Болховитиновым, К. Ф. Калайдовичем, М. П. Погодиным и др.

Уже после получения письма Востокова с копиями из Остромирова евангелия Добровский 15 марта 1824 г. пишет Кеппену⁴: «Востоков прекрасный филолог, за исключением причуды, будто ж = q̇ польское. Он прислал мне, по требованию Румянцева, факсимиле из Остромирова евангелия, которое я только что использовал в моем Кирилле и Мефодии. Последние листы печатаются только теперь» [3, с. 670]. В упоминаемой книге Добровский использовал не только факсимиле, присланные Востоковым, но и его пояснения, указав, что получил факсимиле разных мест из Остромирова евангелия «вместе с обстоятельным описанием сей драгоценной рукописи, древнейшей из известных доселе на словенском языке, и с филологических примечаниями, приложенными основательным знатоком древнего словенского языка г. Востоковым», из чего в дру-

² В своем «Рассуждении» Востоков использовал Остромирово евангелие 1056—1057 гг., надпись Тьмутараканского камня 1068 г., Изборники 1073 и 1076 гг., Лаврентьевский сборник 1348 г., минеи XI—XII вв., евангелия XIII—XIV вв., Киприановское евангелие 1393 г., Часослов Краковского издания 1491 г., Судебник Казимира IV и др.

³ Указание Стрезневского на май 1824 г. [9, с. 426] ошибочно.

⁴ Переписка Добровского и Кеппена велась на немецком языке. Здесь и далее текст дается в переводе.

гом случае он делает «хорошее употребление» [10, с. 40]. В § 25 этой книги Добровский приводит факсимиле отрывка из четвертой главы евангелия от Матфея из Остромира с примечаниями Востокова, присланными ему в том же письме [9, с. 101, 110—111].

Добровский был очень заинтересован в полном издании Остромирова евангелия и спрашивал об этом Кеппена. Однако полностью оно было издано Востоковым лишь в 1843 г. Но Кеппен включил выписки из этого евангелия, подготовленные Востоковым, в предисловие к своему «Собранию словенских памятников, находящихся вне России» и выслал их Добровскому. Кеппен пишет: «Так как здесь все еще не дошло до печатания Остромирова евангелия, то я надеюсь, что Вы будете мне особенно благодарны за извлечения, которые я Вам здесь прилагаю», [4, с. 165].

Замечания Востокова о древнецерковнославянской грамматике Добровского [11], выводы «Рассуждения о славенском языке», новые факты из таких важных для истории языка памятников, как Остромирово евангелие, Евгениевская псалтырь, Список Шестоднева Иоанна экзарха болгарского и др., были необходимы Добровскому, хотя он до конца так и не соглашался с Востоковым, что видно из трактовок юсов в его работе «Кирилл и Мефодий», где он в копии отрывка из Остромирова евангелия в латинской транскрипции поставил на месте ж и ж и и ји, на месте а и ѡ — *-ě* и *ja*.

В октябре 1824 г. Кеппен уведомлял Добровского, что в России собираются переводить его церковнославянскую грамматику [4, с. 147]. Кеппен имел в виду книгу, вышедшую в 1825 г. под названием «Грамматика славянского языка, заимствованная преимущественно из Грамматики г. Добровского старшим учителем С. Петербургской гимназии Иваном Пенинским». Добровский и после издания своей грамматики продолжал над ней работать. Поэтому в письмах Кеппену он высказывал желание руководить переводчиком⁵ [3, с. 672], а позднее, когда Пенинский уже готовил второе издание⁶, сожалел, что не может ни поговорить с издателем, ни познакомить его с исправленным экземпляром [3, с. 677]. Горю о своей продолжающейся работе над грамматикой, Добровский признается Кеппену: «В грамматике славянского языка я теперь исписал даже все поля. Замечания Востокова заставили меня продолжить исследование и еще многое открыть» [3, с. 672]. После выхода первого издания грамматики, подготовленного Пенинским, Кеппен писал Добровскому: «Согласно его (Пенинского.— М. Н.) желанию я посылаю Вашему предподобию предназначенный экземпляр вместе с письмом автора⁷. Рецензию Востокова на эту работу⁸ Вы найдете в № 25 моих Листов» [4, с. 153]. Добровский одобрил рецензию Востокова, «за малыми исключениями» и советовал учесть все замечания Востокова в готовящемся втором издании [3, с. 678—679].

Востоков свое отношение к церковнославянской грамматике Добровского и необходимости ее перевода с латинского языка на русский высказал еще в 1823 г. в письме к К. Ф. Калайдовичу. По его мнению, прежде

⁵ В. А. Францев и С. Г. Потепалов ошибаются, полагая, что здесь речь идет о М. П. Погодине и С. П. Шевыреве и их работе над переводом грамматики Добровского [12, с. 49—53, 60—64; 13, с. 189]. О начале работы Погодина и Шевырева Кеппен сообщает Добровскому лишь в конце 1826 г. В этом письме Кеппен напоминает Добровскому о его желании дать некоторые добавления к тексту грамматики и руководить переводчиками, высказанным ранее, и просит Добровского срочно ответить: «ждать ли гг. Погодину и Шевыреву или печатать» [4, с. 160]. В переводе Погодина и Шевырева грамматика Добровского вышла из печати в 1833—1834 гг.

⁶ Второе издание вышло в 1826 г., третье — в 1827 г.

⁷ Письмо И. Пенинского см. [12, с. VII].— М. Н.

⁸ См. [8].— М. Н.

чем переводить грамматику, ее нужно дополнить, снабдить примечаниями, а некоторые места переделать: «Я и за сие не взялся бы, — пишет Востоков, — ибо намерен сочинить свою Славенскую грамматику, в которой конечно не оставлю воспользоваться всеми открытиями Добровского» [9, с. 47—48].

Кеппен постоянно сообщал Добровскому обо всех готовящихся и появляющихся работах Востокова. Сразу же после выхода первых номеров журнала «Библиографические листы» он написал Добровскому, что все статьи, отмеченные в журнале звездочкой, принадлежат Востокову [4, с. 149] и потом регулярно высылал ему журнал.

Целиком доверяя филологическим знаниям Востокова, Добровский через Кеппена обращается к нему с просьбами. Так, он просит прислать ему несколько образцов и пояснений к ним из текста рукописи 1737 г., выписки из которой были сделаны для него М. П. Погодиным. В это время Добровский продолжал усиленно работать над историей славянских переводов библии и текст, найденный Погодиным, его заинтересовал. Он пишет: «Итак, прежде всего моя сердечная благодарность за приложенный лист погодинской рукописи... Оно (издание.— М. Н.) было снабжено указаниями вариантов. Например, рядом с *искони* стоял знак ^а, а под текстом внизу *начело* или наоборот. Я не знаю точно, вверху или внизу стояли новые выражения. И это я весьма хотел бы узнать. Лучше всего это мог бы мне объяснить г—н Востоков, которому я многим обязан» [3, с. 681].

Очень сочувственно отнесся Добровский к намерению Кеппена издать Фрейзингенские отрывки, копии которых Кеппен получил в Мюнхене. В начале 1826 г. началась работа по подготовке к печати этих памятников [9, с. 243—244]. Основная работа легла на Востокова, так как Кеппен после смерти гр. Н. П. Румянцева (январь 1826 г.) и приостановления издания журнала «Библиографические листы», в 1827 г. переехал в Симферополь [1, с. 109—111]. В декабре 1826 г. Добровский, уведомленный Кеппеном, что грамматические объяснения трех статей фрейзингенской рукописи уже готовы [4, с. 154], писал Кеппену: «Теперь настала необходимость объяснения мюнхенских славянских статей, чем мы обязаны вашему факсимиле. Г-н Копитар хочет их прокомментировать и вскоре издать» [3, с. 678]. В январе 1827 г. Кеппен сообщает Добровскому, что начинается печатание его «Собрания словенских памятников, находящихся вне России»: «Само собрание начнется с фрейзингенских статей, для чего уже есть одобренный цензурой текст... Большая часть работы принадлежит г-ну Востокову, который свидетельствует Вам свое почтение. Мы рассчитываем на Вашу оценку этой работы» [4, с. 162]. В дальнейшем Кеппен, по мере получения им отдельных листов из типографии (издание растянулось на два года), высылал их Добровскому [9, с. 255—256, 268, 453—454], который ждал появления этой работы, особенно объяснений Востокова: «Ваши образцы текстов меня радуют, особенно Востоковские комментарии фрейзингенских отрывков, над которыми работал этой зимой и Копитар, часто даже обращаясь ко мне с вопросами и желая опередить вас. Теперь мы увидим, кто лучше попадет в цель» [3, с. 682]. Полного издания «Собрания словенских памятников» Добровский так и не увидел: оно было отослано ему, когда «патриарха славистов» уже не было в живых (он скончался 6 I 1829 г.), о чем Кеппен еще не знал, судя по его письму от 23 I 1829 г. [4, с. 166; 9, с. 268—269].

Хотя попытки П. И. Кеппена установить между Добровским и Востоковым более тесный научный контакт не имели полного успеха и были прерваны смертью Добровского, но влияние трудов Востокова на Добровского несомненно, особенно во время продолжавшейся работы последнего

над грамматикой старославянского языка. Об этом и обо все возраставшем уважении Добровского к Востокову-филологу свидетельствует и переписка Кешпена с И. Добровским. В то же время Востоков смог достичь за десятилетие (1820-е годы) больших успехов в славистике во многом благодаря тому, что имел возможность опереться на труды и идеи Добровского, которые он продолжил и развил, так что его уже в 1829 г. с полным правом называли «преемником трудов Добровского» [9, с. 278].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кешпелъ Ф. П. Биография П. И. Кешпена. СПб., 1911.
2. Востоков А. Х. Рассуждение о славенском языке.— Труды Общества любителей российской словесности, ч. XVII. М., 1820, с. 5—61.
3. Ягич И. В. Письма Добровского и Копитара в повременном порядке. СПб., 1885.
4. Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян. СПб., 1897.
5. Архив АН СССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 139. Кн. 4, «Поездка в Прагу», с. 39—80.
6. Цейтлин Р. М. А. Х. Востоков — один из первых русских славяноведов.— Кратк. сообщ. Ин-та слав., вып. 25, 1958, с. 3—15.
7. Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.
8. Востоков А. Х. О книге И. Пенинского: Славянская грамматика, заимствованная преимущественно из грамматики г. Добровского.— Библиографические листы, 1825, № 25, с. 349—359.
9. Срезневский И. И. Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями. СПб., 1873.
10. Добровский И. Кирилл и Мефодий, словенские первоучители. Пер. М. П. Погодина. М., 1825.
11. Dobrovsky J. Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris. Vindobonae, 1822.
12. Францев В. А. Очерки по истории чешского Возрождения. Варшава, 1902.
13. Потемалов С. Г. О роли П. И. Кешпена в истории русско-славянских культурных связей в 20—30-х гг. XIX в.— ВСЯ, вып. 6. М., 1962, с. 177—214.

МАТВЕЕВ Г. Ф.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ. Т. I — X. М., 1963 — 1980

В многовековой истории взаимоотношений народов СССР и Польши период после 1917 г. занимает особое место по своему характеру и значимости. Февральская революция 1917 г. в России создала условия для постановки польского вопроса на международной арене, но его окончательное решение стало возможным только с победой Великой Октябрьской социалистической революции, аннулировавшей все грабительские договоры, касавшиеся Польши, и безоговорочно признавшей право польского народа на самоопределение.

Если Советское правительство последовательно стремилось к развитию добрососедских отношений с польским народом, то буржуазия и помещики, захватившие власть в восстановленной в ноябре 1918 г. Польской республике, всячески противились нормализации отношений с СССР, пытались посеять рознь между народами Польши и Советского Союза, сохранить и углубить в польском обществе настроения, вызванные политикой национального гнета, проводившейся российским самодержавием на польских землях.

Однако в Польше в межвоенное двадцатилетие отчетливо проявилась и другая тенденция, носителями которой были революционные и демократические силы, — стремление к развитию в новых исторических условиях традиций сотрудничества и совместной борьбы народов за национальное и социальное освобождение. Именно этими силами были созданы предпосылки для боевого содружества советского и польского народов в годы второй мировой войны, заложен прочный фундамент братского сотрудничества между СССР и Народной Польшей в послевоенные годы.

Отношения между СССР и Польшей имели и имеют важное значение не только для европейской, но и для мировой политики, что, со всей очевидностью, подтвердил исторический опыт минувших шести десятилетий. Не менее важным представляется их научное и политическое значение. Объективное исследование этих отношений служит также разоблачению вымыслов буржуазных фальсификаторов, стремящихся с помощью лжи и тенденциозного освещения ряда сложных моментов во взаимоотношениях соседних государств деформировать сознание польского общества, культивировать в нем антирусские и антисоветские настроения, преуменьшить значение советской помощи польскому народу как в годы второй мировой войны, так и в период проведения народно-демократических преобразований и социалистического строительства.

Научное изучение проблем двусторонних советско-польских отношений и создание серьезных исследований невозможно без солидной источниковой базы, без комплексного использования материалов обеих сторон, что только и может гарантировать объективность исследования, без выявления максимально широкого круга источников самого различного характера — от межгосударственных актов до газетных публикаций и переписки общественных организаций. Вполне естественно, что работа по выявлению документальных материалов в хранилищах СССР, ПНР и других стран, их научной обработке и подготовке к печати с соблюдением всех требований к научной публикации источников по силам только большому коллективу специалистов обеих стран, действующих совместно.

Для подготовки многотомного издания документов и материалов по истории советско-польских отношений в 1959 г. АН СССР и ПАН сформировали двустороннюю редакционную коллегию с участием представителей обеих академий, ИМЛ при ЦК КПСС и Института истории партии при ЦК ПОРП, Главного архивного управления при Совете Министров СССР, Главной дирекции государственных архивов ПНР, Историко-дипломатического управления МИД СССР. Научно-исследовательская работа, связанная непосредственно с подготовкой рецензируемого издания, была возложена на Институт славяноведения и балканистики АН СССР и Институт социалистических стран ПАН. Стороны приняли единые принципы публикации документов. В издание включаются преимущественно ранее не издававшиеся архивные документы из центральных государственных архивов СССР и ПНР, а также многих областных и воеводских архивов. Отступление от этого принципа допускаются только для документов, принципиально важных для советско-польских отношений, а также опубликованных в изданиях, являющихся библиографической редкостью. Отдельные тома выходят параллельно в СССР и ПНР, они практически идентичны по содержанию. Тексты документов, как правило, публикуются полностью, случаи фрагментарного использования документов соответствующим образом оговариваются. В советском издании все документы даются в переводе на русский язык, в польском — на языке оригинала. Они снабжены идентичными заголовками, каждый том имеет перечень опубликованных документов и указатели: именной, географический, партий и организаций, газет и журналов, принятых сокращений, что значительно облегчает пользование изданием. Тома с IV по VIII снабжены именными аннотированными указателями, а с III по X — хронологией важнейших событий в советско-польских отношениях. Первые три тома, вышедшие в ПНР, имеют приложения, куда вошли преимущественно газетные статьи, в советском издании приложения даны только в первом томе, а в последующих приводятся лишь названия материалов, вошедших в приложения польского издания. Следует особо сказать о научном аппарате томов: все примечания составлены на высоком научном уровне с привлечением значительного числа дополнительных архивных материалов, что нередко придает им самостоятельное значение.

Всего до настоящего времени в СССР вышло десять томов, охватывающих период с февраля 1917 г. по декабрь 1955 г. и насчитывающих 3170 документов. Разбивка на тома в целом соответствует периодизации советско-польских отношений.

Том I охватывает период с 1917 г. по ноябрь 1918 г., т. е. время, непосредственно предшествовавшее восстановлению независимого польского государства. Наиболее важными документами являются воззвания и декреты революционных органов власти в России, определяющие отношение революционных сил к польскому вопросу и пути его решения: воззвание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «Народу

польскому», ленинские декреты «О мире», «О земле», «Декларация прав народов России», декрет Совнаркома РСФСР от 29 августа 1918 г. об аннулировании всех международных договоров и актов, касающихся разделов Польши. Эти документы убедительно свидетельствуют, что революционные силы России, Советская власть последовательно отстаивали право польского народа на независимость и государственную самостоятельность. Интернационалистская позиция революционной России оказала мощное воздействие на население оккупированных Центральными державами польских земель, а также на поляков, оказавшихся в ходе первой мировой войны на территории России. Особенно активное участие в революционных событиях в России приняли члены СДКПиЛ и других социалистических партий Польши. Большая группа документов отражает отношение польских имущих классов и их политических организаций в Польском Королевстве, марионеточном квазигосударстве, созданном оккупантами в ноябре 1916 г., и за границей, прежде всего, в России, к Февральской и Великой Октябрьской социалистической революциям. Многочисленные документы убедительно свидетельствуют о том, какую важную роль в борьбе с революционными силами в России после февраля 1917 г. отводила русская контрреволюция I польскому корпусу под командованием генерала Довбор-Мусницкого. Обращают на себя внимание документы органов Советской власти об охране польских культурных ценностей в России и последующей их передаче польскому народу.

Анализ материалов, помещенных в I томе, приводит к выводу, что уже накануне восстановления независимого польского государства в польском обществе весьма определенно обозначились две позиции в отношении революционной России: с одной стороны, стремление к тесному с ней союзу, к решению национального вопроса в неразрывной связи с социальными преобразованиями социалистического характера, а с другой — контрреволюционность и антисоветизм польской буржуазии и помещиков.

Во II том вошли документы с ноября 1918 г. по март 1920 г. Это был сложный и чрезвычайно важный период в истории обоих государств. Внутренние и внешнеполитические обстоятельства предопределяли объективную необходимость установления добрососедских отношений в интересах обеих сторон. Многочисленные материалы свидетельствуют, что Советское правительство, лично В. И. Ленин неоднократно предпринимали усилия по налаживанию добрососедских отношений с Польшей, выступали за мирное решение спорных территориальных вопросов, соглашаясь даже на значительные уступки польским требованиям. Иной была позиция польских правящих кругов, которые уже в ноябре 1918 г. приступили к разработке плана агрессивной войны на востоке. Опубликованные документы дают полное представление о мотивах развязанной польской буржуазией и помещиками войны против Советских республик. Это и стремление держав Антанты задуть Советскую власть совместными усилиями русской и международной реакции, полностью отвечавшее антисоветским настроениям польских имущих классов, это и желание помещиков-латифундистов сохранить свои владения в Белоруссии и на Украине, это, наконец, страх перед распространением революционного пожара на собственно польские земли. Многие материалы касаются усилий польских правительств, направленных на сколачивание антисоветского блока буржуазных государств с участием прибалтийских республик, Румынии, петлюровцев, на поддержку белогвардейцев.

Документы II тома отражают позицию не только официальных польских кругов, но и революционных и демократических сил польского общества. Именно у польских трудящихся находили наибольшее понимание и поддержку усилия Советского правительства по налаживанию отноше-

ний добрососедства и сотрудничества с Польшей. Многочисленные материалы Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП), министерства внутренних дел, других государственных учреждений Польши свидетельствуют о значительных размерах кампании солидарности с Советской Россией, развернувшейся на территории Польши, о протесте польских трудящихся против агрессивной войны на востоке. Целый ряд документов освещает участие поляков-интернационалистов в гражданской войне в России, а также национально-освободительное движение в западных районах Украины и Белоруссии, оккупированных польскими войсками.

В целом содержание документов II тома свидетельствует, что уже в начальном периоде складывания межгосударственных советско-польских отношений совершенно определенно обозначились два диаметрально противоположных подхода к пониманию их характера. Советская дипломатия, руководствуясь ленинскими принципами внешней политики, хотела строить их на основе добрососедства, невмешательства во внутренние дела, мирного решения спорных вопросов. Польская же сторона стремилась к роли центрального звена в антисоветском «санитарном» кордоне, выступала как активный участник иностранной интервенции против Советских республик.

Авантюризм внешнеполитического курса буржуазно-помещичьего польского государства наиболее отчетливо проявился в ходе польско-советской войны 1920 г. Этому сложнейшему этапу в развитии двусторонних отношений посвящены документы III тома, охватывающие период с апреля 1920 г. по март 1921 г. и касающиеся преимущественно дипломатической стороны конфликта, поскольку ход военных действий уже достаточно полно освещен в исторической литературе. Опубликованные материалы вскрывают связь войны 1920 г. с классовыми интересами польской буржуазии и помещиков, с их империалистическими устремлениями, а также и с более широкими планами западных держав в отношении Советской России.

Следует особо выделить документы, отражающие отношение польской и мировой прогрессивной общественности к агрессии буржуазной Польши. Они позволяют совершенно отчетливо проследить нарастание антивоенных настроений в польском обществе. Большое число документов отражает деятельность КРПП по предотвращению братоубийственной войны, свидетельствуют о последовательно интернационалистской позиции польских коммунистов, не поддавшихся националистическому угару буржуазной пропаганды.

В томе показана деятельность В. И. Ленина, РКП(б), Советского правительства по мобилизации Советской страны на борьбу с польской агрессией. Особенно важны документы, свидетельствующие, что Советское правительство во всех фазах войны прилагало огромные усилия к мирному урегулированию конфликта, выступало с конкретными предложениями о прекращении военных действий и заключении мира. Завершает том полный текст Рижского мирного договора, позволявшего перейти от конфронтации к политике сотрудничества и мирного сосуществования.

IV том, охватывающий период с апреля 1921 г. до мая 1926 г., включает в себя документы, касающиеся реализации постановлений Рижского договора: демаркации государственной границы, развития экономических отношений, заключения ряда соглашений, дополняющих мирный договор и т. д. Как явствует из их содержания, существовали большие различия в подходе сторон к практическому осуществлению включенных в мирный договор обязательств. Если Советское правительство последовательно стремилось к реализации договора в полном объеме, к развитию взаимовыгодных связей в области экономики, к сотрудничеству с Польшей в

деле нормализации обстановки в Европе, к полному устранению угрозы войны, то для польской дипломатии характерным было стремление к получению односторонних выгод, к сохранению напряженности в отношениях между странами. Сильное воздействие на позицию польского правительства оказывали западные державы, а также реакционные силы в самой стране, прежде всего военщина. Об этом свидетельствовала политическая и материальная поддержка ими эмигрантских контрреволюционных организаций на территории Польши, проволочка с заключением торгового договора, отказ от реализации постановлений, касавшихся положения украинского и белорусского населения в Польше. В то же время, заключение ряда конвенций, создание смешанного торгового общества и другие шаги свидетельствовали, что часть польских правящих кругов понимала важность нормализации отношений с СССР и вытекающие отсюда выгоды для польской экономики, крайне нуждавшейся в стабильном внешнем рынке. Интересны документы, касающиеся взаимоотношений стран на международной арене, в частности, на конференции в Женеве, в ходе подготовки Московской конференции по разоружению в декабре 1922 г., в период работы Локарнской конференции 1925 г.

Значительное число документов относится к области развития советско-польских общественных связей. Меняются и расширяются формы контактов, они становятся более разнообразными, охватывают новые области общественной жизни. Это и помощь польских трудящихся голодающим губерниям России, и участие их в движении против угрозы войны, и празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и т. д. Со своей стороны, советские трудящиеся оказывали моральную и материальную поддержку борьбе польских трудящихся за социальную справедливость, активно выступали против полицейских преследований польских коммунистов, против политики национального угнетения и дискриминации украинцев и белоруссов в Польше. В эти же годы вновь оживают имевшие многовековую традицию контакты в области культуры и науки, что, несомненно, способствовало лучшему взаимопониманию народов СССР и Польши. Этой же цели служил обмен различными официальными делегациями, поездки в СССР представителей польских трудящихся.

В V томе собраны документы, характеризующие двусторонние отношения с мая 1926 г. до конца 1932 г. В первые годы после государственного переворота в Польше, осуществленного в мае 1926 г. Ю. Пилсудским, произошло заметное охлаждение взаимоотношений между странами, чуть не переросшее в открытый конфликт летом 1927 г. в связи с убийством советского посла в Варшаве П. Л. Войкова. Комплекс вопросов, связанный с этим кризисным моментом в двусторонних отношениях, документирован весьма полно. Опубликованные материалы позволяют утверждать, что только сдержанная позиция советской стороны позволила преодолеть его мирным путем.

Центральное место в V томе занимают документы, отражающие борьбу за заключение договора о ненападении между СССР и Польшей, с инициативой которого польская сторона выступила еще в первой половине 20-х годов, но затем, в последующие годы, всячески затягивала его согласование и подписание. Они свидетельствуют, что именно советской дипломатии принадлежит основная заслуга в заключении 25 июля 1932 г. советско-польского договора о ненападении, отвечавшего в равной степени интересам обеих стран и служившего укреплению мира в Европе. Несомненный интерес представляют также документы, характеризующие позиции советской и польской дипломатии по ряду вопросов обеспечения европейской безопасности.

Постепенная нормализация отношений в политической области благоприятно сказывалась на развитии двусторонних связей в области культуры и науки. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы об обмене делегациями творческих и научных работников, выставками, литературой и т. д. Большой интерес представляют документы о развитии интернациональных связей советских и польских трудящихся, о различных формах помощи политзаключенным в Польше, о массовых кампаниях в защиту СССР, организовывавшихся польскими коммунистами и т. д. Продолжали развиваться и углубляться советско-польские хозяйственные связи, что имело особо важное значение для польской экономики, вступившей в конце 20-х годов в полосу затяжного кризиса. Однако торговый договор и в этот период заключен не был.

Советско-польское сближение начала 30-х годов оказалось непродолжительным, прежде всего, по причине различий в подходе к вопросам двусторонних отношений и обеспечения мира в Европе. Если советская сторона рассматривала советско-польское сотрудничество как стратегическую задачу, как важный элемент в предотвращении угрозы войны в Европе, то для польской дипломатии был характерен конъюнктурный подход к вопросам сотрудничества с СССР, стремление использовать его для достижения целей, имевших мало общего с интересами европейской безопасности. С особой силой эти различия проявились после прихода к власти в Германии гитлеровской партии и усиления реваншистских и милитаристских тенденций в европейской и мировой политике.

Единственным эффективным средством обуздания агрессивных сил и устранения угрозы войны могло стать создание системы коллективной безопасности с участием всех миролюбивых государств, за что активно боролась советская дипломатия. Важным звеном системы коллективной безопасности могла стать Польша, национальные интересы которой диктовали необходимость тесного сотрудничества со всеми европейскими странами, заинтересованными в сохранении мира, прежде всего с СССР и Чехословакией.

Однако польские правящие круги избрали иной путь, пытались обеспечить безопасность страны на основе так называемой концепции «балансирования», сформулированной Ю. Пилсудским и его ближайшим окружением. Ее авторы рассчитывали обеспечить национальную безопасность Польши с помощью ряда двусторонних соглашений и поэтому бойкотировали предложения по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Не чужды им были и беспочвенные великодержавные притязания. Объективно такая позиция санационного режима была на руку гитлеровской Германии в период ее ускоренной подготовки к войне. Именно к таким выводам приводит знакомство с материалами VI тома, охватывающего период с 1933 г. по 1938 г.

Многочисленные дипломатические документы позволяют проследить динамику развития двусторонних отношений, для которых характерным было постепенное затухание весьма оживленных в начале 30-х годов контактов. Об этом, в частности, свидетельствует различное количество документов по отдельным годам, включенных в том. Так, если по 1933 г. опубликовано 96 документов, то по 1937 г. — только 13. При этом сокращение контактов более всего затронуло научные, культурные и общественные связи. Особого внимания заслуживают документы, касающиеся проблем европейской безопасности и различий в подходе советской и польской дипломатии к их решению, в частности, в период борьбы за заключение Восточного пакта, в срыве которого весьма существенную роль сыграли польские правящие круги, в отношении к мюнхенскому сговору западных держав и расчленению Чехословакии. Интересны ма-

териалы, касающиеся отношений СССР и Польши с третьими странами: Германией, Румынией, Чехословакией, прибалтийскими государствами.

Диаметрально противоположным позиции официальных кругов был подход к вопросам обеспечения мира в Европе и национальной безопасности страны польских революционных и демократических сил. Опубликованные в VI томе документы свидетельствуют, что именно Компартия Польши была политической силой, наиболее последовательно борющейся за создание реальных гарантий безопасности страны на основе ее тесного сотрудничества и взаимодействия с СССР и другими демократическими и миролюбивыми государствами и народами мира.

Как и в предшествующих томах большое внимание составители уделили развитию двусторонних контактов в области науки и культуры, а также экономическим связям.

Документы и материалы, опубликованные в VII томе, относятся к завершающему этапу в развитии отношений между СССР и буржуазным польским государством и охватывают период с января 1939 г. по декабрь 1943 г. Мюнхенский стовор западных держав с гитлеровской Германией, расчленение Чехословакии и ее последующая оккупация привели к серьезному изменению расстановки сил на европейской арене. Было совершенно очевидным, что следующим объектом агрессивной политики фашистской Германии станет Польша. Но даже в этой чрезвычайно сложной международной обстановке все еще реальной была возможность обуздания фашистского агрессора, предотвращения мирового военного конфликта путем объединения усилий всех государств, заинтересованных в сохранении мира в Европе, в том числе СССР и Польши.

Документы тома показывают, какое важное значение придавала советская дипломатия позиции Польши в этом вопросе, отражают практические шаги СССР по привлечению польского правительства к активному участию в блоке миролюбивых сил. Однако усилия СССР не находили позитивного отклика у польской стороны, рассчитывавшей только на помощь Англии и Франции. Именно близорукая позиция польской дипломатии явилась одной из причин срыва московских переговоров СССР, Англии и Франции в 1939 г.

Весьма интересны материалы о развитии экономических отношений СССР и Польши накануне второй мировой войны, в частности, заключенный в феврале 1939 г. торговый договор, в одинаковой степени отвечавший интересам обеих стран.

Собранные в томе материалы периода с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. свидетельствуют, что он не был «мертвым сезоном» во взаимоотношениях народов СССР и Польши. Весьма интересны документы, отражающие доброжелательное отношение советских властей к деятельности польских демократических сил в западных областях СССР.

Преобладающая часть документов тома касается периода с июня 1941 г. по декабрь 1943 г. Вступление СССР во вторую мировую войну усилило надежды народов мира на скорый разгром гитлеровской Германии и ее союзников, активизировало национально-освободительную борьбу народов оккупированных стран. Восстановление в июле 1941 г. советско-польских дипломатических отношений создало более благоприятные условия для объединения усилий советского и польского народов в борьбе против немецкого фашизма. Однако многочисленные документы свидетельствуют, что реакционные элементы в польском правительстве в эмиграции не только не отказались полностью от антисоветских взглядов и концепций межвоенного периода, но и затрудняли двустороннее сотрудничество в военной и политической областях, отказывались выполнять в полном объеме достигнутые соглашения, вели антисоветскую пропаганду,

нанося тем самым ущерб антигитлеровской коалиции. Многочисленные документы раскрывают позицию Советского правительства в отношении поляков, оказавшихся в годы войны на территории СССР, помощь в формировании польской армии в СССР, а также касаются кризиса в советско-польских отношениях, приведшего к их разрыву в апреле 1943 г.

В годы гитлеровской оккупации произошла резкая радикализация общественных настроений в Польше, отчетливо выявилась тенденция к соединению борьбы за национальное освобождение с борьбой за социальные и демократические преобразования в послевоенном государстве. Революционные и демократические силы польского народа группировались в годы войны вокруг Польской рабочей партии и Союза польских патриотов в СССР. Опубликованные в VII томе документы этих организаций показывают их огромный вклад в укрепление советско-польского боевого сотрудничества, в развитие интернациональных связей народов обеих стран, свидетельствуют, что именно они, а не лондонское эмигрантское правительство и его делегатура в стране, наиболее полно и адекватно выражали жизненные интересы польского народа, закладывали основы безопасности послевоенного польского демократического государства, опирающегося на тесное сотрудничество с СССР в вопросах международной политики.

VII том «Документов и материалов» фактически завершает первый период в развитии советско-польских отношений. Антисоветизм, лежавший в основе всех внешнеполитических концепций польских правительств, мешал развитию взаимовыгодных добрососедских связей между СССР и буржуазной польской республикой. В то же время отчетливо проявилась и другая тенденция, выражавшаяся демократическими и революционными силами Польши, которые рассматривали тесное сотрудничество с СССР как основу безопасности и национальной независимости страны.

Последние из опубликованных до настоящего времени три тома издания включают в себя документы и материалы, характеризующие развитие двусторонних отношений в новых исторических условиях, вызванных глубокими социально-экономическими и политическими преобразованиями в Польше, начало которым было положено созданием на рубеже 1943—1944 гг. Крайовой Рады Народовой (КРН), представительного органа революционных и демократических сил страны.

В декларации КРН от 1 января 1944 г., которой открывается VIII том издания, охватывающий период с января 1944 г. по декабрь 1945 г., был, в частности, сформулирован новый подход к вопросам внешней политики, новое понимание условий, гарантирующих национальную безопасность страны и ее равноправную позицию на международной арене. Центральное место во внешнеполитической программе КРН, а затем и Польского комитета национального освобождения занимали вопросы установления прочной дружбы и сотрудничества между Польшей и СССР.

Материалы VIII тома весьма полно отражают последовательность СССР и Народной Польши в осуществлении новых принципов двусторонних отношений в сложных условиях завершающей фазы второй мировой войны. Центральное место занимают документы, свидетельствующие об интернациональной помощи Советского Союза польскому народу в освобождении страны от гитлеровской оккупации, в борьбе за международное признание народно-демократической власти, за справедливые исторические границы Народной Польши, в восстановлении разрушенной в годы войны национальной экономики. Новые по своему характеру принципы межгосударственных отношений получили свое международно-правовое закрепление в советско-польском Договоре о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, полный текст которого поме-

щен в рецензируемом издании. Следует отметить, что принципы межгосударственных отношений нового типа, сформулированные в договоре от 21 апреля 1945 г., впоследствии были положены в основу всех других аналогичных договоров, заключенных Советским Союзом со странами народной демократии. Заслуживает внимания и такой факт, что если торговый договор между СССР и буржуазной Польшей был подписан только через 18 лет после Рижского мирного договора, то аналогичное соглашение между СССР и Народной Польшей было заключено уже в июле 1945 г., что свидетельствует о большом значении, придаваемом сторонами развитию двусторонних экономических связей.

Значительное внимание уделили составители тома выявлению документов, отражающих зарождение и развитие связей в области науки и культуры, помощь СССР в возвращении польскому народу похищенных фашистскими оккупантами культурных ценностей, в восстановлении Варшавы. Многочисленные материалы, извлеченные из центральных государственных архивов и архивов творческих организаций и научных учреждений, свидетельствуют, что эти связи превратились в один из важнейших элементов межгосударственных отношений, стали более стабильными, планомерными и эффективными.

Принципы отношений нового типа между СССР и Польшей, сложившиеся в 1944—1945 гг. в политической, экономической, культурной, общественной областях получили дальнейшее развитие в последующий период. Упрочение позиций народной власти внутри страны и на международной арене, в чем огромную роль сыграла интернациональная помощь Советского Союза, позволило польским коммунистам и демократическим силам успешно осуществить задачи народно-демократической революции и перейти к построению основ социализма. Новые условия развития советско-польских отношений после 1945 г. существенно повлияли на их характер, содержание и формы. Общность идеологии и целей, единство в подходе к решению важнейших проблем международных отношений, братское сотрудничество и взаимопомощь — вот те основные факторы, которые определяют взаимоотношения между государствами социалистического содружества с момента его возникновения. Убедительным доказательством этого является развитие советско-польского сотрудничества в 1946—1955 гг.

Материалы IX тома, охватывающего период по декабрь 1949 г., затрагивают широкий диапазон вопросов. Прежде всего это двусторонние отношения в политической и экономической областях. В этот период были заключены соглашения об организации почтовых, телеграфно-телефонных, воздушных сообщений, о демаркации советско-польской границы, о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов, продолжалась репатриация населения. Активизируется сотрудничество советской и польской дипломатии на международной арене, в частности, по таким вопросам как международная безопасность, разоружение, запрещение ядерного оружия, предотвращение ремилитаризации Германии и т. д.

Все более прочным становилось экономическое сотрудничество, причем в эти годы преобладает односторонняя помощь Советского Союза Польше. Во многом благодаря советским поставкам сырья и оборудования, помощи кредитами и специалистами в Польше успешно были выполнены задачи трехлетнего плана восстановления народного хозяйства. Огромное значение для перехода к осуществлению программы индустриализации Польши имело заключение в январе 1948 г. соглашения о советских поставках в кредит промышленного оборудования.

На более высокую ступень поднимается сотрудничество в области

науки. Прежние формы научных контактов между отдельными учеными и научными центрами становились недостаточными в новых условиях, поэтому в 1947 г. был заключен договор о научно-техническом сотрудничестве между СССР и Польшей, создавший прочную основу для совместных научных исследований и разработок и внедрения их результатов в народное хозяйство обеих стран.

Важные изменения происходят в области культурных и общественных связей. Создание Общества польско-советской дружбы позволило придать им плановый характер, найти более массовые формы, сделать их более разнообразными и действенными. Большую помощь ОПСД в развертывании его деятельности оказало ВОКС. Общепольские форумы ОПСД в 1946 г. и 1947 г. сформулировали в качестве основных задач деятельности Общества укрепление интернациональных связей между народами СССР и Польши и пропаганду знаний о Советском Союзе. Наряду с уже существовавшими прежде формами культурных связей, такими как обмен делегациями творческих работников, выставками, гастроли музыкальных и театральных коллективов, начинают проводиться месячники советско-польской дружбы, приуроченные к годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции, фестивали культуры, празднование юбилеев выдающихся деятелей культуры обеих стран. Все более отчетливой становится тенденция к установлению непосредственных контактов между коллективами отдельных предприятий, между профсоюзными и общественными организациями. Так, лодзинские текстильщики в письме к текстильщикам Иванова от 22 марта 1946 г. выражали свою благодарность за интернациональную помощь советских рабочих, предлагали наладить сотрудничество и заявляли: «Мы твердо убеждены в том, что дружбу, заключенную между нашими народами, никто не сможет нарушить и никто не сможет посорить нас, т. к. это завоевано кровью и не должно пропасть даром» (т. IX, с. 66).

Еще более интенсивно развиваются двусторонние советско-польские связи начиная с 1950 г., когда Польша приступает к выполнению шестилетнего плана развития народного хозяйства, основной задачей которого была форсированная индустриализация и быстрый подъем всего народного хозяйства страны. Небывалый объем решаемых задач требовал напряжения всех сил польского народа, мобилизации всех ресурсов. Огромная материальная помощь была предоставлена в этот период Польше Советским Союзом.

Преобладающая часть документов и материалов X тома касается именно этого аспекта советско-польских отношений в 1950—1955 гг. Советский Союз поставлял Польше техническую документацию и оборудование для ряда отраслей промышленности, в частности, для строительства крупнейшего в Польше металлургического комбината «Нова-Хута», для химической промышленности, направлял специалистов для помощи в монтаже и пуске оборудования, осуществлял большие поставки сырья, предоставлял необходимые кредиты. Быстрый рост польской промышленности в эти годы позволил изменить структуру экспорта в Советский Союз; наряду с поставками угля и некоторых видов сырья, в нем увеличивается доля продукции машиностроения. Укрепляется сотрудничество в научно-технической области, о чем, в частности, свидетельствуют материалы смешанной советско-польской комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Советский Союз оказал существенную помощь в подготовке кадров для народного хозяйства Польши, и не только специалистов с высшим образованием, но и рабочих для новых отраслей промышленности. В эти годы происходит дальнейшее укрепление контактов между советскими и польскими трудящимися: устанавливаются и развиваются связи между рабочими коллективами и профсоюзными организациями, зарождается со-

циалистическое соревнование между коллективами родственных предприятий Польши и СССР, происходит обмен опытом работы.

Успешно развивается сотрудничество ученых, в том числе и в новых областях науки, таких как мирное использование атома. Многочисленные документы относятся к деятельности ВОКС и ОПСД, к организации ими празднований юбилеев А. С. Пушкина, А. Мицкевича, А. П. Чехова, Ф. Шопена, месячников углубления польско-советской дружбы, выставок и т. д. Более оживленными становятся контакты между молодежными организациями — это и использование в деятельности Союза польской молодежи опыта ВЛКСМ, и налаживание переписки между детскими организациями, и приграничные встречи и митинги дружбы.

Важной стороной советско-польского сотрудничества являлась совместная деятельность на международной арене, направленная на сдерживание роста европейской напряженности. Опубликованы, в частности, советский проект Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе и заявления польской стороны в его поддержку, документы о позиции социалистических стран в отношении лондонских и парижских соглашений 1954 г., открывавших путь для ремилитаризации ФРГ, материалы об участии советской и польской общественности в Движении сторонников мира.

Следует сказать, что документы и материалы IX и X томов важны не только для изучения вопросов двусторонних советско-польских отношений. Они дают возможность проследить и более широкий процесс складывания мировой системы социализма, важными звеньями которой являются СССР и Народная Польша.

Анализ документов и материалов, опубликованных в рецензируемом издании, дает все основания для вывода, что его составителям удалось решить поставленные задачи и дать в руки исследователей и широких кругов общественности ценные источники по истории советско-польских отношений после 1917 г. Об этом, в частности, свидетельствует широкое использование материалов издания в ряде монографических исследований советских и польских историков, в кандидатских и докторских диссертациях, в дипломных работах, лекционной пропаганде и т. д. Созданы условия для создания обобщающего труда по истории советско-польских отношений в межвоенный период, потребность в котором крайне велика. При работе над последующими томами составителям следовало бы уделить еще большее внимание выявлению документов из архивов творческих союзов, научных, общественных, молодежных и детских организаций и учреждений, поскольку такого рода материалы дают наиболее полное представление о степени понимания общественностью СССР и ПНР исторического значения польско-советского сотрудничества для социалистического и коммунистического строительства в наших странах и для обеспечения прочного мира и безопасности в Европе и во всем мире.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М. М. СУМАРОВА. Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны (1929 — 1939). М., 1980, 240 с.

В рецензируемой монографии исследуется один из важнейших аспектов общественно-политической жизни в Югославии в десятилетие, предшествовавшее второй мировой войне, а именно — борьба демократических сил страны, возглавлявшихся Коммунистической партией Югославии, против реакционного диктаторского режима, наступления фашизма и угрозы войны. Хронологические рамки рассматриваемого в работе периода четко очерчены крупнейшими внутри- и внешнеполитическими событиями: государственным переворотом 6 января 1929 г., совершенным королем Югославии Александром Карагеоргиевичем, установившим абсолютистский диктаторский режим личной власти, и началом второй мировой войны 1 сентября 1939 г., явившейся закономерным крахом пресловутой политики «умиротворения» фашистских агрессоров, в которую югославские реакционные политики внесли свой посильный вклад.

Автором использован широкий круг источников: материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Архива Центрального Комитета Союза коммунистов Югославии, опубликованные материалы руководящих органов и форумов Коммунистического Интернационала и Коммунистической партии Югославии (Союза коммунистов Югославии), труды и воспоминания выдающихся деятелей КПЮ (СКЮ) И. Броз Тито, Э. Карделя, Б. Паровича, Ф. Филиповича, Р. Чолаковича и других, югославская партийная и советская печать того времени, а также советская и югославская литература по рассматриваемой проблеме.

В центре исследования М. М. Сумаровой находится деятельность Коммунистической партии Югославии, которая, действуя в исключительно трудных условиях подполья, вела самоотверженную борьбу за сплочение всех революционных и демократических сил страны, за создание единого фронта этих сил для совместной борьбы против монархии и диктатуры, за сохранение мира и установление дружественных отношений с Советским Союзом, за землю для трудового крестьянства, за создание союза свободных рабоче-крестьянских республик на Балканах (с. 18).

Оценив установление диктаторского режима как свидетельство кризиса всего общественно-политического строя и возникновения в стране революционной ситуации, руководство КПЮ выдвинуло лозунг вооруженного восстания. Коммунисты без колебаний вступили в бой с диктатурой, однако для успешной борьбы в то время не было условий. В неравной борьбе погибли десятки лучших сынов компартии и комсомола. Но эти жертвы не были напрасными: партия выстояла под ударами реакции, и хотя в организационном отношении она была ослаблена, она снискала уважение и симпатии в широких слоях народа. Вместе с тем собственная практика и опыт международного рабочего и коммунистического движения убедили коммунистов Югославии в том, что успех борьбы зависит не только от стойкости и отваги, но и от умения мобилизовать и привести в движение народные массы (с. 45).

В монографии на обширном материале показано, что именно борьба за массы явилась главным стержнем всей работы

КПЮ в рассматриваемое десятилетие. При всесторонней поддержке руководящих органов Коммунистического Интернационала Компартия Югославии уже в начале 30-х годов, оправившись от жестоких ударов, нанесенных ей реакцией, развертывает работу в легальных массовых организациях трудящихся, в первую очередь в профсоюзах, активно участвует в общеевропейском антифашистском и антивоенном движении, в деятельности МОПР, энергично поддерживает требования тружеников города и деревни, выступавших против растущей нищеты, бесправия, насилия и террора (с. 44—83).

На основе тщательного анализа опубликованных документов Коминтерна, Компартии Югославии и архивных материалов М. М. Сумарокова на примере взаимоотношений руководящих органов Коммунистического Интернационала и КПЮ убедительно и аргументированно раскрыла огромную руководящую роль боевого штаба международного коммунистического движения, коллективными усилиями всех своих секций разрабатывавшего стратегию и тактику борьбы коммунистических и рабочих партий за мир и социальный прогресс, за социалистическую революцию. Решения Политсекретариата Исполкома Коминтерна, пленумов ИККИ помогли Компартии Югославии преодолеть неизбежные в то время слабости, исправить допущенные ошибки, выработать правильную линию. Большое место в работе КПЮ занимала борьба против групповщины и фракционности. При поддержке руководства Коминтерна в первой половине 30-х годов Компартии Югославии постепенно удалось преодолеть такие негативные явления как сектантство и недооценка крестьянского и национального движения, являвшихся в условиях многонациональной аграрной Югославии важными составными частями борьбы широких народных масс против реакции, за демократию и прогресс.

Большой интерес представляют насыщенные богатейшим фактическим материалом разделы монографии, освещающие подготовку КПЮ к историческому VII конгрессу Коминтерна, участие югославской делегации в работе конгресса,

деятельность КПЮ по осуществлению его решений (с. 143—165, 179—211).

Важным аспектом деятельности КПЮ являлась ее настойчивая борьба за установление дипломатических отношений с первой в мире страной социализма — Советским Союзом, пропаганда в широких народных массах успехов социалистического строительства в СССР, требование переориентации внешней политики страны на дружбу и союз со Страной Советов — главным поборником мира (с. 75—76, 98, 109, 164, 175, 18—183, 223—224).

Эффективное сплочение всех революционных и демократических сил страны в борьбе против террора и насилия, против фашизма и угрозы войны могло быть достигнуто на путях создания единого рабочего и широкого народного фронта. Богатый фактический материал, приведенный в монографии, показывает, что руководства многочисленных югославских мелкобуржуазных политических партий, находившихся в оппозиции к диктаторскому режиму, равно как и верхушка реформистских профсоюзов, отвечали, как правило, отказом на все предложения КПЮ о совместных действиях. Это во многом определило тактику борьбы коммунистов за народный фронт: перенесение центра тяжести всей работы на его создание снизу — на установление контактов и организацию совместных выступлений с рядовыми членами массовых организаций трудящихся (профсоюзы, молодежные, женские, спортивные и другие), творческих союзов интеллигенции, их низовыми подразделениями. Несмотря на условия глубокого подполья и жестокие преследования со стороны властей Коммунистическая партия Югославии своей настойчивой и самоотверженной работой сумела завоевать доверие масс, стать их признанным руководителем (с. 228—229). Весь приведенный в книге материал полностью подтверждает заключительный вывод автора: «Деятельность коммунистов привела к сплочению прогрессивных, демократических групп, разоблачению и изоляции от масс верхов буржуазных партий. Под руководством КПЮ сложился широкий боевой антифашистский союз всех наций и народностей Югославии, который сыграл выдаю-

щуюся роль в период народно-освободительной войны и социалистической революции» (с. 235).

Большим достоинством книги М. М. Сумароковой является ее насыщенность живым конкретным материалом. Автору удалось немногословно, но достаточно полно и ярко рассказать о сложной общественно-политической обстановке в Югославии в рассматриваемое десятилетие, дать четкие характеристики политических партий и различных их блоков и коалиций, нарисовать выразительные портреты многочисленных лиц, действовавших в то время на политической сцене Югославии.

Немалые трудности представляла работа над документами КПЮ: ввиду жестких правил конспирации коммунисты действовали не под собственными именами, а под псевдонимами (см., например, с. 137), которые к тому же нередко менялись. Перед читателем рецензируемой книги югославские коммунисты, многие из которых отдали жизнь в борьбе за светлые идеалы социализма и коммунизма, предстают под их подлинными именами. О тщательности работы М. М. Сумароковой свидетельствует тот факт, что ей не удалось расшифровать лишь один псевдоним (с. 136).

С большим интересом советский читатель ознакомится с деятельностью в рассматриваемый в монографии период выдающегося руководителя югославских

коммунистов, видного деятеля югославского и международного рабочего и коммунистического движения Иосипа Броз Тито.

Деятельность Компартии Югославии показана на широком и весьма насыщенном социально-экономическом и общественно-политическом фоне, как общеевропейском и глобальном (мировой экономической кризис, приход Гитлера к власти в Германии, международная кампания в защиту Г. М. Димитрова, национально-революционная война в Испании, «аншлюс» Австрии, мюнхенское предательство, захват фашистами Чехословакии и Албании), так и югославском (установление королевской диктатуры, подъем рабочего, крестьянского и национального движения, предвыборные кампании и выборы 1931, 1935 и 1938 гг., размах антивоенной и антифашистской борьбы, резкая поляризация общественных и политических сил).

Исследованию М. М. Сумароковой присущи убедительность аргументации, четкость и продуманность выводов. Книга написана превосходным литературным языком и читается с неослабным интересом. Специалисты, исследующие проблемы борьбы широких народных масс стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами, получили интересное и оригинальное исследование.

Зеленин В. В.

История средних веков. Учебник для студентов исторических факультетов педагогических институтов. М., 1980, 576 с.

Создание новых учебников для высшей школы — важнейшая задача в деле воспитания и обучения молодежи в духе марксизма-ленинизма на основе глубокого познания объективных закономерностей исторического процесса. Эту задачу удачно решает авторский коллектив нового учебника по истории средних веков. Известные медиевисты (М. Л. Абрамсон, М. Р. Арунова, А. А. Кириллова, Н. Ф. Колесняцкий, В. Д. Королук, Г. Г. Литаврин, С. Ф. Орешкова, А. Н. Чистозвонов) на основе марксист-

ско-ленинского учения, привлекая обширный материал, раскрывают закономерности феодальной формации, закономерности феодального способа производства, выявляют его специфические особенности по отдельным регионам, странам, в том числе славянским. Именно славянская проблематика на страницах учебника будет затронута в рецензии.

Авторы глав по средневековой истории южного и западного славянства, опираясь на собственные монографические исследования, квалифицированно изла-

гают фактический материал, стараются всесторонне обосновать свои выводы. Уже в первых сюжетах о славянах (глава 4 — написана В. Д. Королюком и Г. Г. Литавриным) дается ясная картина их расселения, хозяйственной жизни. Отмечено, что по уровню хозяйственного развития западные славяне не уступали соседним с ними германцам (с. 76). Бесспорность такого вывода ярко подтверждают многочисленные археологические материалы послевоенных десятилетий [11].

Далее автор раздела о западных славянах (В. Д. Королюк) логически показывает степень их социальной дифференциации и характеризует первые славянские государственные образования (княжество Само, Великоморавскую державу, Чешское, Древнепольское государство) как раннефеодальные. Наиболее удачно отражено образование Древнепольского государства: четко и стройно увязаны хозяйственная и социальная стороны жизни польских племен с процессами их консолидации и созданием единого государства. Его раннефеодальный характер не вызывает сомнений. Что же касается княжества Само, то следовало бы оговорить спорность вопроса об определении этой политической общности (раннефеодальное государство или союз племен), указать на скудость имеющихся источников по его истории.

Раздел главы о южных славянах (Г. Г. Литаврин) охватывает раннесредневековую историю болгар, сербов, хорватов, словенцев. В соответствии с последними научными данными автор показал как социально-политические, так и этнические процессы их жизни. Сделан необходимый акцент на проблему взаимовлияния общественных институтов соприкасающихся этносов, удачно, по нашему мнению, отражены внутренние и международные отношения Первого Болгарского царства (автор, кстати, почему-то отказывается от употребления термина «Первое Болгарское царство»). При всем том совершенно не затронутым оказался вопрос о формировании единой болгарской народности, становлении самосознания. Проблема эта, казалось бы частного порядка, все же должна быть отражена в учебнике. Без ее раскрытия невозможно создать целостную картину

закономерности развития феодального способа производства, феодальной государственности и народности (заметим, что Г. Г. Литаврин неоднократно в своих публикациях подчеркивал важность этнической проблематики в раннефеодальной истории [2]).

Эпоха развитого и позднего средневековья в славянских странах наполнена бурными событиями. В их отборе и интерпретации еще более очевидны исследовательские интересы авторов соответствующих глав. Этому можно только порадоваться. Автор глав 14 и 18 — Н. Ф. Колесницкий, известный специалист по истории средневековой Германии, проводит четкую мысль о влиянии захватов славянских территорий за Лабой на рост территориальной раздробленности самой Германии, показывает агрессию сущности политики «натиска на Восток». Приходится лишь сожалеть о некоторой декларативности в объяснении причин успеха этой политики. Утверждение: «славянские и прибалтийские народности, будучи политически раздробленными, не могли дать отпор организованным силам завоевателей» (с. 242) мало дополняет ранее высказанный столь же краткий тезис В. Д. Королюка (с. 81). Очевидно, необходимо было в нескольких словах отметить особенности формирования этнических и политических общностей западных славян (лютичей, ободритов, сербов, поморян, ран), влияние на их устойчивость и взаимоотношения окружающей внешнеполитической обстановки.

История Чехии в XI—XV вв. (глава 18) дается на основе традиционных, достаточно устоявшихся оценок марксистской историографии. Внимание, как того и требовал характер издания, заостряется на главных событиях в стране. Структура их отбора позволяет рельефно представить внутреннее и международное состояние Чехии в предгуситскую и гуситскую эпоху. Автор в ряде случаев сознательно упускает детали и подробности, но некоторые положения, по нашему мнению, следовало бы осветить более широко (вопрос о немецком праве чешских городов; связь учения Яна Гуса с учением английского реформатора Джона Виклефа; причина расправы над

пикартами в таборитском лагере; оценку характера гуситских войн и их значение).

В разделе «Чехия во второй половине XV в.» (с. 296) упускается весьма существенный факт об окончательном складывании в Чехии сословной монархии.

В главе 19 «Польша в XI—XV вв.» В. Д. Королюк, много лет посвятивший исследованию самых разных аспектов польской истории, дает характеристику социальной структуры польского общества, его производительных сил. Экономические и политические предпосылки стройно увязаны с этнической основой для объединения польских земель в единое государство. Показано, как отразилось политическое объединение страны на развитии различных отраслей экономики. Однако хотелось бы, чтобы приводимые факты освещались более ярко, иллюстрировались конкретными цифровыми, документальными примерами. Общеизвестно, что трактовка феодального способа производства в XIV—XV вв. вызывает особый научный интерес, и было бы неплохо дать этот раздел шире, с учетом новейших данных польских историков и археологов.

Изложение событий XVI—XVII вв. в Польше В. Д. Королюк подчиняет выявлению особой расстановки социальных сил в стране, которая обеспечивала магнатам и шляхте безраздельное политическое господство. Отмечая, что эти слои не были заинтересованы в централизации феодального государства, автор убедительно характеризует пагубные последствия такого состояния для экономического, политического и культурного развития Польши. Выводы, содержащиеся в главе, научно обоснованны.

Можно только приветствовать включение в учебник новой для программы педагогического вуза содержательной главы «Валашское и Молдавское княжества и Трансильвания в XI—XV вв.». Специалистам известны публикации последнего десятилетия по так называемому «влахскому» вопросу, тесным образом связанному с проблематикой типологического сходства и типологических различий феодализма. Представленный в учебнике материал позволяет сопо-

ставить темпы феодализации, специфику процесса классового образования в западноевропейских районах и соседних славянских, углубляя у студентов знания о феодальной формации в целом. Глава 22 «Южные славяне в конце XII—XV вв.» чрезвычайно насыщена большим количеством фактов. Автору (Г. Г. Литаврин) пришлось для их изложения на четырех страницах проявить особый талант научного популяризатора. К сожалению, такая сжатость не позволила пояснить некоторые сюжеты (Законник Стефана Душана; развитие городов).

Ободрения заслуживает специальное выделение параграфа «Культура южных и западных славян». Достижения этих народов в различных областях духовной жизни освещаются как составная часть культуры средневекового общества Европы. Хорошо иллюстрирует эту мысль вывод о деятельности Кирилла и Мефодия. Приходится, однако, и здесь сожалеть о лапидарности раздела. Культура Болгарии, Сербии, Хорватии, Чехии, Польши хотя и кратко, но показана. Полабские славяне волею авторов почему-то оказались забытыми. Между тем по сохранившимся письменным источникам и данным археологии они имели свое самобытное культурное прошлое, которое исчезло в результате немецкой колонизации [3]. В учебнике следовало об этом сказать.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что содержание глав о славянских странах в новом учебнике соответствует современному уровню научных знаний. Естественно, авторы не могли раскрыть с одинаковой полнотой все аспекты средневековой истории славян. Было бы желательно, как уже говорилось, расширить некоторые сюжеты, усилить внимание к источникам, увеличить список рекомендуемой литературы. Целесообразнее составлять его соответственно главам.

В целом же то, что сделано авторским коллективом, несомненно будет способствовать совершенствованию учебного процесса в высшей школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch. Berlin, 1974.
2. *Литавин Г. Г.* Этническое самосознание южных славян в VII—X вв.—

В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978.

3. *Herrmann J.* Zwischen Hradschin und Vineta. Frühe Kulturen der Westslawen. Berlin, 1976.

ВАСИЛИЈЕ Б. КРЕСТИЋ. *Историја српске штампе у Угарској 1791—1914.* Нови Сад, Матица Српска, 1980, 506 с.

ВАСИЛИЕ ДЖ. КРЕСТИЧ. *История сербской печати в Венгрии*

Исторические условия, в которых в эпоху развития капитализма находилась часть сербского народа в Венгерском королевстве (входившем в состав Австрийской империи), вызвали нарастание общественно-политической активности разных слоев населения. Среди этих условий следует указать на сложный национальный и социальный состав общества, — господство венгерского дворянства, наличие сербской землевладельческой церковной иерархии, успешное — вплоть до середины XIX в. — формирование национального слоя ремесленников и торговой буржуазии (с центрами в Пеште и на юге королевства — области, за которой в сербском обществе уже в XIX в. закрепилось неофициальное название Воеводины), развитие относительно многочисленной сербской интеллигенции; на общественно-политической жизни сербов сказался также кризис старой социальной структуры в третьей четверти XIX в. — массовое разорение ремесленников, занятых в традиционных отраслях, и большинства торговцев, пролетаризация и пауперизация городского и сельского населения как «гражданских» территорий, так и Военной границы. С конца XIX в. Воеводина стала одним из центров мощного движения сельского полупролетариата («аграрный социализм»). Подъем освободительной борьбы сербского и других народов Балканского полуострова против османского ига, полная драматических событий история Центральной Европы еще в большей мере

стимулировали политическую активность сербского населения в Венгрии.

Все это предопределило развитие сербской печати в Венгрии в удивительных масштабах, особенно учитывая то, что сербов на юге королевства насчитывалось лишь 300—400 тыс. человек и большая часть населения была неграмотной. С конца XVIII в. по 1914 г. в Венгрии вышло до 200 сербских газет, например, в небольшом городе Нови Сад (меньше 20 тыс. населения) в 60-е годы XIX в. выходило девять сербских газет. Уже в это время городское сербское общество было «политизировано» в высокой степени, газеты читались вслух, вокруг чтения собирались семья и соседи; статьи известных деятелей вызывали горячие споры.

Отдельные крупные сербские газеты выходили в течение нескольких десятилетий и пережили существенную эволюцию (например, «Застава», основанная известным буржуазным деятелем Светозаром Милетичем), большинство же были недолговечными, что обусловливалось изменчивостью политической обстановки и другими факторами.

Сербская печать, сыгравшая весьма значительную политическую, общественную и культурно-просветительную роль в жизни угнетаемого габсбургской монархией народа, являлась зеркалом общественной мысли и поэтому стала для историка одним из важнейших и незаменимых источников. Это определяет интерес, с которым читатель раскрывает

новый фундаментальный труд известного югославского исследователя проф. Белградского университета В. Крестича. Для его создания было необходимо не только изучить огромный материал, опубликованный в газетах (журналы остались вне рамок труда), но и произвести разыскания в архивах Югославии, Чехословакии, Венгрии и Австрии. Автор использовал материалы государственных учреждений Австро-Венгрии, общественных организаций и частных лиц. «Развитие сербской печати в Венгрии рассмотрено не только в комплексе событий в Европе в целом и в габсбургской монархии, но и особенно в связи с тем, что касалось всего сербского народа и южного славянства» (с. 8).

Исследуя развитие печати, занимавшей столь большое место в общественно-политической жизни сербов, В. Крестич много сделал для изучения истории сербского народа вообще — общественной мысли, национально-политических течений и группировок, политической борьбы. Вместе с тем это — история многочисленных изданий, изложение их содержания, условий возникновения, источников финансирования, взаимоотношений лиц, издававших газеты и пр.; автор дает характеристики крупных деятелей общественного движения, показывает круг читателей той или иной газеты, их реакцию на опубликованные материалы, причины успеха или неудачи разных органов печати.

Название труда, как отмечает сам автор, не вполне отражает его содержание: исследованием охвачены сербские газеты, выходившие с конца XVIII в. в Вене, но составлявшие «органическое целое» с последующим развитием сербской печати в Венгрии (с. 9), тогда как из сербских газет, издававшихся в Хорватии и Славонии (тогда — автономной части Венгерского королевства), изучены только выходившие в Среме.

Книгу составляют семь глав, сформированных по хронологическому и идейно-политическому принципу: I — Начало сербской печати (1791—1848), II — В водовороте революции, III — В суровых тисках (1849—1859), IV — Во главе с Милетичем (1859—1884), V — Под сенью «Заставы» и «Браника» (1884—1914); VI —

Под покровительством Будапешта (1884—1914) (речь идет об изданиях, субсидированных властями.— В: Ф.), VII — Социалистическая печать (1870—1914). Монография состоит из большой серии очерков, объединенных в главы и посвященных отдельным изданиям или группам газет. Характерно, что если в главах I—IV, охватывающих периоды, когда значение прогрессивной, либерально-демократической буржуазной печати нарастало¹, каждой значительной газете посвящен отдельный очерк, то в главе V буржуазной печати в целом посвящены два очерка (1884—1905 и 1905—1914 гг.). Развитие же социалистической печати (1870—1914) рассмотрено более подробно. В этом нашел отражение исторический процесс распространения социалистических идей. Надо также отметить следующее: лишь отдельные югославские историки применяют в своих трудах понятие «революционная демократия», обычно же социалистические воззрения революционных демократов излагаются в общих рамках истории социалистического движения. По нашему мнению, есть основания считать, что в истории освободительной борьбы сербского народа в 70-е годы XIX в. революционная демократия занимала почетное место. Поэтому к достоинству рецензируемой книги можно отнести причисление Светозара Марковича и близких ему деятелей к «тогдашним ведущим сербским социалистам и революционным демократам» (с. 201). Именно они осуществили перевод «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и в апреле 1871 г., в дни Парижской коммуны, опубликовали его в демократической газете «Панцевац». Но в связи с этим не следовало ли выделить особый революционно-демократический этап в развитии сербской печати.

Труд проф. В. Крестича является вкладом в изучение истории общественно-политического движения и освободительной борьбы народов Югославии.

Фрейдзон В. И.

¹ Предметом дискуссии могли бы быть хронологические пределы главы IV, которые определяются временем политической активности и издательско-редакторской деятельности Милетича.

W. WILCZYŃSKI. *Władysław Syrokomła i literatura rosyjska*. Zielona Góra, 1980, 116 s.

В. ВИЛЬЧИНСКИЙ. *Владислав Сырокомля и русская литература*

Не часто приходится рецензировать работы, вышедшие не в Варшаве, не в Кракове, не во Вроцлаве. Тем приятнее это делать, так как книга, появившаяся в издании Высшей педагогической школы в Зеленой Гуре, представляет интерес и для полонистов, и для русистов, и для специалистов по литературным связям. Она написана о поэте, которого нередко относили к разряду *minorum genium*, но который, тем не менее, пользовался широкой популярностью как в Польше, так и в России. Об этом уже много писали польские и советские исследователи, но весь достаточно обширный фактографический материал впервые собран и систематизирован, составил некое единое целое. Автор привлек известные, малоизвестные, забытые и новые материалы, внося поправки в работы своих предшественников и сделав при этом небольшие открытия, что, как известно, всегда украшает работу (например, стихотворения «Грузинке» и «Украинке» считались переводами Мея из Сырокомли, вплоть до последнего издания избранных сочинений Л. Мея, вышедшего в Ленинграде в 1972 г. А между тем эти стихи принадлежат Ст. Винницкому, сосланному на Кавказ польскому поэту. Они были опубликованы Ю. И. Крашевским в его «Атенеуме» в 1843 г.).

Открывает книгу раздел под названием «В кругу русской литературы». Здесь речь идет об интересе Сырокомли к русской литературе, истоки которого уходят в его школьные годы, о начале переводческой деятельности, которая, кстати, также была связана с русской литературой, о журналах, которые публикацией русских материалов, так называемой россикой, оказали положительное влияние на развитие знаний поэта о русской литературе и культуре («Гыгодник Петербурски» и «Атенеум»), о его библиотеке, описанной в 1862 г. уже после смерти поэта, в которой наряду с комплектами «Библиотеки для чтения» и «Отечественных записок» находились собрания сочи-

нений Крылова, Карамзина, Пушкина, исторические романы, в том числе романы Загоскина, «Ревизор» Гоголя и другие произведения русской литературы.

В этом же разделе рассказывается о русских друзьях Сырокомли. Несмотря на то, что это очень интересные сведения (с астрономом Гусевым связано создание Сырокомлей русского стихотворения-посвящения, а Ю. Шрейдер, возглавлявший виленский телеграф, обнаруживал уже тогда свои литературные интересы и стал впоследствии репортером петербургских газет), повествование об этом, как нам кажется, выпадает за рамки, обозначенные в названии главы. Центральное место в ней занимают переводы «Мцыри» Лермонтова и «Узника» Пушкина, сочинений Некрасова и поэмы Рылеева (причем в установлении авторства безымянного перевода не последнюю роль сыграл лингвистический анализ языка Сырокомли, предпринятый Юзефом Трышучко).

Следующие главы посвящены рецепции творчества Сырокомли в России. В ее истории автор условно выделяет три периода: от первых упоминаний до начала известности — 1854—1864, период наибольшего распространения произведений Сырокомли в России — 1865—1885 и, наконец, перелом веков — время умеренного интереса к его сочинениям — 1886—1914 гг.

Причины обращения к переводам сочинений Сырокомли в первый период автор видит в славянофильских интересах тех лет, так называемом «польском вопросе», а также идейных и эстетических интересах переводчиков. В главе «Поэзия Сырокомли в русских переводах в пятидесятые-шестидесятые годы XIX века» сравниваются разные переводы одного из самых популярных сочинений Сырокомли — «Кукла», при этом отмечается верность передачи и основной мысли гавенды и стилистики в переводе М. Петровского; неточность перевода Л. Мея, которому, тем не менее, удалось сохранить стиль рассказа-гавенды; идейно-художественна

адекватность в сочетании с переводческим искусством высокого класса в лучшем, по мнению автора, из переводов этой гавенды — переводе А. Соколова. Как пишет В. Вильчинский, программа стихотворения отвечала программе журнала «Русское слово» Г. Благосветова и Д. Писарева, где оно и было опубликовано в переводе А. Соколова. К числу других верных и адекватных переводов В. Вильчинский относит перевод И. Плещеева под названием «Дума».

Интересны статистические данные, которые позволяют наглядно представить картину реценции творчества Сырокомли в России разных лет. Так, в первый из периодов было сделано 27 переводов 19 его сочинений. Больше всего переводов появилось в 1861 г. По мнению автора книги, разные по идеологическим и художественным направлениям журналы («Русская беседа», «Русское слово», «Сын отечества», «Северная пчела», «Русский мир» и др.) публиковали сочинения Сырокомли потому, что видели в нем одного из крупнейших представителей польской и славянской литературы, чье творчество привлекало с эстетической и познавательной точек зрения. Не совсем понятно, как журналы разной ориентации могли находить в Сырокомле идейного союзника.

В период 1865—1885 гг. поэзия Владислава Сырокомли нашла признание у еще более широкого круга читателей. О масштабах реценции свидетельствует цифра 150 — переводы, появившиеся в эти годы, причем больше всего (40) в 1879 г. Статистика подтверждает вывод о том, что Сырокомля был одним из наиболее популярных и часто переводимых иностранных поэтов. В популяризации его творчества большую роль сыграли демократические и либерально-народнические органы прессы. Поэты Трефолев, Минаев, Вейнберг, Оммулевский использовали сочинения польского поэта для пропаганды демократических идей (с. 73). Верная по сути, эта формулировка представляется не вполне удачной и слишком прямой.

В центре этого раздела — переводы Л. Трефолева, который нашел в Сырокомле поэта, близкого по духу, по масштабу творчества, по поэтическому стилю. Он переводил прежде всего те стихотворения

и гавенды, которые рисовали жизнь простых людей, с ее горестями и бедами. Всего Трефолев приобщил к русской поэзии 47 стихотворений, гавенд и поэм Сырокомли. В этот период кроме него сочинения Сырокомли переводили П. Козлов, поэты-«искровцы» Д. Минаев, П. Вейнберг, Д. Пальмин. Это было время, называемое автором книги вершиной популярности Сырокомли в России. Автор верно объясняет это развитием гражданской поэзии в России, но делает это почему-то в конце следующего раздела (с. 84). А затем начинается постепенный спад интереса к его творчеству, причины которого кроются, так сказать, в «духе» времени, оппозиции к ангажированной поэзии. Тем не менее и в этот период появилось немало новых переводов — 71. С точки зрения художественной, эти переводы не принесли ничего нового. Их низкий уровень автор объясняет тем, что к переводам обращались малоизвестные и неизвестные поэты.

Итак, в течение свыше полувека творчество Сырокомли занимало прочное место в польско-русских литературных связях. 35 русских поэтов, и в том числе Мей, Плещеев и др. переводили его стихотворения, гавенды, поэмы. 126 сочинений увидело свет в России в 245 переводах. Причем наибольшим успехом пользовались те из них, в которых поэт показывал повседневную жизнь народа и защищал его права («Почталъон», «Иллюминация» и др.). Популярностью пользовались и стихотворения о проблемах творчества. С меньшим успехом принимались произведения исторические и бытовые, почти не переводили драмы. Автор не объясняет, происходило ли это потому, что Сырокомля, по словам Кубацкого, был прежде всего публицистом в поэзии, и переводчики и издатели обращались прежде всего к наиболее сильной стороне его творчества, либо дело здесь не в нем, а в их литературных и не литературных программах?

В главе, посвященной оценкам творчества Сырокомли, приводятся высказывания как известных, так и анонимных литераторов. Автор насчитал свыше 50 статей, рецензий, упоминаний за 1854—1914 гг. О Сырокомле писали В. Спасович и Н. Аксаков, В. Зотов и В. Лавров,

ему немало места отводили в учебниках, словарях и энциклопедиях. Таким образом, русский читатель достаточно полно был осведомлен о польском поэте.

А современный читатель книги В. Вильчинского получит исчерпывающую информацию о том, какое место занимало творчество «сельского лирика»

в польско-русских литературных связях, сколь взаимным было обогащение польского поэта и русской литературы. А статистические выкладки и библиография переводов сочинений Сырокомли на русский язык делают эти сведения к тому же еще и наглядными.

Прокофьева Д.

Русское и славянское языкознание в России середины XVIII — XIX в. (в библиографических очерках и воспоминаниях современников). Учебное пособие. Составители: С. В. Смирнов, Г. И. Сафронов, П. А. Дмитриев. Л., 1980, 212 с.

Новое учебное пособие, недавно вышедшее в Ленинграде, представляет большой интерес для отечественного славяноведения. Это еще одно свидетельство усилившегося в последние годы внимания к разработке вопросов, касающихся формирования и развития русского и славянского языкознания, отечественной славистики XVIII—XIX вв. Учебное пособие предназначено для студентов и аспирантов вузов, занимающихся русской и славянской филологией, но его значение гораздо шире. Оно несомненно станет настольной книгой для всех специалистов в области славяноведения, особенно для историков науки.

Пособие состоит из предисловия, введения и восьми глав, посвященных деятельности выдающихся русских филологов (М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, О. М. Бодянский, П. И. Прейс, И. И. Срезневский, В. И. Григорович, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня) с кратким указателем литературы о каждом из них, и, наконец, указателя имен, очень облегчающего пользование пособием. В каждой главе краткий научный очерк жизни и деятельности ученого удачно дополняется воспоминаниями о нем современников. Это делает фигуры ученых более объемными и запоминающимися. Сам по себе выбор ведущих представителей русской и славянской филологии безусловно оправдан. Их труды составляют славу и гордость русской науки XVIII—XIX вв., являются яркими вехами в истории русского и славянского языкознания.

В небольших очерках, характеризую-

щих научный вклад ученых, и написанных очень четко и ясно, чувствуется большой опыт научной и преподавательской работы авторов-составителей пособия, их умение выделить главное в огромном материале, накопленном наукой почти за два столетия. Очерки содержат также справочный материал, что увеличивает значение книги. Впрочем, справочный характер пособия можно было бы усилить за счет более широкого привлечения недавно вышедших изданий по славяноведению и языкознанию, например, библиографических словарей [1; 2], приводящих наряду с краткими сведениями о жизни и деятельности ученых обстоятельную библиографию и указания на архивные источники. Хотелось бы обратить внимание авторов и на монографию А. В. Сергеева [3]: хотя она посвящена историческим взглядам В. И. Григоровича, но затрагивает и общеславистическую проблематику, анализирует курсы ученого по славяноведению, построена на впервые использованном архивном материале.

Привлечение архивных материалов очень важно в работах по истории науки, так как помогает глубже понять творческий путь ученого, его поиски, увидеть степень разработанности темы. Это особенно наглядно проявляется в очерке о П. И. Прейсе, одном из интереснейших русских славистов, вклад которого в славянское и общее языкознание еще недостаточно полно изучен. Поэтому очень важно, что авторы обращают внимание читателей на неопубликованную работу П. И. Прейса «Мысли о языке, его проис-

хождении и познании», где он включается в дискуссию о происхождении языка.

Несомненной заслугой составителей является интересный подбор отрывков из воспоминаний бывших студентов и коллег ученых, которые публиковались зачастую в малоизвестных и труднодоступных теперь провинциальных изданиях или сохранились в архивах. В совокупности они дают достаточно целостную картину жизни каждого ученого, его преподавательской деятельности, характера взаимоотношений со студентами, иногда характеризуют общественную позицию ученого и т. д. Все это очень важно с точки зрения истории науки. Хотелось бы, однако, отметить, что помещенные воспоминания содержат иногда ряд малозначительных, второстепенных сведений, относящихся к области исторических анекдотов, и не столь важны для характеристики личности ученого (см. с. 26, 122—123 и др.). Нелзя не пожалеть, что авторы привели всего три отрывка из воспоминаний о О. М. Бодянском (А. А. Кочубинского, П. Д. Шестакова и А. Н. Афанасьева в примечаниях). Эта интересная личность несомненно заслуживает более полного освещения. Уместно, например, было бы поместить еще хотя бы отрывок из воспоминаний И. И. Срезневского о О. М. Бодянском [4]. Есть и другие достаточно объективные воспоминания.

Особо хотелось бы сказать о введении к пособию. Оно представляет собой в целом содержательный очерк истории русской и славянской филологии в России с середины XVIII в. по 70-е годы XIX в. Само объединение этих дисциплин представляется удачным, так как снимает искусственный барьер между отечественным и славянским языкознанием, нередко воздвигаемый в нашей научной и педагогической практике. Понимание славяноведения XIX в. как комплексной дисциплины находится в русле последних исследований по истории славистики (Д. Ф. Марков, В. А. Дьяков, А. С. Мыльников, Л. П. Лаптева и др.). Положительно и то, что авторы попытались дать очерк развития русской и славянской филологии в контексте развития науки и общественной жизни в России указанного периода, что довольно редко, к сожалению, встречается еще в работах язы-

коведов. Однако эта несомненно правильная позиция авторов пошла несколько во вред изложению собственно лингвистического материала. Перегруженность общей проблематикой привела к тому, что у читателя не создается четкого, целостного представления о периодизации истории русского и славянского языкознания в России, об основных научных проблемах и направлениях каждого периода, его достижениях по сравнению с предшествующими периодами и с точки зрения современной науки. Справедливости ради надо отметить, что отчасти этот недостаток компенсируется в биографических очерках о каждом ученом. Сам материал очерков указывает на основные особенности этих периодов: М. В. Ломоносов — начало научной разработки русского языка; А. Х. Востоков — становление сравнительно-исторического метода в языкознании, начало дифференциации наук о языке (появление славянского языкознания, палеографических исследований, диалектологии и др.); деятельность И. И. Срезневского как бы завершает почти полувековой путь развития русского и славянского языкознания, а с А. А. Потебни начинается новый этап в развитии науки о языке (грамматическая теория, углубленное изучение диалектов и т. д.).

В тексте пособия имеется ряд досадных опечаток и неточностей в библиографических описаниях. К примеру, сборник «Методологические проблемы славистики» вышел не в 1976, а в 1978 г. (с. 10). Есть ряд неточностей в названиях и датах выхода работ И. И. Срезневского. Так, его статья 1841 г. называлась «О наречиях славянских» (с. 76); книга «Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы» вышла не в 1886, а в 1866 г. [5].

Желательно было бы и более тщательно прокомментировать приводимые отрывки из воспоминаний об ученых. Ведь они писались часто спустя много лет, по памяти, поэтому в них возможны ошибки и неточности, на которые следовало бы указать в примечаниях. Однако в кратких примечаниях, имеющихся в пособии, не содержится вообще никаких уточнений. Например, в воспоминаниях Н. И. Греча о А. Х. Востокове не сов-

сем правильно рассказывается история получения А. Х. Востоковым Демидовской премии за «Русскую грамматику» (с. 43) [6]. В воспоминаниях о В. И. Григоровиче неверным является сообщение, что путешествие в Албанию ему не было разрешено (с. 118). Путешествие было разрешено, но узнал он об этом только по возвращении в Петербург [7]. Также ошибочно сообщение Д. Н. Овсяннико-Куликовского о том, что В. И. Григорович привез из путешествия Зографское евангелие (с. 123). Он доставил лишь сведения о местонахождении евангелия, в Россию оно попало позднее [8]. В дополнение к очерку о В. И. Григоровиче и особенно к воспоминаниям о нем можно указать, кроме монографии А. В. Сергеева, еще и на его статью [9], где для характеристики общественно-политических взглядов В. И. Григоровича широко используются воспоминания о нем.

Хотелось бы также, чтобы более последовательно был проведен принцип характеристики общественно-политических взглядов отдельных ученых, где это представляется возможным. Пока достаточно определенно это сделано только для И. И. Срезневского, хотя существующая литература позволяет довольно точно охарактеризовать общественные позиции О. М. Бодянского [10] и В. И. Григоровича [3; 9].

Указанные выше недостатки не умаляют важности появления пособия для студентов и аспирантов не только филологических, но и исторических факультетов, для всех специалистов в области русского языкознания и славяноведения. Думается, что необходимо развивать этот новый жанр учебной литературы, совмещающий биографические очерки с воспоминаниями об ученых, который имеет

полное право на существование наряду с более распространенными хрестоматиями по отдельным дисциплинам. Рецензируемая книга, вышедшая небольшим тиражом, уже стала библиографической редкостью. Необходимо срочно подумать о втором расширенном ее издании.

Досталь М. Ю., Никулина М. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды, т. 1—3. Минск, 1976—1978.
2. Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979.
3. *Сергеев А. В.* Исторические взгляды В. И. Григоровича. Казань, 1978.
4. *Срезневский И. И.* На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии. СПб., 1878.
5. *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский как славист.— Советское славяноведение, 1980, № 3, с. 92, 102.
6. Переписка А. Х. Востокова в временном порядке с объяснениями и примечаниями И. И. Срезневского. СПб., 1873, с. 301—302.
7. Письмо В. И. Григоровича к М. П. Погодину.— ОР ГБЛ, ф. 231, Погодин II, 9/22, письмо от 20 мая 1847 г. СПб.
8. *Кувев К.* Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. София, 1979.
9. *Сергеев А. В.* К оценке научной деятельности В. И. Григоровича.— В кн.: Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 1. Казань, 1964, с. 43—57.
10. *Алексашикина Л. Н.* О. М. Бодянский. Из истории возникновения славяноведения в России.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. М., 1973, с. 208—210.

R. GRZEGORCZYKOWA, J. PUZYNNINA. *Słotowórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime*. Warszawa, 1979, 325 s.

Р. ГЖЕГОРЧИКОВА, Я. ПУЗЫНИНА. *Словообразование современного польского языка. Исконные суффиксальные существительные*

Для современного этапа изучения словообразования характерны системный подход к изучению явлений, выяснение общих закономерностей организации словообразовательных систем конкретных языков. Актуальной задачей является создание полных синхронных описаний словообразовательных систем разных языков, что позволит установить универсальные закономерности словообразования.

В книге Р. Гжегорчиковой и Я. Пузыниной впервые поставлена задача полного описания словообразовательной системы современного польского языка со строго синхронных позиций. Книга состоит из двух частей: 1. «Теоретико-методологическое введение» (автор — Я. Пузынина); 2. «Суффиксальные форманты» (авторы — Р. Гжегорчикова и Я. Пузынина). В первой части рассмотрены актуальные вопросы теории словообразования, методологические принципы, положенные авторами в основу описания. Важен, подчеркивается во «Введении», выбор метода описания — особенно в период, когда стало характерным стремление заменить структурные методы описания генеративно-трансформационными. Авторы данной работы основывают исследование «на общих принципах пражского структурализма — с некоторыми модификациями», так как «в сфере словообразования генеративный подход недостаточно разработан, поэтому трудно принять этот метод для полного описания языкового материала» (с. 6).

Принципиальным является для авторов разграничение понятий синхронного и диахронного словообразования. «В синхронном плане производное слово (иначе: мотивированное, или синхронный дериват) — это слово, которое, согласно языковому чутью носителей языка, основанному на синхронных семантических и формальных отношениях, можно признать образованным от другого слова, при этом вопрос действитель-

ной, генетической производности и временной последовательности не существует» (с. 9). Описание семантических и формальных отношений между словами (основа — дериват) и составляет главный предмет синхронного словообразования. По характеру семантического отношения деривата к основе, предлагается различать: 1) семантические дериваты: значение мотивирующего слова входит в значение деривата, представляя собою один из его дефиниционных признаков (*plótek* — ‘mały plót’, *jeździec* — ‘ten, kto jeździ na koniu’), либо значения деривата и мотивирующего слова совпадают (*stronica* — ‘strona’); в последнем случае при совпадении синтаксических функций дериват дополнительно определяется как тавтологический; 2) номасиологические дериваты: общая часть значения мотивированного и мотивирующего слов понимается как комплекс ассоциативных признаков, стабилизировавшихся в сознании носителей языка, но не представляющих собою дефиниционного признака; именно в таком понимании значение деривата *deptak* ‘место для прогулок’ определяется через значение мотивирующего *deptać* ‘топтать’.

В описании авторы пользуются понятием словообразовательного форманта. У формантов выявляются многообразные функции. Предваряя их характеристику, Я. Пузынина обращает внимание на то, что набор функций, приписываемых форманту, не самоочевиден: в значительной степени он зависит от избранной модели описания словообразования, подчинен целям конкретного исследования. В данном описании авторы выделяют прежде всего структуральную функцию формантов — функцию преобразования основы в дериват, главную и постоянную. В тавтологических дериватах эта функция единственная, в других типах дериватов форманты, наряду со структуральной, обычно выполняют и иные

функции, изменяя синтаксические свойства и/или семантику мотивирующего слова. В соответствии с этим выделяются функции транспозиционная и семантические (модификационная или мутационная). И н в а р и а н т н о й именуется системная функция форманта, присущая всему классу дериватов с данным формантом. Для некоторых формантов (*-ica, -ak, -ec, -nik*), имеющих очень широкое системное значение, единственной инвариантной функцией является структуральная. У других формантов выделяются более узкие инвариантные функции, конкретизированные: самим характером словообразовательного значения (инвариантная функция форманта *-nia* — образование мутационных дериватов, форманта *-uch* — экспрессивное значение); частью речи мотивирующего слова (формант *-on* выступает исключительно в отсубстантивных дериватах); общим семантическим признаком мотивированных слов (лицо, предмет, животное...) и характером их смыслового отношения к мотивирующим словам (субъектное, объектное, орудийное...) (инвариантная функция отглагольных имен с формантом *-iciel* значение лица—субъекта действия). Естественно, инвариантные функции формантов многообразны и разнородны, что объясняется сложностью организации семантики формантов. Следует, однако, отметить, что в рецензируемой работе не указываются ни принципы абстрагирования семантики, установления инвариантного значения (исходя из конкретных реализаций), ни те исходные единицы, из которых выводится инвариантное значение. Кроме инвариантной, у формантов существуют функции контекстные (общие для всех дериватов с данным формантом и определенным типом основ), факультативные (повторяющиеся хотя бы в нескольких мотивированных словах с данным формантом; так, факультативным для форманта *-ec* авторы считают значение 'корабль, судно' в именах *drobnicowiec* 'судно для перевозки малых грузов', *frachtowiec* 'торговое судно'). Таким образом, в исследовании представлена иерархическая организация функций формантов: от наиболее конкретных —

факультативных до наиболее абстрактной — структуральной. Через понятие функции форманта определяются понятия словообразовательного (иначе: структурального) значения деривата, словообразовательного типа и словообразовательной категории.

Значительное внимание уделено проблеме продуктивности (в синхронном понимании) — потенциальной активности словообразовательного класса, способности к увеличению его объема. Для анализа продуктивности в работе используются понятия формальной категоричности (возможности образования дериватов от всех основ определенного класса) и семантической категоричности (ситуации, когда лексическое значение любого деривата данного класса соответствует его словообразовательному значению, а последнее опирается на контекстную или инвариантную функцию форманта).

Непременным условием любого словообразовательного анализа является решение вопроса мотивации. В рецензируемой работе высказана мысль о том, что в языке на определенном уровне отношений между словами, несомненно, существует взаимная мотивация некоторых лексем; на некотором другом уровне, более глубоком и с отчетливым приоритетом семантических отношений, мотивация может быть всегда однонаправленной. В данном описании предпочтение отдано модели словообразования, более соответствующей 'языковому чутью носителей языка, а также действительным словообразовательным процессам' (с. 42), и в соответствии с этим использовано понятие взаимной производности (в случаях типа *stolarz ↔ stolarstwo, optymista ↔ optymizm*). Важная эвристическая роль при словообразовательном анализе отводится словообразовательной перифразе. Представляется, однако, спорным предложенный в работе критерий ориентации на естественность, простоту, благозвучие словообразовательной перифразы мотивированного слова при установлении мотивационных отношений. Руководствуясь этим критерием, следует считать, что слово *piętrus* 'двухэтажный автобус' непосредственно мотивировано прилагательным *piętrowy* 'двухэтажный,

имеющий второй этаж' (с отсечением элемента *-ow*), опосредствованно — существительным *piętro* 'второй этаж' на том основании, что перифраза 'autobus piętrowy' более проста и благозвучна в отличие от перифраз 'autobus z piętrem' или 'mający piętro', звучащих по-польски более искусственно (с. 44 и сл.). Однако, как отмечают и сами авторы, нередко из двух перифраз (в равной мере естественных) трудно выбрать ту, которая точнее представляет дефиниционный признак мотивированного слова, особенно, если речь идет о малоизвестных словах, относящихся к специальной лексике. На наш взгляд, более надежны при установлении мотивационных отношений формально-семантические системно-словообразовательные критерии. Впрочем, и сами авторы подчеркивают, что используемое ими понятие синхронного деривата отличается от принятого во многих работах, в том числе и в предшествующих работах авторов рецензируемой книги: с введением в синхронное словообразование понятий о н о м а с и о л о г и ч е с к и х дериватов, множественности мотиваций и взаимной мотивации утрачивается возможность определения синхронного деривата на основе формально-семантических отношений между мотивирующим и мотивированным словами. «Вместе с тем, в сознании носителей языка, к которому мы в данной работе обращаемся, не существует, собственно говоря, понятия производного слова как более сложного семантически и/или формально, но существует понятие производности слова как ощущение его производности, так как существует соответствующая этому понятию способность образования новых слов» (с. 47).

Теоретические и методологические принципы, изложенные в первой части книги, последовательно реализованы в описании конкретного материала. Вторая часть книги представляет собою полное, детальное, выполненное с грамматических позиций описание исконных суффиксальных существительных. В основу классификации материала положен признак части речи мотивиро-

ванного слова, дальнейшая классификация — «по формантам»: как полагают авторы, индуктивное описание легче осуществить, исходя из формы и упорядочивая в ее пределах функции. Избранный подход отнюдь не исключает возможности иного — «от содержания к форме», а его результаты могут служить предпосылкой для перехода к словообразовательному синтезу: «Реверсия описания материала сравнительно проста и — в синтезируемом варианте описания — станет предметом отдельного исследования» (с. 50). Аффиксальные форманты группируются по формальному признаку — в соответствии с конечным согласным, предшествующим флексии (напр., форманты на *-b-*, *-c-*, *-ch-*, *-cz-*, *-k-* и т. д.). Далее выделяются группы формантов на основе формантного инварианта (*invariant formantowy*), например, формантный инвариант *<-ba>* объединяет варианты *-ba*, *-oba*. Проблема идентификации морфов не обсуждается. О каждом форманте приводятся следующие сведения: а) функции; б) виды мотивационных отношений; в) грамматическая; семантическая, структурно-словообразовательная характеристика мотивирующих слов; г) продуктивность типов и отдельных семантических подтипов; д) морфонологические явления на стыке морфов, тенденции выбора суффиксальных морфов. Важным элементом описания является количественная репрезентация отдельных словообразовательных типов, подтипов, формантов, что позволяет авторам выделить ядро наиболее часто встречающихся в языке словообразовательных структур и наиболее активных словообразовательных элементов.

Монографическое описание именного словообразования современного польского языка, предпринятое в книге Р. Гжегорчиковой и Я. Пузыниной, вносит большой вклад в разработку проблем теории и практики описания словообразования, может служить основой для типологических сопоставлений словообразовательных систем польского и других славянских и неславянских языков.

Бесценная Е. Д.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1981 г.

СТАТЬИ

Акимова О. А. Особенности использования античных источников в «Истории архиепископов Салоны и Сплита»	№ 3
Аксенов Е. А. Важный памятник средневековой грамматико-лексикографической традиции (текстологический и акцентологический анализ)	№ 1
Бегунов Ю. К. К вопросу о церковно-политических планах Григория Цамблака	№ 3
Бершадская М. Л. Социальная структура словенского и хорватского общества конца XVIII — начала XIX века в произведениях А. Линхарта и Т. Брезовачко	№ 2
Болдов А. В. Подготовка «санации» к созданию своей политической организации (май 1935 — февраль 1937 гг.)	№ 3
Большакова К. В. Советско-польские литературные связи в 1946—1949 гг. (по материалам ВОКС и ОПСД)	№ 6
Бритовшек М. (СФРЮ). Взгляды академика Бориса Зихерла на словенскую историографию	№ 5
Будагова Л. Н. Чешская и словацкая поэзия 70-х годов	№ 2
Буюклиев И. (НРБ). Кирилло-мефодиевская традиция и возникновение старых западнославянских литературных языков	№ 6
Бычкова М. Е. Польские традиции в русской генеалогии XVII века.	№ 5
Важные события в жизни Советской страны	№ 2
Васильева Л. Д. Участие Украинской ССР в советско-польском сотрудничестве в области общественных наук	№ 1
Верещагин Е. М. К интерпретации одного темного места в переводческом наследстве Иоанна Экзарха Болгарского	№ 5
Виноградова Л. Н. Первые польские этнографические программы	№ 6
Витт В. В. Польский реализм конца XIX в. и роман Болеслава Пруса «Эмансипированные женщины»	№ 4
Волков В. К., Гибианский Л. Я. Фундаментальное издание документов (К выходу в свет шеститомной публикации «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»)	№ 5
Волокитина Т. Организационно-политическое развитие Отечественного фронта в период становления и укрепления народно-демократической власти в Болгарии (9 сентября 1944 — октябрь 1946 гг.)	№ 6
Воронков И. А. Польско-русские революционные традиции в восстании 1830—1831 гг. в Королевстве Польском	№ 3
Габовштяк А. (ЧССР). Проблема происхождения словацкого языка с точки зрения лексики	№ 5
Гибианский Л. Я. Позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии накануне Крымской конференции	№ 3
Гибианский Л. Я. Подготовка Крымской конференции и позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии	№ 4
Гибианский Л. Я., Зеленин В. В. Некоторые аспекты югославо-советских отношений в малоизвестных документах, выступлениях и статьях И. Броз Тито (1944—1946)	№ 6
Глобачев М. О. Вопросы литературы на страницах журнала «Новые виднокренги» (1941—1946)	№ 1
XXVI съезд КПСС	№ 3
Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки	№ 3

Жилко Ф. Т. Нейтрализация фонологических оппозиций гласных переднего ряда в славянских языках	№ 2
Иванов Вяч. В с. Происхождение славянских глагольных форм на -l	№ 6
Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные связи (вторая половина XIX века)	№ 6
Кореневская Н. М. Углубление философского начала в югославской лирике 70-х годов	№ 4
Кремца И. (ЧССР). Б. Шмераль — революционер, патриот и интернационалист	№ 5
Кувев К. (НРБ). Судьба Слепченского апостола	№ 1
Литаврин Г. Г. К проблеме становления болгарского государства	№ 4
Майорова О. Н. Сотрудничество между ВОКС и ОПСД в области политико-просветительной работы (1950—1955)	№ 2
Марков Д. Ф. Итоги и ближайшие перспективы работы Института славяноведения и балканистики АН СССР	№ 3
Матвеев Г. Ф. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. I—X.	№ 6
Матковски А. Из жизни и научной деятельности Полихрония Агапевича Сырку (1855—1905)	№ 6
Можаяева И. Е. Ciryllo-Methodiana на современном этапе	№ 3
Никулина М. В. И. Добровский и А. Х. Востоков (к 200-летию со дня рождения А. Х. Востокова)	№ 6
Новик Ф. И. Проблемы борьбы СССР за мир и безопасность народов в советской историографии 70-х годов	№ 1
Носкова А. Ф. К вопросу об аграризме и крестьянском движении в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период	№ 2
Пляков Ю. А. Создание развитого социалистического общества — торжество марксистско-ленинского учения	№ 1
Поп И. И. Проблема Словацкого национального восстания в чехословацко-советских отношениях	№ 3
Поповская-Таборская Г. (ПНР). Ономастическая проблематика в этногенетических исследованиях.	№ 1
Саливон А. Н. Ободриты. Некоторые вопросы общественно-политического строя	№ 4
Славин Г. М. Народный фронт Югославии в борьбе за укрепление народно-демократического государства	№ 2
Усенко П. Г. К вопросу о сотрудничестве З. Сераковского в «Современнике»	№ 1
Фалькович С. М. Ленинская «Правда» и Польша (1912—1914)	№ 4
Фрейдзон В. И. К теории этнических процессов. В связи с выходом книги: Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории)	№ 5
Чернявский Г. И. Западная буржуазная и реформистская историография о характере политических режимов в Болгарии между мировыми войнами	№ 2
Шаулич А. (СФРЮ). Некоторые сведения о Дробняке, его гуслирах и собирателях народных песен	№ 1

СООБЩЕНИЯ

Бобрин М. Н. Участие ПНР в работе общеевропейского совещания в Женеве	№ 4
Грачев В. П. История зарубежных славянских и балканских народов в русских дипломатических документах второго десятилетия XIX века	№ 4

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Дьяков В. А. О некоторых аспектах развития славистики в 1918—1939 годах	№ 1
---	-----

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Яковенко Н. Н. Новые данные к биографии С. С. Ягодынского	№ 1
---	-----

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ БОЛГАРИСТИКИ

Валев Л. Б. Изучение вопросов истории Болгарии в Советском Союзе	№ 5
Демина Е. И. Основные направления разысканий в области болгарского языка и письменности в трудах советских ученых	№ 5

Злыднев В. И. Изучение болгарской литературы в Советском Союзе. Итоги и перспективы	№ 5
Марков Д. Ф. Болгаристика как комплекс научных дисциплин	№ 5

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Г. Справочник о кафедре истории южных и западных славян МГУ	№ 4
Беляева В. И. Historiografie v Československu. 1970—1980. Vyběrova bibliografie	№ 5
Белякевич И. И. П. М. Калениченко, В. П. Колесник. Граница дружбы и мира. О советско-польском приграничном сотрудничестве. 1956—1979	№ 4
Бесценная Е. Д. R. Grzegorzczukowa, J. Puzynina. Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksálne rodzime	№ 6
Варварина Е. Ничев Б. Съвременният български роман (към история и теория на епичното в съвременната българска художествена проза)	№ 3
Гордиенко В. Я., Моторный В. А. Монография о Миколаше Алеше	№ 2
Горский И. К. А. Martuszevska. Poetyka polskiej powieści dojrzalego realizmu (1876—1895)	№ 2
Григорьев А. П. Evliya Celebi. Kniha ciest. Cesty po Slovensku	№ 5
Досталь М. Ю., Никулина М. В. Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв. (в библиографических очерках и воспоминаниях современников). Учебное пособие. Составители: С. В. Смирнов, Г. И. Сафронов, П. А. Дмитриев	№ 6
Достал И. С. Елена Грозданова. Българската селска община през XV—XVIII век	№ 1
Дьяков В. А., Митина Н. П. Л. А. Обушенкова. Королевство Польское в 1815—1830 гг. Экономическое и социальное развитие	№ 1
Е. В. К. Trost. Untersuchungen zur Übersetzungstheorie und -praxis des späteren Kirchenslavischen. Die Abstrakta in der Hexameronübersetzung des Zagreber Zbornik von 1469	№ 4
Жук В. А. В. П. Ведина. Ежи Путрамент	№ 3
Зайцева Н. И. В. М. Мокиенко. Чешский язык. Учебное пособие по развитию разговорной речи.	№ 5
Зелени В. В. М. М. Сумарокова. Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны (1929—1939 гг.)	№ 6
Исаевич Я. Д. Трилогия об Иване Федорове	№ 5
Корольюк В. Д. H. Łowmiański. Religia słowian i jej upadek (w. VI—XII)	№ 2
Лазутин С. Г. В. Е. Гусев. Славянские партизанские песни	№ 4
Лещиловская И. И. Л. Н. Титова. Чешский театр эпохи национального Возрождения (конец XVIII — первая половина XIX в.)	№ 4
Л. К. «Slovanská knihovna a slavistika». Zpracovalo dr. J. Strnadel a M. Křepínska	№ 4
Макар Ю. И. Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. X, январь 1950 — декабрь 1955 г.	№ 2
Маковецкая Т. Александр Стамболийски. Избрани произведения	№ 3
Молошная Т. Н. М. Г. Рожновская. Очерки по синтаксису болгарского литературного языка. Предложения с предикативным определением	№ 4
Наумов Е. П. Биобиблиографический указатель «Владимир Иванович Пичета»	№ 2
Носкова А. Ф. Cz. Łuczak. Polityka ludnościowa i ekonomiczna Niemiec hitlerowskich w okupowanej Polsce	№ 1
Носкова А. R. Nazarewicz. Drogi do wyzwolenia. Konceptje walki z okupantem w Polsce i ich treści polityczne. 1939—1945	№ 3
Ольшанский П. St. Sl. Niceja. Julian Leszczyński-Leński. Biografia	№ 5
Островский Г. Л. И. Танаевава. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко	№ 2
Перхавко В. Б. K. Godłowski. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia słowian w V—VII w. n. e.	№ 3
Песчаный Д. Г. М. А. Бирман. Формирование и развитие болгарского пролетариата (1878—1923)	№ 5
Поп Ю. И. J. Cierný. Nová orientácia zahraničny politiky Československa (1941—1948)	№ 4
Прокофьева Д. W. Wilczyński. Władysław Syrokomla i literatura rosyjska	№ 6
Пуцко В. Г. Иван Дуйчев. Древнеозически мислители и писатели в старата българска живопис	№ 2
Рупосова Л. П. M. Soták. Dejové substantíva v slovenčine a v ruštine	№ 4
Рыжова М. И. Исследования, посвященные Отону Жупанчичу	№ 5

Саливон А. Н. История средних веков. Учебник для студентов исторических факультетов педагогических институтов	№ 6
Струкова К. Н. И. Хитрова. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах	№ 3
Твердислова Е. С. Непрерывная традиция	№ 2
Удальцов И. И. Совместная работа историков СССР и ЧССР о советско-чехословацких отношениях	№ 1
Фрейденберг М. М. Бистра Цветкова. Паметна битка на народите (Европейският югоизток и османското завоевание — края на XIV и първата половина на XV в.)	№ 1
Фрейдзон В. D. Pavličević. Narodni pokret 1883 u Hrvatskoj	№ 2
Фрейдзон В. И. Василије Ђ. Крстић. Историја српске штампе у Угарској 1791—1914	№ 6
Цыбенко Е. З. Сообщение опыта развития польской социалистической литературы	№ 2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Валев Л., Злыднев В. Третья международная комплексная конференция болгаристов в Софии (сентябрь, 1980)	№ 2
Валева Е. Всесоюзная научная конференция «Советская болгаристика. Итоги и перспективы»	№ 3
В. Д., А. М. Берлинское заседание Международной комиссии по истории славистики	№ 4
Вышомирская-Кузьминская О. (ПНР). Научная конференция Комиссии историков ПНР и СССР	№ 3
Достяни I. С. I конференция советских и югославских историков в Белграде	№ 3
Е. В. Информационный бюллетень МАИРСБ	№ 2
Е. I. I специализированном совете при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (по всеобщей истории)	№ 4
И. В. Советско-польский коллоквиум «Фашизм и социальная структура стран Европы. 1918—1945»	№ 3
И. К. Собрание Международной комиссии по славяноведению	№ 1
Калужская И. Симпозиум по античной балканистике	№ 5
Морозова О. Годовщина польского восстания 1830—1831 годов	№ 5
Мочалова В. Ян Кохановский и эпоха Ренессанса	№ 2
Титова Л. В Научном совете по проблемам славяноведения и балканистики	№ 3

НЕКРОЛОГИ

Злыднев В. И. Николай Иванович Кравцов	№ 3
--	-----

CONTENTS

Ghibianskii L. J., Zelenin V. V. Some aspects of the Yugoslav-Soviet relations in J. Broz Tito's little-known documents, speeches and articles (1944—1946). *Volokiti-na T.* Organization practical and political development of the Patriotic Front during the stabilization and strengthening of the popular democratic power in Bulgaria (September, 9 1944 — October 1946). *Bolshakova K. V.* The Soviet-Polish literary connections, 1946—1949 (on the materials of the All-Union Society on Cultural Connections and the Society of Polish-Soviet Friendship). *Kishkin L. S.* The Czech-Russian literary connections (the second half of the XIX-th century). *Matkovski A.* From the life and scientific activity of P. A. Syrky (1855—1905). *Vinogradova L. N.* The primary Polish ethnographical programmes. *Ivanov V. V.* The origins of the Slavic verbal forms on -l. *Buyuklijev I.* (Bulgaria). Cyrillic-Mefodical tradition and rise of the old western Slavic literary languages. *Nikulina M. V. J. Dobrovski and A. Kh. Vostokov* (To the bicentenary anniversary of A. Kh. Vostokov). *Matvejev G. Ph.* Documents and materials on the history of the Soviet-Polish relations. Vols. I—X 3

REVIEB ARTICLES AND REVIEWST

Zelenin V. V. M. M. Сумарокова. Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны (1929—1939). *Salivon A. N.* История средних веков. Учебник для студентов исторических факультетов педагогических институтов. *Freidson V. I.* Василије Ђ. Крстић. Историја српске штампа у Угарској 1791—1914. *Prokofjeva D. W. Wilczyński.* Władysław Syrokomla i literatura rosyjska. *Dostal M. Ju., Nikulina M. V.* Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв. (в библиографических очерках и воспоминаниях современников). Учебное пособие. Составители: С. В. Смирнов, Г. И. Сафронов, П. А. Дмитриев. *Bestennaya E. D. R. Grzegorzcykova, J. Puzynina.* Słowo-twórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime . . . 125
 Guide of Articles and Materials Published in the Magazine in 1981. 140

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.08.81 Подписано к печати 26.10.81 Т-27527 Формат бумаги 70×108^{1/16}
 Высокая печать Усл. печ. л. 12,6 Усл. кр.-отт. 16,1 тыс. Уч.-изд. л. 13,7 Бум. л. 4,5
 Тираж 1243 экз. Зак. 724

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс 70891